ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Добреньков Иван Владимирович

Семья как ценность в жизненной траектории молодежи Ростовской области: факторы и тенденции изменений

Научная специальность 5.4.4 – социальная структура,
социальные институты и процессы

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Волков Юрий Григорьевич

Ростов-на-Дону – 2026

Оглавление

Введение……..…. 3

Глава 1. Методология социологического исследования ценности семьи в жизненной траектории российской молодежи……..... 23

1.1. Семья как ценность в молодежной среде российского общества: актуальные проблемы и теоретические подходы исследования..... 23

1.2. Жизненные траектории российской молодежи в теории и практике социологических исследований……..... 41

1.3. Семья как ценность в жизненной траектории российской молодежи: методологические основания исследования..... 57

Глава 2. Образовательные, профессиональные и семейные траектории молодежи Ростовской области в контексте меняющейся роли и ценности семьи …….. 87

2.1. Роль семьи в образовательных и профессиональных траекториях молодежи Ростовской области: факторы изменений.....…….……87

2.2. Семейные траектории молодежи Ростовской области: особенности формирования и проблемы реализации…… 116

2.3. Меняющаяся ценность семьи у молодежи и ее жизненная траектория в формате отложенного взросления в условиях регионального социума (на материалах Ростовской области).… 142

Заключение……..... 164

Список литературы……..... 174

Приложение А……..... 202

Приложение Б……..……..... 208

Приложение В……..….... 212

Введение

В период масштабных перемен, кризисных ситуаций в развитии общества неминуемы сдвиги в структуре ценностей общества, которая выступает своеобразным индикатором состояния в современных реалиях и барометром будущего социума. Особое внимание при этом привлекает структура ценностей молодого поколения, наиболее реактивно реагирующего на социальные перемены и катаклизмы. Сохранение ценностного базиса, идентичного ценностной матрице российского общества в его социокультурно-исторической проекции, может рассматриваться как базис для перспективного будущего социума, сохранившего свой культурный код. При имеющихся изменениях в ценностном мире молодежи, возрастающей степени тревожности относительно возможностей личностной самореализации место смыслообразующей и жизненно важной ценности в иерархии ценностей российской молодежи, в том числе региональной, сохраняется за семьей.

Сама современность, сама социальная ситуация, сложившаяся в России, требуют погружения в основы основ, в процесс социализации молодежи, на которую сегодня делается ставка, впрочем, как и всегда: молодежь не только и не столько настоящее любого общества, сколько его будущее, просматриваемость и прогнозируемость которого всецело зависят от молодежи, ее ценностного мира, поведенческих установок, взгляда в будущее, ее устремленности в настоящем с осознанием того, что она может сделать здесь и сейчас, в условиях современных реалий.

Отложенное взросление молодежи – одна из наиболее актуальных проблем, вызывающих острые дискуссии в социологической литературе. Оно затрагивает ключевые сферы жизненной самореализации: получение образования, трудовую деятельность и профессиональное становление, формирование семьи и рождение детей. Имеющиеся данные указывают на устойчивое воспроизводство практик отложенного родительства, поздней брачности и позднего выхода на рынок труда, а отношение к подобным изменениям неоднозначное: их рассматривают и как проявление социальной незрелости (инфантильности), и как проявление

ответственного отношения к принятию и реализации жизненно важных решений[1]. Важно не только оценить изменения в поведении молодежи и алгоритм ее включения в систему социальных отношений, но и установить причины таких изменений. Для этого необходимо выявить доминантные факторы, влияющие на процесс взросления в парадигме откладывания жизненно важных решений и этапов.

В данной диссертации предполагается показать зависимость жизненной траектории от переосмысления молодежью ценности семьи, от изменения роли и значимости последней в жизни молодых поколений с учетом особенностей их ценностного мира, отличного от мира старших поколений, чья жизненная самореализация пришлась на другой период, на другую эпоху – со своими опасениями, рисками, особенностями, жизненными приоритетами.

Полагая, что изучаемая нами проблема во многом связана с влиянием общемировых и общероссийских тенденций в сфере взросления молодежи и ее жизненной самореализации, с трансформацией семейных ценностей, тем не менее считаем необходимым указать на ценность обращения к региональному ракурсу исследования данной проблематики, а именно применительно к Ростовской области.

По численности населения Ростовская область находится на шестом месте среди субъектов Российской Федерации. Согласно данным Ростовстата на 1 января 2025 г., молодежь составляет почти четверть жителей области. Большая часть молодых людей проживает в городах, где возможности для их жизненной самореализации шире. Однако отдельные территории области, преимущественно сельские, отличаются крайне нестабильной демографической ситуацией[2].

Ежегодные статистические данные указывают на сохранение проблем в сферах, значимых для самореализации молодежи и развития региона. В целом эти

[1] Радаев В. В. Откладывают ли молодые поколения свое взросление, и в чем это проявляется // Демографическое обозрение. 2025. Т. 12, № 4. С. 4–44.

[2] Особенности формирования и динамика демографической ситуации в Ростовской области / Ю. Ю. Меринова, А. Б. Эртель, А. Д. Хаванский, С. В. Левченко // Успехи современного естествознания. 2026. № 3. С. 43–50.

проблемы вписываются в тенденцию позднего взросления. Это находит явное выражение в семейных практиках, которые по-прежнему отражают кризисный характер развития семейно-брачной сферы России (высокий процент разводов среди молодых семей, рост числа неполных семей, внебрачной рождаемости и т. д.[3]). Более того, результаты эмпирических исследований показывают, что такие особенности Ростовской области, как полиэтничность, наличие депрессивных территорий и близость к зонам геополитической нестабильности в условиях СВО, повышают риски культурной маргинальности молодежи. Она проявляется, в частности, в нарастании социальной напряженности в молодежной среде, ценностного и социокультурного отчуждения[4]. В социально-экономическом отношении Ростовская область не входит в число регионов, привлекательных для профессиональной и карьерной самореализации молодежи. Это отражается в усилении миграционных настроений молодых людей и их оттоке в другие регионы России. Источниками социальной напряженности выступают также СВО и близость к границам с ДНР и ЛНР, к районам боевых действий[5]. После расширения границ РФ в сентябре 2022 г. Ростовская область оказалась в условиях «новой территориальности». В совокупности с фактором СВО эти условия привели к изменениям в социально-экономической и социально-политической ситуации, а также в повседневной жизни населения региона. В результате возросла актуальность вопросов адаптации жителей области к новым реалиям[6].

Перечисленные обстоятельства определяют необходимость обращения к мнению молодежи Ростовской области и экспертным суждениям относительно особенностей жизненной самореализации молодежи региона. Это позволит

[3] Доклад «О состоянии и тенденциях демографического развития, положении семьи и молодежи в Ростовской области». URL: https://www.donland.ru/result-report/2586/ (дата обращения: 20.05.2026).

[4] Ткаченко О. В. Ключевые агенты культурной маргинальности молодежи Ростовской области // Теория и практика общественного развития. 2026. № 4. С. 88–93.

[5] Основные источники внутренних и внешних угроз региональной безопасности: на примере Ростовской области в условиях проведения Специальной военной операции / В. И. Бригадин, А. Ю. Соловьева, Н. С. Делов, Д. К. Григорян // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. Т. 13, № 8. С. 1614–1623.

[6] Колесникова Е. Ю. Социальные механизмы адаптации населения приграничного региона в условиях новой территориальности // Научная мысль Кавказа. 2024. № 4. С. 75–83.

объяснить некоторые из проблемных зон в местной социально-демографической динамике и на основе полученных знаний наметить пути их решения.

В этом плане ситуация в Ростовской области не очень отличается от большинства регионов России, испытывающих сложности в демографическом развитии в связи с естественной убылью населения при недостаточном уровне рождаемости[7]. Данная проблема требует глубокого исследовательского внимания в контексте изменения ценности семьи и ее роли в формировании и реализации жизненной траектории региональной молодежи, адаптации последней в самых важных сферах жизнедеятельности как для нее самой, так и для всего регионального социума. Молодежь Ростовской области в указанном ракурсе постановки научной проблемы еще не становилась объектом социологической рефлексии, чем и определяется актуальность темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы диссертации. Проблема ценности семьи и ее изменения в молодежной среде российского общества с учетом динамичных перемен и специфики вызовов современной эпохи занимает значимое место в научно-исследовательском дискурсе. Для понимания современной ситуации и изменений в области семейных ценностей российской молодежи наиболее важное значение имеют работы таких исследователей, как О. А. Александрова, О. В. Бессчетнова, Е. Болсуновская, Г. З. Ефимова, В. С. Жукова, Е. Ю. Забелина, Н. Э. Ивченко, С. А. Ильиных, Д. С. Кашаев, С. Ю. Кувалдина, Ф. Г. Мышко, Э. К. Наберушкина, В. В. Попов, Н. А. Романович, Е. С. Сазонова, О. А. Судоргин, Т. А. Феньвеш, Н. Д. Холин, О. Н. Шумилова[8]. Исследователи отмечают, что в структуре ценностей

[7] Демографическая политика в Ростовской области. URL: https://www.donland.ru/activity/214/ (дата обращения: 20.05.2026).

[8] Александрова О. А. Инфантильные или ответственные: студенческая молодежь о новых тенденциях в брачно-семейной и репродуктивной сферах // Народонаселение. 2024. Т. 27, № S1. С. 107–119; Ефимова Г. З., Кувалдина С. Ю. Семья или карьера? Счастье и успешность молодежи через ориентацию на профессиональные и семейные ценности // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9, № 2. С. 33–57; Ивченко Н. Э., Жукова В. С., Сазонова Е. С. Тенденции в ценностно-нормативной сфере молодежи в отношении института семьи и брака // Экономика и управление: проблемы, решения. 2026. Т. 9, № 2.

российской молодежи семейные ценности занимают доминантные позиции по сравнению с карьерными установками, ценностями личностного и социального характера; однако сами семейные ценности изменяются в сознании молодежи, и именно эта проблема становится значимой темой в социологическом дискурсе. Эти изменения анализируются в контексте институциональной трансформации семьи, также представляющей собой пространство для дискуссии и различных позиций в исследовательской среде в диапазоне кризисной и эволюционной парадигм[9]. В целом большинство исследователей приходит к выводу о смещении акцента с традиционных ценностей и функций семьи (репродуктивной и экономической) в семейных установках молодежи на современные, ориентированные на удовлетворение личностных потребностей в

С. 157–164; Ильиных С. А. Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4–1. С. 220–232; Кашаев Д. С., Шумилова О. Н. Трансформация концепта «семейные ценности» в сознании цифрового поколения // Современное профессиональное образование. 2026. № 3. С. 184–188; Мышко Ф. Г., Попов В. В. Влияние западных ценностей на брачно-семейные и репродуктивные установки молодежи // Вестник университета. 2025. № 12. С. 282–290; Романович Н. А. Представления молодежи о браке и семье // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 135–140; Наберушкина Э. К., Бессчетнова О. В., Судоргин О. А. Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22, № 4. С. 697–714; Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. Семейные ценности современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 138–142; Феньвеш Т. А., Болсуновская Е., Забелина Е. Ю. Идеология чайлдфри как проявление гедонистической жизненной стратегии современной российской молодежи на примере студентов Сибирского федерального университета // Социодинамика. 2024. № 5. С. 39–58; Холин Н. Д. Ценность семьи в понимании российской молодежи: теоретический анализ трансформации понятия // Казанский педагогический журнал. 2019. № 1. С. 209–212.

[9] Антонов А. И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур // Социология. 2014. № 1. С. 3–20; Верещагина А. В. Трансформация института семьи и демографические процессы в современной России. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. 263 с.; Ее же. Российская семья в эпоху перемен: автономная, неуправляемая, непредсказуемая // Caucasian Science Bridge. 2024. Т. 7, № 4. С. 108–116; Вялых Н. А. Трансформация института семьи в российском обществе: социальные противоречия и социологические иллюзии // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 2. С. 125–138; Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.; Егорова Н. Ю. Трансформации супружества в контексте семейных ценностей // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 18–32; Иванова А. А. Трансформация брачно-семейных отношений в российской семье: сравнительный анализ социологических исследований // Известия вузов. Сев.-Кав. регион. Общественные науки. 2015. № 4. С. 27–32; Карцева Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 92–100; Лежнина Ю П. Институт семьи в России: на пути трансформации // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4, № 2. С. 70–90; Невеличко Л. Г., Воротилкина И. М. Проблемы трансформации института семьи и брака на современном этапе // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14, № 2. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/43SCSK223.pdf (дата обращения: 20.11.2025); Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 1. С. 95–113.

эмоциональном комфорте, любви, заботе и поддержке. При этом доминирует ориентация на малодетность, на нуклеарную семью как норму с отказом от патриархальной системы распределения семейных ролей в пользу равноправия.

Значительный пласт исследований посвящен ценности семьи в среде студенческой молодежи[10]. Анализ результатов многочисленных исследований среди студентов различных направлений и из разных регионов страны показывает, что в целом семейные ценности студенческой молодежи отражают установки в отношении семьи, сложившиеся в молодежной среде России: ориентированность в большей степени на официально зарегистрированный брак, любовь, взаимопонимание, равноправное партнерство как основания для создания и жизнедеятельности семьи, хотя сам брак не воспринимается при этом как социальная обязанность.

Жизненные траектории молодежи в различных социальных сферах стали предметом исследования Т. Н. Адеевой, Е. Д. Вознесенской, Л. В. Гуляевой, Д. Л. Константиновского, А. П. Павлова, М. А. Райкиной, К. Р. Семенцовой, Д. О. Труфанова, Ф. А. Хохлушкиной, Г. А. Чередниченко, Е. М. Черкашова,

[10] Дунаева Н. И., Баринова О. А., Курзюкова Ю. Ф. Представления современных студентов о семье и семейных ценностях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2025. № 2. С. 207–214; Ивченко Н. Э., Жукова В. С., Сазонова Е. С. Указ. соч.; Козловский, В. В., Панкратова, Л. С., Светлов Р. В. Ценности семьи в представлениях студентов российских вузов // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2025. Т. 25, № 4. С. 649–668; Кортелева А. В. Семья и семейные ценности в оценках студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 9. С. 52–56; Матвеева Е. В., Сат А. В. Кросс-региональный анализ семейных ценностей студенческой молодежи в регионах Сибирского федерального округа // Вестник Пермского университета. Политология. 2025. Т. 19, № 1. С. 148–155; Место семьи среди профессиональных и социальных приоритетов: эмпирический анализ ценностно-смысловой сферы студентов / К. Р. Капиева, С. А. Ольшанская, А. А. Подлеснов, А. Д. Резвая // Перспективы науки и образования. 2026. № 2. С. 534–554; Николаева Е. А. Семейные ценности современных студентов: вызовы и трансформации // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2025. № 3. С. 175–178; Попова Н. М., Попов А. В., Иванова М. А. Характеристика семейных ценностей и репродуктивные установки студентов медицинского вуза // Социальные аспекты здоровья населения. 2025. Т. 71, № 1. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/1719/30/lang (дата обращения: 12.09.2025); Семья как социальная ценность в представлениях молодого поколения / П. Л. Кривошеева, М. И. Лазарева, З. Б. Тасова, Ю. В. Евстафьева // Медицинская наука и образование Урала. 2025. Т. 26, № 2. С. 26–30; Стрелец И. Э., Мухортов Д. С., Маркова Ю. С. Роль образовательной среды вуза в формировании ценности семьи: оценка российского студенчества // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2024. Т. 24, № 3. С. 586–599; Циткилов П. Я. Межпоколенная трансляция семейных ценностей: анализ социологического исследования студенческой молодежи Юга России // Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 35–47.

М. А. Ядовой[11]. В работах этих исследователей анализируются различные типы, модели, условия жизненных траекторий российской молодежи.

Обобщив научно-исследовательскую литературу по данному вопросу и отталкиваясь от современных тенденций изменения жизненных траекторий, их дестандартизированности, возможностей возвращения к прежним статусам, И. Г. Синьковский, А. К. Лукина и И. В. Малимонов выделяют линейную (традиционная, с режимом последовательной смены жизненных событий по пути успешной социализации), линейную с совмещением (параллельное осуществление работы и учебы), карьерную (связана с ранним выходом на рынок труда), рекурсивную (возврат на предыдущую жизненную стадию) модели жизненной траектории российской молодежи[12].

Значимым аспектом в изучении жизненных траекторий российской молодежи выступает проблема ее взросления, которая поднимается, концептуально осмысливается и эмпирически верифицируется в трудах А. В. Литвиновой, Н. А. Нартовой, В. В. Радаева, Ж. В. Савельевой, А. М. Фатехова[13]. Исследователи показывают, что социально-экономическая

[11] Адеева Т. Н., Райкина М. А. Жизненные траектории личности в современном мире: социальный и индивидуальный контекст // Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2024. Т. 30, № 2. С. 131–133; Жизненные траектории молодежи: 10 лет спустя. Социологическое исследование / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко, Ф. А. Хохлушкина. М.: ИС РАН, 2010. 277 с.; Семенцова К. Р. Брачно-семейное поведение молодежи в современном российском обществе: установки и ценности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 4. С. 109–113; Синьковская И. Г., Лукина А. К., Малимонов И. В. Жизненные и брачно-семейные траектории современной молодежи (на примере молодежи Красноярского края) // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 10. С. 128–134; Труфанов Д. О., Павлов А. П. Жизненные траектории городской молодежи Красноярского края (по материалам социологического исследования). Красноярск: Фил. СПбИВЭСЭП в г. Красноярске, 2011. 192 с.; Чередниченко Г. А. Жизненные траектории молодежи на разных этапах образования // Социологический журнал. 2003. № 4. С. 50–65; Ее же. Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 53–74; Черкашов Е. М., Гуляева Л. В. Жизненные траектории молодежи и ее социальное беспокойство о будущем России // Siberian Socium. 2020. Т. 4, № 1. С. 69–81; Ядова М. А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 83–93; Ее же. Жизненные траектории городской молодежи в России и за рубежом // Социология города. 2023. № 1. С. 20–29.

[12] Синьковская И. Г., Лукина А. К., Малимонов И. В. Указ. соч. С. 129.

[13] Нартова Н. А., Фатехов А. М. Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения образования к обретению ответственности и потере оптимизма? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 319–344; Радаев В. В. Указ. соч.; Савельева Ж. В., Литвинова А. В. Взросление студенческой молодежи: маркеры, особенности, оценки

нестабильность вынуждает молодых людей на пути к самостоятельности откладывать реализацию жизненных планов, в том числе профессиональное самоопределение и создание семьи. Переход к взрослой жизни становится менее предсказуемым и требует от молодежи постоянной адаптации к меняющимся социальным и экономическим условиям. Зарубежные исследования свидетельствуют о международном характере этой тенденции[14]. Также во многих зарубежных исследованиях указывается на высокую значимость семьи и семейных ресурсов в жизни молодежи, ее траектории взросления и обретения самостоятельности, а также жизненного успеха[15].

Конечно, нельзя не выделить концептуальные разработки российских специалистов в области социологии молодежи, в рамках которых анализируется роль семьи в жизни молодежи, ее ценность в процессе формирования и реализации жизненных планов, изменение демографического поведения, в том числе в контексте трансформации гендерных отношений. Это исследования М. К. Горшкова, Ю. А. Зубок, А. И. Ковалевой, И. В. Лисовской, В. А. Лукова, Е. Л. Омельченко, В. И. Чупрова, Ф. Э. Шереги и др.[16]

// Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 313–317; Nartova N. Construction of a generation by Russian youth in the context of radical social transformations // YOUNG. 2026. Vol. 34, iss. 1. P. 75–90.

[14] Cruel optimism of waiting: precarity experiences of young adults in Turkey / F. Gökşen, B. Küçük, G. Cöbek [et al.] // Journal of Youth Studies. 2025. Vol. 28, № 4. P. 621–636; Fu J. Rethinking education and work relationships in youth transition: an alternative metaphor // Journal of Youth Studies. 2024. Vol. 27, № 10. P. 1510–1527; Morris K. Getting a foot in the door: local labour markets and the school-to-work transition // Journal of Youth Studies. 2025. Vol. 28, № 1. P. 137–157; Viable youth futures / J. Dyson, C. Jeffrey, A.Third, S. Threadgold // Journal of Youth Studies. 2025. Vol. 28, № 6. P. 846–849.

[15] Bozzetti A., De Luigi N., Vergolini L. Differing patterns of employment for university students: the role of family background, educational choices and access to benefits // Journal of Youth Studies. 2025. Vol. 28, № 6. P. 983–1002; Kauppinen T. M., Karvonen S., Kestilä L. Parental social disadvantage as a determinant of welfare reliance among young adults before and after the Great Recession // Journal of Youth Studies. 2025. Vol. 28, № 4. P. 675–692; Tucci V. Housing independence pathways in Europe: the influence of parents' socio-economic background in times of economic stress // Journal of Youth Studies. 2025. Vol. 28, № 8. P. 1195–1215.

[16] Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.; Зубок Ю. А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. М.: Социум, 1998. 142 с.; Ее же. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 288 с.; Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 12–48; Ильинский И. М. Образование. Молодежь. Человек. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 560 с.; Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999. 351 с.; Луков В. А. Теории молодежи:

В целом анализ литературы по теме диссертации показал широкий спектр исследовательских позиций, разработок, концепций, идей и взглядов на сложный, значительно изменившийся процесс жизненной самореализации молодежи в плане выбора и реализации ею жизненных траекторий. Особый интерес исследователей привлекают образовательные и профессиональные траектории молодежи, часто изучаемые в едином исследовательском ключе как утрачивающие четкую линейную преемственность и последовательность. Как правило, в отдельный блок выделяется исследование семейно-брачных траекторий, в значительной степени подверженных влиянию трансформации ценностей семьи и брака в обществе и в молодежной среде непосредственно, а также тенденций отложенного взросления в контексте отложенного родительства, отложенной брачности в духе универсальных для современного мира процессов жизненной самореализации молодых поколений. Фиксируется отсутствие комплексных исследований, в которых образовательные, профессиональные и семейные жизненные траектории рассматривались бы в качестве взаимосвязанных и взаимообусловленных вследствие влияния универсальных для современного времени и специфичных для российского общества факторов. Нет также социологических разработок, объясняющих перемены в жизненных траекториях российской молодежи изменением ее отношения к ценности семьи и роли самой семьи в жизни молодежи. Этими обстоятельствами объясняется новаторский интерес к теме данного исследования и его эвристический потенциал.

Целью диссертационного исследования является комплексное осмысление факторов и тенденций детерминации жизненных траекторий

Междисциплинарный анализ. М.: Канон+, 2012. 528 с.; Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 66–92; Силласте Г. Г. Институт семьи и смена моделей репродуктивного поведения россиян в условиях формирования нового социогендерного порядка и страновой демографической среды // Цифровая социология. 2024. Т. 7, № 2. С. 4–12; Чупров В. И. Молодежь: духовное воспроизводство в условиях риска // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2004. № 6–7. С. 7–17; Его же. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 4. С. 13–25.

молодежи Ростовской области в образовательной, профессиональной и семейной сферах меняющейся ценностью семьи.

Задачи исследования:

– провести анализ актуальных и теоретических проблем в социологическом изучении семьи как ценности в молодежной среде российского общества;

– выявить особенности социологического дискурса в области исследования жизненных траекторий российской молодежи;

– определить методологические ориентиры и эмпирические индикаторы социологического исследования влияния ценности семьи на выбор и реализацию жизненных траекторий российской молодежи;

– выявить роль семьи в образовательных и профессиональных траекториях молодежи Ростовской области;

– исследовать особенности формирования и проблемы реализации семейных траекторий молодежи Ростовской области;

– обосновать детерминацию жизненных траекторий молодежи Ростовской области в режиме отложенного взросления меняющейся ценностью семьи.

Объектом исследования выступает жизненная траектория молодежи Ростовской области.

Предмет исследования – влияние ценности семьи на образовательные, профессиональные и семейные траектории молодежи Ростовской области.

В качестве **гипотезы диссертационного исследования** выдвигается предположение о том, что на жизненную траекторию молодежи Ростовской области в сочетании трех ее важнейших для жизненной самореализации компонентов (образовательного, профессионального и семейного) значимое влияние оказывает изменение ценности семьи. С одной стороны, она сохраняет свою смысложизненную значимость в структуре ценностей молодежи при доминантной роли ценности интересной жизни и личностной самореализации, но личные семейные траектории (супружеские, родительские) утрачивают статус нормативного императива, приобретая формат одной из множества возможных траекторий самореализации; с другой – существенно повышается ценность семьи

с точки зрения родства, значимости родительской семьи в выстраивании молодежью жизненных траекторий, что находит выражение в закреплении тенденции отложенного взросления и изменении субъектного статуса семьи в обществе.

Методологическая база исследования. Методологической платформой для реализации эмпирических задач и цели исследования выступают положения теории ценностей (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, М. Рокич, В. Т. Лисовский и др.) с акцентом на концепции жизненного мира и ценностной теории Ж. Т. Тощенко, а также теории субъектности молодежи с опорой на гуманистическую концепцию И. М. Ильинского, теории жизненных траекторий (Е. Д. Вознесенская, Д. Л. Константиновский, А. П. Павлов, Д. О. Труфанов, Г. А. Чередниченко, М. А. Ядова), концепции индивидуальной жизненной колеи (В. И. Ильин), концепции семьи (кризисная, эволюционная), позволяющие интерпретировать динамику институциональной трансформации семьи в формате изменений ее функциональной структуры и моделей семейного поведения и обосновать взаимосвязь меняющихся семейных ценностей молодежи с характером их жизненных приоритетов и потребностей (А. И. Антонов, А. В. Верещагина, Н. А. Вялых, Т. А. Гурко, Т. Н. Каменева, Л. В. Карцева, Ю. П. Лежнина, Т. К. Ростовская, А. Б. Синельников и др.).

Методологически важной, логично сочетающейся с субъектным подходом к молодежи, выступает теория семьи Г. Г. Силласте, основанная на парадигме социальной субъектности, позволяющей иначе осмыслить роль семьи в изменившемся мире и в жизни современной молодежи.

Для осмысления изменений в образовательных, профессиональных и семейных траекториях молодежи большое методологическое значение имеют концептуальные положения и идеи относительно взросления молодежи (отложенное взросление, отложенное родительство, социальная инфантилизация), представленные в трудах таких исследователей, как О. А. Александрова, Н. А. Нартова, И. Г. Полякова, В. В. Радаев, Е. В. Селезнева, Д. В. Спиридонов, А. М. Фатехов, И. С. Шаповалова и др.

Эмпирическая база диссертации представлена результатами авторских эмпирических исследований (февраль–март 2026 г.), полученных в ходе фокус-групповых исследований студенческой (n = 11) и работающей молодежи Ростовской области (n = 9), а также глубинных интервью с экспертами из Ростовской области (n = 20), представляющими органы региональной власти (n = 7), сферу науки и образования (n = 6), СМИ (n = 3) и общественные организации (n = 4) (приложения А–В). В студенческой фокус-группе приняли участие обучающиеся вузов (ЮФУ, ДГТУ, РГЭУ (РИНХ), ЮРИУ РАНХиГС – четыре бакалавра, два магистранта и один аспирант) и ссузов (колледж связи и информатики, колледж экономики, управлении и связи ДГТУ, финансово-экономический колледж РГЭУ (РИНХ), Ростовский колледж культуры). При формировании выборки фокус-группы с работающей молодежью учитывалось место проживания, уровень образования, пол и возраст. Среди участников в возрасте от 25 до 35 лет было шесть женщин и трое мужчин, четверо – жители Ростова-на-Дону, остальные пять – из городов и сел области (г. Азов, г. Таганрог, г. Батайск, ст. Ольгинская, ст. Кировская); пять участников имеют высшее образование, четверо – среднее профессиональное.

В диссертации также использовались данные опросов ВЦИОМ[17], экспертных оценок[18], эмпирических исследований в области жизненных

[17] Жизнь в стиле соло. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-v-stile-solo (дата обращения: 15.07.2025); Идеальная семья – 2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023 (дата обращения: 15.07.2025); Трудоустройство молодежи в современной России: возможности, проблемы, решения. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/doklad_trudoustroistvo_molodezhi.pdf (дата обращения: 15.07.2025); Российские студенты: вчера, сегодня… завтра? URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskie-studenty-vchera-segodnja-zavtra (дата обращения: 15.07.2025); ВЦИОМ: только 10 % россиян при выборе профессии ориентируются на ее престижность. URL: https://senatinform.ru/news/vtsiom_tolko_10_rossiyan_pri_vybore_professii_orientiruyutsya_na_eye_prestizhnost/ (дата обращения: 16.07.2025); Доходы, семья и карьера: ВЦИОМ и Росмолодежь узнали о новых ценностях российской молодежи. URL: https://fadm.gov.ru/news/ 65982/?user_lang=ru (дата обращения: 16.07.2025); Ценности молодежи. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi?ysclid=miwdyziqv6646285730 (дата обращения: 17.07.2025).

[18] В России около 40 % одиноких людей – и они не ждут ни восхищения, ни жалости. URL: https://www.mk.ru/social/2026/04/14/v-rossii-okolo-40-odinokikh-lyudey-i-oni-ne-zhdut-ni-voskhishheniya-ni-zhalosti.html (дата обращения: 11.05.2026); Мальцева В., Розенфельд Н. Путь «школа → вуз → работа» уже не актуален – результаты исследования ВШЭ. URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/ 62d0227e9a794710912218a5?from=copy (дата обращения: 22.07.2025); На 10 свадеб – 8 разводов: в День семьи, любви и верности демографы заговорили о брачном поведении россиян. URL: https://www. mk.ru/

траекторий молодежи из различных регионов России[19], в том числе из Ростовской области[20], информационно-аналитических материалов о реализации региональной политики в области поддержки семьи и молодежи Ростовской области[21].

В совокупности указанные эмпирические и информационные источники с опорой на методологические основания работы позволили прийти к ряду заключений и выводов, **новизна которых представлена в следующих тезисах**:

---

social/2025/07/07/na-10-svadeb-8-razvodov-v-den-semi-lyubvi-i-vernosti-demografy-zagovorili-o-brachnom-povedenii-rossiyan.html (дата обращения: 21.07.2025); Только в трех из 89 регионов массово преподают семьеведение в школах. URL https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/07/28/1127318-tolko-v-treh-iz-89-regionov-massovo-prepodayut-semevedenie (дата обращения: 21.07.2025); Треть разведенных граждан заключили брак повторно в 2024 году. URL: https://regions.ru/obschestvo/tret-razvedennyh-grazhdan-zaklyuchili-brak-povtorno-v-2024-godu (дата обращения: 21.07.2025).

[19] Грицай Л. А. Ослабление традиционных механизмов социального контроля в течение XX–XXI веков и его влияние на трансформацию семейных ценностей у современных молодых женщин // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2025. № 2. С. 35–49; Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Новый характер образовательных и профессиональных траекторий молодежи // Россия реформирующаяся. 2022. № 20. С. 379–399; Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Указ. соч.; Пронина Е. И. Динамика образовательных и профессиональных траекторий российской молодежи // Социологические исследования. 2025. № 6. С. 152–155; Темнова Л. В., Киричек А. А. Карьерные траектории выпускников российских вузов естественнонаучного и гуманитарного направлений подготовки // Перспективы науки и образования. 2024. № 2. С. 97–113.

[20] Артамонова Я. В., Бинеева Н. К., Дьяченко А. Н. Молодежь Ростовской области в условиях изменяющейся реальности: особенности социальных установок и социального поведения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 4. С. 181–187; Жиденко А. А. Причины конфликтов и способы их разрешения в молодой семье Ростовской области // Caucasian Science Bridge. 2024. Т. 7, № 3. С. 96–106; Залевская А. А. Выбор профессии в системе формирования профессионально-квалификационного потенциала студенческой молодежи Ростовской области (по итогам социологического опроса) // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4, № 4. С. 45–51; Ткаченко О. В. Характерные черты и масштаб культурной маргинализации студенчества в Ростовской области // Общество: социология, психология, педагогика. 2026. № 4. С. 41–46.

[21] О реализации программ «Земский учитель», «Земский доктор», «Земский фельдшер», «Земский работник культуры» и «Земский тренер» в Ростовской области и обеспечении оказания дополнительных мер поддержки, в том числе адресных, участникам таких программ, включая обеспечение приезжающих специалистов служебным жильем. URL: https://www.donland.ru/result-report/2740/ (дата обращения: 20.05.2026); О единой модели профориентации школьников: достижение целевого показателя федерального проекта «Профессионалитет». URL: https://www. donland.ru/result-report/2717/ (дата обращения: 20.05.2026); О создании и функционировании центра опережающей профессиональной подготовки в Ростовской области. URL: https://www. donland.ru/documents/1992/ (дата обращения: 20.05.2026); Региональная межведомственная программа «Поддержка молодых специалистов и работающей молодежи в Ростовской области на 2022–2030 годы». URL: https://www.donland.ru/activity/2774/ (дата обращения: 20.05.2026); Отчет о реализации государственной программы Ростовской области «Молодежная политика и социальная активность» за 2025 год. URL: https://www.donland.ru/result-report/2838/ (дата обращения: 20.05.2026); Отчет о деятельности министерства труда и социального развития Ростовской области за 2025 год. URL: https:// www.donland.ru/result-report/2811/ (дата обращения: 20.05.2026); Ростовская область. Итоги реализации национальных проектов. URL: https://www.donland.ru/upload/uf/f2e/tiptd3fywy37hgriz33y7sgzftmtbegv/Buklet-Itogi-realizatsii-natsionalnykh-proektov-2025.pdf (дата обращения: 20.05.2026); «Социальная няня». URL: https://mintrud.donland.ru/presscenter/news/424522/ (дата обращения: 20.05.2026); Молодежная политика. URL: https://www.donland.ru/activity/219/ (дата обращения: 20.05.2026).

– проведен анализ теоретических подходов и проблем социологического изучения семьи как ценности в молодежной среде российского общества и определено, что проблема внутренней дифференциации семейных ценностей, их смысложизненного содержания и влияния на жизненные траектории молодежи остается недостаточно разработанной;

– показаны особенности социологического дискурса в области исследования жизненных траекторий российской молодежи и обоснована стратегия включения образовательных, профессиональных и семейных траекторий молодежи в их взаимосвязи в единое исследовательское поле в контексте определяющего влияния ценности семьи;

– определены методологические ориентиры социологического исследования влияния ценности семьи на формирование жизненных траекторий российской молодежи, а также эмпирические индикаторы: 1) роль семьи (родительской) в выборе и реализации жизненных траекторий молодежью; 2) значимость семьи как смысложизненной ценности в жизненных траекториях молодежи;

– эмпирически обосновано, что на уровне сознания молодежи Ростовской области и самого общества сформировалось устойчивое восприятие семьи как ответственной за выбор и реализацию образовательно-профессиональной траектории молодежью в условиях отсутствия эффективной системы государственной социальной поддержки на этапе перехода молодежи к самостоятельной жизни, однако поддержка семьи далеко не всегда оказывается адекватной потребностям молодежи и критериям эффективной жизненной самореализации в условиях меняющейся образовательной и профессиональной сферы;

– обосновано, что в траектории жизненного пути молодежи Ростовской области семья утрачивает роль инструмента взросления и все чаще выступает его итогом, а также зафиксирована двойственность в восприятии семьи молодежью: семья одновременно желанна и при этом воспринимается как ограничение свободы и ресурсов, что отражает глубокое противоречие между двумя конкурирующими ценностными ориентациями (ориентацией на автономию и

самореализацию, с одной стороны, и на потребность в принадлежности к семье – с другой);

– доказано, что такой социально-демографический сдвиг в жизненной траектории молодежи Ростовской области, как отложенное взросление, произошел под влиянием двух факторов: 1) усиления субъектности семьи, вынужденной поддерживать молодежь на всех этапах взросления (образовательном, профессиональном и семейном); 2) смещения акцента в смысложизненных ценностях молодежи с ценности семьи как доминантной на ценность интересной жизни без ограничений долгосрочными жизненными планами.

Положения, выносимые на защиту:

1. В современном российском социологическом дискурсе не вызывает принципиальных разногласий положение о высокой значимости семьи в структуре ценностей молодежи. Вместе с тем выявлено, что изменяется не столько сама значимость семьи, сколько содержание семейных ценностей, характер семейных установок и способы их практической реализации. Установлено, что современная российская молодежь ориентирована на партнерские отношения, эмоциональный комфорт, личностную самореализацию и осознанное родительство, что находит выражение в распространении установок на позднее вступление в брак, отложенное родительство, малодетность и вариативность семейных практик. Исследователи по-разному интерпретируют данные процессы: одни рассматривают их как проявление кризиса института семьи и размывания традиционных норм, другие – как закономерную эволюцию семейных отношений в условиях социальной модернизации. Выявлено также, что существующие исследования преимущественно концентрируются либо на декларативном уровне ценностных ориентаций молодежи, либо на анализе конкретных семейных практик, тогда как проблема внутренней дифференциации семейных ценностей, их смысложизненного содержания и влияния на жизненные траектории молодежи остается недостаточно разработанной. Это обусловливает необходимость дальнейшего исследования семьи не только как декларируемой

социальной ценности, но и как фактора, реально определяющего жизненные траектории молодежи в условиях современных реалий и вызовов цифровой эпохи.

2. Анализ исследовательской литературы по проблеме жизненных траекторий молодежи и ее систематизация позволили выявить в качестве значимых аспектов социологического изучения данной проблематики факторы жизненных траекторий молодежи (выделена объективная группа факторов – институциональные условия, рынок труда, социальная среда, и субъективная – ценностные ориентации, личностные ресурсы) и типы жизненных траекторий, которые выстраиваются по критериям брачности, характера образования и исторической эволюции жизненных сценариев от линейных к нелинейным. Установлено, что отличительной чертой жизненных траекторий молодежи в условиях современной реальности является их преимущественно чередующийся и возвратный характер: меняющееся общество открывает новые возможности, позволяя переигрывать пройденные этапы жизненного пути. В условиях непрерывного образования образовательные и профессиональные траектории рассматриваются исследователями как единый процесс самореализации молодежи в различных модификациях и чередованиях, а семейные траектории формируют самостоятельное направление исследования. Их выделение методологически обоснованно и открывает возможность изучения роли семьи и семейных ценностей в жизненном пути молодежи, в том числе в сфере образования и профессионализации. Это определяет методологические ориентиры данного исследования, связанные с включением образовательных, профессиональных и семейных траекторий молодежи в их взаимосвязи в единое исследовательское поле в контексте определяющего влияния меняющейся ценности семьи.

3. Жизненная траектория представляет собой совокупность этапов и событий, через которые проходит индивид в течение своей жизни под влиянием объективных (окружающая среда с заданными параметрами жизненной самореализации и меняющимся социальным контекстом) и субъективных (личные интересы, возможности, цели, потребности, ресурсы) факторов. В формате выбора между общественными критериями, установками, образцами поведения и

личными ориентирами и осуществляется жизненная траектория молодежи в контексте трех основных компонентов – образовательного, профессионального и семейного. В рамках данного исследования основными индикаторами социологического измерения жизненных траекторий молодежи в контексте ценностного влияния семьи выступают: 1) роль семьи (родительской) в выборе и реализации жизненных траекторий молодежью; 2) значимость семьи как смысложизненной ценности в жизненных траекториях молодежи.

4. Основная нагрузка в процессе выбора и реализации образовательно-профессиональных траекторий молодежи Ростовской области ложится на семью, стартовые возможности которой определяют образовательный старт молодежи и ее перспективы в дальнейшей жизненной самореализации. Зачастую семья (родители) берет на себя ответственность за формирование образовательной и профессиональной траектории молодежи, отталкиваясь от сложившихся стереотипов (в отношении высшего образования, рынка труда и престижных профессий, возможностей достижения жизненного успеха и материального благосостояниях), но не всегда хорошо понимая реальную конъюнктуру на рынке труда и профессий. Дальнейшая корректировка образовательно-профессиональной траектории молодежью, поиск себя в профессиональном мире – закономерный процесс в такой ситуации, но на это уходит время, что и способствует в том числе закреплению тенденции отложенного взросления в молодежной среде.

5. На основе данных фокус-групповых исследований и экспертных интервью подтверждено, что откладывание брака и рождения детей не означает для молодежи Ростовской области отказа от семьи как ценности: она воспринимается как сфера высокой ответственности, требующая предварительной готовности (материальной, эмоциональной, профессиональной), а потому в траектории жизненного пути молодежи семья утрачивает роль инструмента взросления и все чаще выступает его итогом. Зафиксировано также расхождение между декларируемой нормой свободы семейного выбора и реальными жизненными планами молодежи, в которых брак и родительство по-прежнему

занимают значимое место. Полученные данные позволяют говорить о тенденции к изменению отношения молодежи к семье: если ранее создание семьи воспринималось как социально ожидаемый этап жизненного пути, то сегодня оно все чаще рассматривается как результат индивидуального и осознанного выбора. Кроме того, эмпирические замеры выявили двойственность в восприятии семьи молодежью: семья одновременно желанна и при этом воспринимается как ограничение свободы и ресурсов. Такое расхождение не является случайным, оно отражает более глубокое противоречие между двумя конкурирующими ценностными ориентациями: ориентацией на автономию и самореализацию и при этом на потребность в принадлежности к семье.

6. В молодежной среде Ростовской области семья по-прежнему сохраняет свою смысложизненную сущность, т. е. входит в число целей-принципов (согласно теории Ж. Т. Тощенко), но теперь их ядро составляет ценность самой жизни, стремление жить интересной жизнью, многое успеть в ней без ограничений долгосрочными проектами. Такие важные жизненные этапы взросления, как получение образования, профессионализация и создание семьи, и соответствующие им ценности образования, профессии и семьи (ценности-принципы) подчинены составляющей смысл жизни молодежи ценности интересной жизни. Ценность семьи в молодежной среде закрепляется преимущественно как ценность родства, чему способствует долговременная связь с родительской семьей и зависимость от нее (прежде всего, финансовая) на этапах взросления в условиях социальной и экономической нестабильности. Семья для молодежи региона с точки зрения реализации ценностей супружества и родительства – один из возможных сценариев жизненной самореализации, т. е. создание семьи перестало быть самоцелью и основным смыслом жизни. В этом и находит выражение изменение ценности семьи у молодежи Ростовской области, детерминирующее конфигурацию и траекторию ее жизненного пути в формате отложенного взросления. Такой социально-демографический сдвиг произошел под влиянием двух факторов: 1) усиления субъектности семьи, вынужденной «сопровождать» и поддерживать молодежь на всех этапах взросления, и

2) закрепления ценности интересной жизни, возможностями самореализации и личностного развития в качестве доминантной смысложизненной ценности.

Научно-теоретическая значимость исследования связана с постановкой и комплексным социологическим осмыслением вопроса взаимосвязи меняющейся ценности семьи и формирования жизненной траектории российской молодежи в контексте универсальных для современного мира тенденций отложенного взросления и региональных условий. Полученные в ходе реализации исследовательского замысла результаты теоретического и прикладного характера ориентированы на решение стратегически важной для страны проблемы демографического развития и повышения благосостояния всего общества, будущее которого зависит от жизненной самореализации молодежи и ее ответственного и своевременного включения в систему общественных связей и отношений.

Практическая значимость исследования определяется тем, что результаты и материалы данной работы могут послужить основанием для разработки и корректировки системы социальной поддержки региональной молодежи на разных этапах ее жизненного пути (образовательном, профессиональном, семейном) с целью создания благоприятных условий для обретения самостоятельности и формирования социальной зрелости. Немаловажное значение материалы исследования имеют для целей воспитательной деятельности в области формирования ценностного мира молодежи и способностей к успешной адаптации и самореализации в обществе в соответствии с личными потребностями, жизненными ориентирами и общественными задачами.

Результаты данного исследования представляют ценность и для целей научно-образовательной деятельности. Они могут использоваться при разработке учебно-методических материалов, методологических и эмпирических оснований научно-исследовательских проектов в области дальнейшего изучения жизненных траекторий российской молодежи в условиях реалий и вызовов современной эпохи.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационной работы прошли апробацию на научно-практических конференциях различного уровня: Международная научно-практическая конференция «Новые смыслы идентичности в современных социально-политических реалиях» (Майкоп, 10 октября 2025 г.), Международная конференция «Качество жизни российского населения в условиях социальных трансформаций и демографических вызовов» (Москва, 8 апреля 2026 г.), Всероссийская конференция «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации» (Казань, 1–4 июля 2026 г.), III Всероссийская научно-практическая конференция «Специальная военная операция и гражданское общество: социальное самочувствие, оценка, адаптация» (Махачкала, 27 марта 2026 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Социально-экономические, политические, религиозные и этнические процессы в современном российском обществе: состояние и траектория развития» (Махачкала, 14 апреля 2026 г.), XII Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Путь в науку» (Ростов-на-Дону, 16–17 апреля 2026 г.).

Публикации по теме диссертации. Всего по теме диссертации опубликовано 9 научных работ, из них 5 – в журналах, входящих в Перечень ВАК при Министерстве образования и науки РФ рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, соответствующих научной специальности 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав по три параграфа в каждой, заключения, списка литературы и трех приложений.

Глава 1. Методология социологического исследования ценности семьи в жизненной траектории российской молодежи

1.1. Семья как ценность в молодежной среде российского общества: актуальные проблемы и теоретические подходы исследования

В социологии немало тем, которые можно назвать вечными, неисчерпаемыми и традиционно вызывающими интерес со стороны исследователей, и темы семьи и молодежи в самых различных вариациях постановки проблемы относятся именно к ним. Интерес к семье объясняется ее воспроизводственной и социализационной сущностью, институциональной фундаментальностью и значимостью для любого социума, который, словно в зеркале, отражается в семейных отношениях, ценностях, формах и моделях поведения.

Молодежь как продукт семейных отношений и семейной социализации в динамике своих изменений (ценностных, поведенческих и иных) не может быть объектом исследовательских, объяснительных и прогностических конструкций без обращения к этому базовому для общества социальному институту. Для общества же (для любого общества) молодежь всегда есть символ не только его настоящего, но и будущего. Молодежь также можно назвать символическим зеркалом общественных отношений, надежд общества, его достижений, его проблем и будущих перспектив. Изучение семьи в контексте семейных традиций и инноваций, факторов и тенденций ее изменения дает возможность понять истоки проблем молодежи, причины ее успешной или неудачной адаптации в сфере социальных отношений, траектории ее жизненного планирования или причины отсутствия таковых.

Безусловно, далеко не все причины коренятся в пространстве семейных отношений и не все связаны с семьей как основным агентом социализации. Молодежь включена в разнообразную и широкую сеть социальных связей, отношений, структур и организаций, в том числе и виртуальных, меняющих традиционно сформировавшийся алгоритм и характер социализационного

процесса. Тем не менее роль семьи в жизни молодежи всегда была первостепенной и остается таковой и в современном мире. И, возможно, хотя в социализационном процессе семья является далеко не единственным сильным актором, ее значимость в жизни молодежи только увеличивается в мире, в котором мало что уже ассоциируется со стабильностью, уверенностью, определенностью, доверием, безопасностью, поддержкой и долговечностью[22].

Иными словами, социологический анализ ценности семьи в жизни молодого поколения, ее места в структуре ценностей молодежи по-прежнему актуален, несмотря на очень серьезный пласт исследований, накопившийся по данной теме в российской социологической литературе. В данной части работы мы попытаемся показать характер изменений и сохраняющихся тенденций в изучении указанной проблематики, опираясь на теоретические источники и позиции исследователей.

Теоретическое пространство изучения ценностей молодежи довольно обширно в российской социологии. Наиболее значимый вклад в его становление и развитие отмечается по таким, ставшим уже классическими, направлениям отечественной социологии молодежи, как рискологическое, интеграционное, тезаурусное, субкультурное, воспроизводственное[23] и др. Исследователями предложено довольно много определений молодежи в границах тех или иных теоретических подходов, но к наиболее устоявшимся на сегодня стоит отнести то, в котором молодежь рассматривается как особая социально-демографическая общность, выделяющаяся из других категорий населения совокупностью характеристик, обусловленных возрастом, особенностями социального положения, места и функций в социальной структуре общества, специфическими интересами и ценностями, в значительной степени определяющимися уровнем

[22] Добреньков И. В. Семья в структуре ценностей российской молодежи в фокусе социологических исследований: теоретические и прикладные аспекты // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2025. Вып. 4. С. 81–87. – https://doi.org/10.53598/2410-3691-2025-4-369-81-87

[23] Зубок Ю. А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества; Ее же. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи; Луков В. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ; Чупров В. И. Молодежь: духовное воспроизводство в условиях риска.

социально-экономического, социокультурного развития, особенностями социализации в российском обществе[24].

Возрастные границы данной социально-демографической группы не имеют единых критериев в социологическом сообществе и всегда были предметом дискуссии, но в последнее время исследователи зачастую обращаются к формально закрепленным на уровне законодательства возрастным рамкам молодости и молодежи, и эти рамки уже не один раз менялись с тех пор, как наступил XXI век. Стоит согласиться с мнением о том, что «представления о возрастных границах определяются социокультурными особенностями общества, историческим периодом его развития и характерными для этого периода закономерностями интеграции личности в социальную систему и, в свою очередь, определяют различия в отношении к людям разного возраста»[25]. Последнее обстоятельство очень важно, поскольку с возрастом связывается оценка социальной зрелости личности, и, как хорошо известно, сегодня в научном дискурсе активно муссируется тема инфантильности современной российской молодежи, отложенного взросления[26] с соответствующей пролонгацией стратегий и жизненных практик в области создания семьи и родительства[27]. Данная проблематика не относится к числу сугубо российских. Многие ученые из числа зарубежных стремятся понять алгоритм взросления молодежи и его связь с семейными ценностями и установками, зависимость от семейных ресурсов и

[24] Елишев С. О. Молодежная проблематика и подходы к определению понятия «молодежь» в социологии // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2017. Т. 23, № 3. С. 216.

[25] Селезнева Е. В. Возрастные и культурные особенности представлений о возрастных границах молодости // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 1. URL: https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/202/202 (дата обращения: 15.11.2025).

[26] Аптекарь П. Взросление затягивается: как меняются жизненные траектории россиян. URL: https://daily.hse.ru/post/vzroslenie-zatyagivaetsya-kak-menyayutsya-ziznennye-traektorii-rossiyan (дата обращения: 03.03.2026); Небольсина Е. Отложенное взросление: какие жизненные сценарии выбирает современная молодежь. URL: https://economics.hse.ru/ecjourn/news/1087232890.html (дата обращения: 27.10.2025).

[27] Спиридонов Д. В., Полякова И. Г. Феномен отложенного материнства и вспомогательные репродуктивные технологии: социально-экономические и демографические аспекты // Мир России. 2024. Т. 33, № 3. С. 75–98.

связей[28]. Некоторые из исследований носят международный характер и охватывают молодежь из самых разных стран, в том числе и из России[29].

Результаты исследований позволяют сделать вывод о том, что семейные ресурсы и социально-экономическое положение родителей продолжают оставаться важными факторами жизненной самореализации молодежи и ее перехода к самостоятельной взрослой жизни. Молодые люди, выросшие в социально неблагополучных семьях, значительно чаще сталкиваются с риском менее эффективной жизненной самореализации и длительной зависимости от социальных выплат, т. е. сила влияния семейного происхождения на жизненные стратегии современной молодежи не снижается и, более того, в условиях экономической нестабильности и роста социальной неопределенности значительно увеличивается, но многое зависит от режима социальной поддержки молодежи. Так, серия исследований, проведенных в 31 европейской стране за период 2005–2022 гг., зафиксировала следующую зависимость: чем выше расходы государства на поддержку молодежи в процессе ее профессионализации, создания семьи, обретения жилья и т. д., тем меньше доля молодых людей, продолжающих жить с родителями[30].

Исследователи по-разному оценивают причины и последствия отложенного взросления российской молодежи, среди его маркеров выделяя характеристики, связанные с семейно-брачными установками и практиками, заботой молодежи о себе как приоритетной позиции[31]. Указывают на субъективные показатели позднего взросления, которое может интерпретироваться и как нежелание взрослеть, т. е. брать на себя ответственность, и как, наоборот, признак взрослости, т. е. ответственного отношения к важным жизненным шагам, решениям (например, о создании семьи и рождении детей)[32]. Именно во втором

[28] Bozzetti A., De Luigi N., Vergolini L. Op. cit.; Tucci V. Op. cit.
[29] World values survey: Round seven – country-pooled datafile version 6.0 / C. Haerpfer, R. Inglehart, A. Moreno [et al.]. Madrid, Spain; Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat, 2022.
[30] Giuliani M., Madama I. Supporting young adults' life choices: A longitudinal perspective on the role of welfare effort across crises // YOUNG. 2026. Vol. 34, iss. 1. P. 6–25.
[31] Савельева Ж. В., Литвинова А. В. Указ. соч. С. 316.
[32] Радаев В. В. Указ. соч.

контексте описывает ситуацию смещения взросления молодежи Т. Смак, указывая на тот факт, что этот процесс обусловлен не только личным выбором молодежи, но и комплексом факторов, в числе которых и экономические сложности вхождения во взрослую жизнь, и трансформация жизненных сценариев и ценностей, что находит выражение в новой логике жизненного выбора: теперь вариативность и личный комфорт стали нашей новой реальностью. Автор отмечает: «Сегодня стало привычной нормой менять работу, пожить до брака с одним партнером, потом с другим, пойти учиться на одну специальность и сменить ее»[33].

Происходит социальная эволюция возраста, отношения к нему, его субъективного восприятия, и при всем том, что возможности этой социальной деконструкции ограничены физиологическими основаниями человеческой жизни, все же значимую роль в современную эпоху в конструировании понятий молодости и взрослости играют социальные интерпретации[34]. Они детерминированы историческим временем, социокультурной спецификой общества и изменчивы. С их изменением меняются и представления о жизни, ожидания от поведения молодежи и ее интеграции в систему социальных связей и отношений.

Очень важно понимать, что представления о молодости и ее границах закладывают ожидания относительно развития молодежи (духовно-нравственного, интеллектуального, профессионального, социального) и требования к поведению этой социально-возрастной группы. А от нее в конечном счете зависит жизнь и благополучие всего общества в проекции настоящего и будущего.

Сегодня, согласно законодательству РФ, возраст молодежи как социально-демографической группы определен в диапазоне от 14 до 35 лет[35]. При этом мы

---

[33] Смак Т. Отложенное взросление: новая норма или социальный риск. URL: https://actualcomment.ru/otlozhennoe-vzroslenie-novaya-norma-ili-sotsialnyy-risk--2601221635.html (дата обращения: 24.02.2026).

[34] Нартова Н. А., Фатехов А. М. Указ. соч. С. 321.

[35] Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/ View/0001202012300003 (дата обращения: 13.03.2026).

прекрасно понимаем, что в этом возрастном диапазоне присутствует ряд этапов (подростковый период, юность, молодость и ранняя взрослость), значительно дифференцирующих молодежь в контексте уровня ее социально-психологического развития и зрелости, ценностно-мировоззренческих ориентаций и социального сознания. И внутренние переходы по указанным периодам в границах молодежного возраста также сопровождаются качественными изменениями в сознании и поведении молодого человека, изменениями его ценностного мира.

Какое бы направление исследований, какую бы социологическую школу мы ни взяли, обязательно обнаружим в качестве центральной проблему ценностей молодежи, ее ценностного мира, ценностных ориентаций, в которых находит отражение жизненный мир молодежи, а ведь именно в него и стремятся проникнуть социологи, чтобы познать и понять, чем живет молодежь, к чему стремится, чего ждет от жизни, на что готова в ней и для нее. Другими словами, молодежь в ее актуальном настоящем состоянии может рассматриваться как барометр будущего, которое определяется степенью ее участия в социальных изменениях, ее субъектностью[36], ценностно-смысловым наполнением[37].

Особое значение в системе ценностей молодежи имеют семейные ценности, а высокая ценность семьи – значимый для благополучного развития общества и государства индикатор. На фоне современной социальной ситуации и глобальной повестки дня в структуре ценностей российской молодежи закрепляются ценности семейного характера, которые активно пропагандируются и нормативно закрепляются в качестве духовно-нравственных основ российской государственности и важного инструмента воспитания молодежи в духе традиционных духовных ценностей российского народа[38]. Эмпирические данные

[36] Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Указ. соч.

[37] Долгова В. И., Богданова В. О. Жизненные смыслы и ценностные ориентации современной молодежи // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2022. № 6. С. 239–259.

[38] Тогузаева Е. Н. Нормативное развитие института пропаганды традиционных семейных ценностей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Экономика. Управление. Право. 2022. № 3. С. 310–315.

показывают, что в структуре ценностей российской молодежи семейные ценности занимают доминантные позиции по сравнению с карьерными установками, ценностями личностного и социального значения[39].

В этом смысле особых изменений в жизни молодежи современной эпохи по сравнению с предыдущими поколениями нет, и можно было бы подумать, что и проблемы нет. Однако это не так. Основная проблема здесь связана не с изменением места ценности семьи и семейных ценностей в структуре жизненных ценностей молодежи. Значение имеют сами семейные ценности, как они меняются в сознании молодежи в условиях цифровизации и глобальных социально-экономических перемен, трудностей адаптации к социально-экономическим реалиям современного российского общества. И эта проблематика находит отражение в актуальном социологическом дискурсе. При всем том, что семья сохраняет свою высокую значимость как ценность в молодежной среде российского общества, ее установки и практики меняются.

В свое время Н. Д. Холин задался исследовательским вопросом о том, как соотносятся между собой такие явления, как сохранение значимости семьи у российской молодежи и наблюдаемые трансформации в ее семейных практиках (в составе, структуре семьи и т. д.). С его точки зрения, связывать эти явления может трансформация ценности семьи, изменение ее содержания и восприятия[40]. Представляется, что и сам процесс трансформации семьи как социального института играет немаловажную, а может, и первостепенную роль.

Многие российские исследователи самым тщательным образом подошли к изучению данного вопроса – институциональной трансформации семьи с акцентом на изменении ее функциональной структуры и моделей семейного поведения[41]. Позиции исследователей разделились: одни полагают, что институт

[39] Долгова В. И., Богданова В. О. Указ. соч.; Ефимова Г. З., Кувалдина С. Ю. Указ. соч.; Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. Указ. соч.; Ценности молодежи. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi?ysclid=miwdyziqv6646285730 (дата обращения: 01.12.2025);

[40] Холин Н. Д. Указ. соч. С. 210.

[41] Антонов А. И. Указ. соч.; Верещагина А. В. Трансформация института семьи и демографические процессы в современной России; Вялых Н. А. Указ. соч.; Гурко Т. А. Указ. соч.; Егорова Н. Ю. Указ.

семьи, трансформируясь, находится в стадии тяжелого кризиса, разрушения самих институциональных основ своего существования, а другие специалисты-фамилисты считают, что речь идет об эволюции семьи как социального института, функционирование которого подчиняется логике перехода к либеральным принципам семейного поведения и эгалитарным отношениям, в результате чего супружеская модель семьи вытесняет детоцентристскую как наиболее распространенную в семейных практиках российского социума.

Исследователи, задавшись вопросом об изменении семейных ценностей молодежи, выдвинули также предположение об изменении приоритетов молодежи в пользу иных жизненно важных целей и задач в условиях объективно заданных социумом реалий и сложностей адаптации к социально-экономическим условиям, когда семейная жизнь (и, в частности, родительство) превратилась в «дорогостоящий проект»[42].

Действительно, демографическая повестка дня России характеризуется негативным влиянием таких явлений, как увеличение возраста вступления в брак и рождения первого ребенка, высокий уровень разводов, особенно среди молодых семей, ориентация на малодетную семью как приоритетную, а также на жизнь в стиле «соло» (добровольное одиночество) и бездетность[43]. В молодежной среде получает распространение сожительство и снижается ценность брака. При этом сохраняются высокие ориентиры на семейный стиль жизни, на семью, и мы может со всей очевидностью говорить об изменении семейных ценностей, которые исследователи делят на три группы: ценности супружества, родительства и родства[44]. «Ценности супружества включают ценность брака, ценности равных прав супругов. Ценность детей, ценность семейного воспитания, ценность детности – составляющие ценности родительства. К ценностям родства относятся

соч.; Иванова А. А. Указ. соч.; Карцева Л. В. Указ. соч.; Лежнина Ю. П. Указ. соч.; Невеличко Л. Г., Воротилкина И. М. Указ. соч.; Синельников А. Б. Указ. соч.

[42] Наберушкина Э. К., Бессчетнова О. В., Судоргин О. А. Указ. соч. С. 697.

[43] Верещагина А. В. Российская семья в эпоху перемен: автономная, неуправляемая, непредсказуемая; Силласте Г. Г. Институт семьи и смена моделей репродуктивного поведения россиян...

[44] Ильиных С. А. Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации; Русанова А. А. Семья как ценность и институт социального самоопределения студенческой молодежи // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 4. С. 84–92.

ценность наличия родственников и взаимоотношений с ними и другие»[45]. В наиболее общем виде понятие семейных ценностей раскрывается в определении, согласно которому это «культивируемая в обществе совокупность представлений о семье, влияющая на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия»[46]. Есть и иные интерпретации понятия «семейные ценности». Так, И. П. Лотова под ними понимает «положительные и отрицательные показатели значимости объектов, относящихся к основанной на единой совместной деятельности общности людей, связанных узами супружества-родительства-родства, в связи с вовлеченностью этих объектов в сферу человеческой жизнедеятельности, человеческими интересами, потребностями, социальными отношениями»[47]. Тем не менее, исходя из данного определения, семейные ценности также подразделяются на три группы: ценности супружества, ценности родительства и ценности родства.

Основными ценностями, на которых акцентируется внимание исследователей при анализе изменений в семейных ценностях молодежи, выступают ценности брака, супружеских отношений (распределение ролей, функций и т. д.), детности. Изучая их, исследователи задаются вопросами о том, какие из семейных ценностей являются важными, приоритетными, а какие второстепенными; какие из них только декларируются, а какие находят применение на практике и есть ли гендерная специфика в семейных ценностях молодежи.

Анализ эмпирических замеров на протяжении ряда лет в российских регионах о базовых семейных ценностях молодого поколения привел исследователей к мнению о том, что среди молодежи по-прежнему довольно устойчивы установки на официальное оформление отношений в будущем и рождение первого ребенка; при этом от будущего спутника жизни ожидается

[45] Ильиных С. А. Ценности супружества, родительства, родства: смыслы и трактовка // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5, № 2. С. 52.
[46] Ефимова Г. З., Кувалдина С. Ю. Указ. соч. С. 37.
[47] Лотова И. П. Системный подход к изучению семейных ценностей в современном российском обществе // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2015. № 5. С. 62.

прежде всего эмоциональная связь, комфорт, поддержка и любовь, а реализация родительских установок видится при условии достижения материальной стабильности и уверенности в завтрашнем дне[48].

Другие исследователи утверждают, что ценность и значимость семьи по-прежнему высока в молодежной среде, однако наблюдаются процессы переосмысления семьи с позиций ее функциональной сущности и места в жизни молодых поколений[49]. Относительно функций семьи исследователи обращают внимание на функциональное смещение: с традиционных функций, таких как репродуктивная, воспитательная, экономическая, на современные, в числе которых приоритетную роль играют функции, связанные с удовлетворением потребностей в любви, в заботе и поддержке, т. е. потребностей эмоционального комфорта. При этом молодежь демонстрирует нейтральное отношение к сожительству, поддерживает право на аборт и ориентацию на отложенное родительство. Выводы И. С. Шаповаловой, основанные на эмпирических результатах, в целом коррелируют с указанными выше: среди молодежи интерес к сожительству довольно высокий, но в большей степени она ориентирована на вступление в официальный брак с ключевой мотивацией под названием «любовь»[50].

В исследовании Н. А. Романович делается вывод о преимущественной ориентации молодежи на малодетность (велико число сторонников однодетной семьи), на нуклеарную семью как норму с отказом от патриархальной системы распределения семейных ролей в пользу равноправия (за это особенно ратуют женщины), но на практике они «не готовы принять вместе с правами те обязанности, которые неизбежно сопутствуют правам»[51]. В этой работе также зафиксировано положительное отношение к незарегистрированным бракам среди большинства молодежи (особенно лояльны к ним женщины). Такой брак

[48] Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. Указ. соч. С. 138.
[49] Наберушкина Э.К., Бессчетнова О.В., Судоргин О.А. Указ. соч. С. 698.
[50] Шаповалова И. С. Матримониальные диспозиции молодежи как объект социологического анализа // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 167–191.
[51] Романович Н. А. Указ. соч. С. 138.

воспринимается как «пробный», необходимый для проверки чувств и готовности к дальнейшей совместной жизни, рождению детей.

Проведенный К. Р. Семеновой контент-анализ семейно-брачных ценностей и установок молодежи – пользователей интернет-контента в возрасте от 18 до 35 лет – показал противоположные результаты: молодое поколение не видит необходимости в браке и даже в сожительстве, размышляет категориями, которые связаны с финансами, привнося коммерческие отношения в брак[52]. Такая ситуация во многом сложилась под влиянием пандемии коронавируса, когда волна разводов продемонстрировала несостоятельность многих семейных отношений в условиях социальной изоляции семей. Но, по мнению указанной исследовательницы, на такие семейно-брачные установки молодежи большое влияние оказывают СМИ и само общество, в котором сформировалось терпимое отношение к браку без регистрации. В другом исследовании, также содержащем анализ результатов дискурса молодежных интернет-сообществ (в социальной сети «ВКонтакте» и Telegram-каналов), анализ содержательной трансформации концепта «семейные ценности» показал, что цифровое поколение характеризуется амбивалентностью сознания, в котором сочетаются традиционные установки на брак и либеральные позиции относительно добрачных и внутрисемейных практик, и в целом делается вывод о переходе от патриархальной модели семейных ценностей к «партнерско-договорной»[53].

При изучении ценности семьи исследователи часто обращаются к студенческой группе[54]. Анализ результатов многочисленных исследований студентов различных направлений и из разных регионов страны показывает, что в целом семейные ценности студенческой молодежи отражают установки в

[52] Семенцова К. Р. Указ. соч. С. 111.

[53] Кашаев Д. С., Шумилова О. Н. Указ. соч. С. 188.

[54] Дунаева Н. И., Баринова О. А., Курзюкова Ю. Ф. Указ. соч.; Ивченко Н. Э., Жукова В. С., Сазонова Е. С. Указ. соч.; Козловский, В. В., Панкратова, Л. С., Светлов Р. В. Указ. соч.; Кортелева А. В. Указ. соч.; Матвеева Е. В., Сат А. В. Указ. соч.; Место семьи среди профессиональных и социальных приоритетов... / К. Р. Капиева, С. А. Ольшанская, А. А. Подлеснов, А. Д. Резвая; Николаева Е. А. Указ. соч.; Попова Н. М., Попов А. В., Иванова М. А. Указ. соч.; Семья как социальная ценность в представлениях молодого поколения / П. Л. Кривошеева, М. И. Лазарева, З. Б. Тасова, Ю. В. Евстафьева; Стрелец И. Э., Мухортов Д. С., Маркова Ю. С. Указ. соч.; Циткилов П. Я. Указ. соч.

отношении семьи, сложившиеся в молодежной среде России: ориентированность в большей степени на официально зарегистрированный брак, любовь, взаимопонимание, равноправное партнерство как основания для создания и жизнедеятельности семьи, а сам брак не воспринимается при этом как социальная обязанность[55].

Исследователи также зафиксировали прямую зависимость места ценности семьи в ценностной иерархии студентов от родительского опыта семейной жизни: при позитивном родительском опыте эта ценность наивысшая, в то время как при негативном ситуация меняется: резко снижается численность тех, для кого эта ценность является первостепенной. Совершенно очевидно, что образовательная деятельность, которая на этом жизненном этапе выступает для студенческой молодежи важнейшей, становится конкурирующим фактором в системе выстраивания ценностных и жизненных приоритетов, чем и объясняется приоритетность профессиональных ориентиров для бакалавров по сравнению с семейными, а значимость последних выходит на передний план у обучающихся в магистратуре[56].

Итак, как говорят нам эмпирические данные и исследовательские позиции, семья не утрачивает свою значимость для современного молодого поколения, но взгляды на нее и ее место в жизни молодежи меняются. Наряду с семейными ценностями значимыми в структуре ценностей российской молодежи выступают ценности личного комфорта, благополучия, жизненной самореализации, т. е. возвращения к смысложизненному наполнению ценностей советской молодежи, ориентированной на коллективные ценности и цели, не происходит[57]. И очевидно, что в ближайшей исторической перспективе этого не произойдет, поскольку либеральные ценности довольно устойчиво проникли в массовое сознание постсоветской молодежи и доступ к ним в эпоху цифровых медийных технологий

[55] Ивченко Н. Э., Жукова В. С., Сазонова Е. С. Указ. соч. С. 162.
[56] Место семьи среди профессиональных и социальных приоритетов... / К. Р. Капиева, С. А. Ольшанская, А. А. Подлеснов, А. Д. Резвая.
[57] Жизненные приоритеты и ценности современной молодежи / Л. А. Журавлева, Е. В. Зарубина, А. В. Ручкин [и др.] // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12, № 1А. С. 158–165.

не является закрытым. Некоторые из исследователей связывают распространение практик сожительства и феномена чайлдфри с внешним ценностным влиянием, в частности с влиянием западных ценностей, и призывают оградить молодежь от влияния чужеродных ценностей, разрушающих духовно-нравственные основы российского общества и его суверенитет в гуманитарной сфере, усилить семейно-демографическую политику Российского государства с опорой на собственные духовные ценности[58].

Исследователи в отношении ценностей современной российской молодежи разошлись во мнениях. Сформировались две точки зрения, связанные с отношением и к семейным ценностям[59]: первая точка зрения объединяет тех, кто считает, что ценности молодежи инструментализируются, а приоритет отдается материальным ценностям и ценностям индивидуализма, что ведет к разрушению семейных ценностей в контексте инфантилизации молодежи и откладыванию важных решений относительно семейной жизни; вторая точка зрения основывается на позиции о сохранности в молодежной среде в качестве приоритетных ценностей семьи и родительства в духе российской системы духовно-нравственных ценностей и межпоколенческой преемственности, а тот факт, что молодые люди откладывают важные решения относительно семейной жизни, может свидетельствовать о более ответственном отношении к браку и рождению детей, о стремлении более серьезно подготовиться к этим значимым жизненным событиям (обрести финансовую независимость, решить жилищный вопрос).

Подобное разделение на ценности инструментальные и терминальные в социологической традиции довольно устойчивое. Предложенное М. Рокичем разделение ценностей на ценности-цели и ценности-средства часто используется в изучении поведения молодежи, ее идеалов, мировоззренческих оснований существования. Одной из ключевых тенденций в изучении ценностей молодежи с позиций данного подхода является их инструментализация, и проявляется это в

[58] Мышко Ф. Г., Попов В. В. Указ. соч. С. 289.
[59] Александрова О. А. Указ. соч. С. 108.

том, что ценности смысложизненного порядка (терминальные) перестают восприниматься как самоценные безотносительно к реалиям и обстоятельствам жизни и приобретают иное значение – значение средства достижения тех или иных целей и благ, ориентируя на определенный стиль и способ, позволяющий реализовать задуманное, желаемое[60]. Исследователи отмечают, что к таким ценностям, постепенно утратившим смысложизненное (терминальное) значение для молодежи, относится ценность труда[61]. Труд перестал быть самоценным сам по себе, а приобрел прикладное значение – необходимого условия достижения материального благополучия и удовлетворения соответствующих потребностей. Его социализирующая роль по-прежнему признается важной и необходимой в становлении личности, но на практике превалирует инструментальная функция труда как ценности, его прагматическое значение.

Относительно ценности семьи ситуация, как следует из сложившегося в научном пространстве мнения, сложилась иная, и сводится она к тому, что семья сохраняет свой статус терминальной ценности, но при этом подвергается активной трансформации, сопровождающейся размыванием традиционных норм и моделей семейных отношений[62]. И мы в действительности наблюдаем процесс разносторонних изменений в семейно-брачном пространстве российского общества, когда при сохранении традиционных форм семейно-брачной жизни получают распространение новые формы (гостевые браки, сожительство, полигамные союзы, добровольно бездетные (чайлдфри), а также новые модели брачного поведения, связанные с более поздним вступлением в семейно-брачные отношения, в родительский статус, с серийным характером семейных связей и отношений в результате неоднократных попыток создать семью после распада предыдущих семейных союзов. С последним обстоятельством связана высокая

[60] Елишев С. О. Изучение понятий «ценность», «ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте // Ценности и смыслы. 2011. №. 2. С. 82–96.
[61] Labour socialization of young people in today's Russia: The specificity of sociological discourse / A. Vereshchagina, Yu. Volkov, D. Krotov, R. Ukolov // Asian Social Science. 2015. Vol. 11, № 8. P. 88–95.
[62] Лежнина Ю. П. Указ. соч. С. 70.

динамика числа повторных семей и браков[63], что свидетельствует о сохранении в качестве популярных в российском обществе социальных практик создания семьи и вступления в брак. Исследователи отмечают, что мода россиян на повторные браки стала очевидным и легко просматриваемым трендом настоящего времени, а периодическая моногамия стала компромиссным вариантом между моногамией и полигамией, и общественным мнением это не осуждается[64].

Для современного российского общества ценность семьи имеет особое – стратегически важное значение. На ее фундаменте выстраивается политика сохранения и воспроизводства традиционных духовно-нравственных ценностей общества. Вокруг нее сегодня реализуется политика интеграции российского населения. С семьей во многом связывают выход из ситуации ценностной дезориентации и деградации в обществе, уже неоднократно менявшем вектор развития и идеологические ориентиры. Через семью передаются базовые и необходимые для стабильного и солидарного развития общества ценности, с ориентацией на которые молодое поколение выстраивает жизненные стратегии и стремится к их реализации.

Семья меняется в духе времени, отражая, словно кристалл, все грани происходящих процессов и социальных изменений в социуме. Г. Г. Силласте отмечает, что в России до 80 % населения проживает в семьях, соответственно, все переживания семьи, все ее трудности – это и трудности самого общества, и неудивительно, что вокруг настоящего и будущего российской семьи разворачиваются эмоциональные баталии[65]. Иными словами, семья обладает мощным ресурсом субъектности, благодаря которому она оказывает значительное влияние на общественные процессы и социальный порядок, претерпевший серьезные изменения, связанные с трансформацией гендерных отношений в

[63] Треть разведенных граждан заключили брак повторно в 2024 году. URL: https://regions.ru/obschestvo/tret-razvedennyh-grazhdan-zaklyuchili-brak-povtorno-v-2024-godu (дата обращения: 24.04.2026).

[64] Отношение молодых женщин российской провинции к институту семьи и брака / Л. Н. Духанина, Т. Н. Каменева, А. А. Максименко, Г. В. Попова // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 77.

[65] Силласте Г. Г. Социальная субъектность семьи в процессе формирования нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 14–26.

современном мире. И мы наблюдаем, как во всем мире меняются семейные ценности молодых женщин, получивших доступ к образованию и профессионализации, право на самостоятельное жизненное самоопределение под влиянием ослабления институционального и нормативного давления со стороны общества.

Л. А. Грицай полагает, что в социологической науке, несмотря на разрозненные исследования в области изменения семейных ценностей, установок молодежи и в частности молодых женщин, отсутствуют комплексные исследования подобного рода с позиций изменения механизмов социального контроля, к которым исследователь относит семейные предписания, религиозные нормы, гендерные роли и нормативные модели женского поведения (репродуктивного, брачного и т. д.). Отталкиваясь от данных методологических установок, а также эмпирических результатов, она доказала, что ослабление традиционного социального контроля сопровождается смещением у молодых женщин приоритетов от семейных ролей к стратегиям самореализации, а сама семья трансформируется из институционального обязательства в пространство свободного выбора, который теперь осуществляется в согласовании с личными и профессиональными жизненными целями. Таким образом, в жизни молодых женщин российского общества фиксируется становление новых моделей самореализации вследствие деструкции традиционной семейной нормативности, и в этих новых моделях стратегии семейной и репродуктивной самореализации уже не предстают как первостепенные по значимости, как приоритетные, а уступают место образовательным, профессиональным и иным стратегиям, направленным на достижение субъективно воспринимаемой внутренней гармонии[66].

Семья всегда обладала самым мощным потенциалом социализации молодежи. Эта ее функция и обращает взоры исследователей к семье в координатах ее потенциальных и реальных возможностей, а также последствий

[66] Грицай Л. А. Указ. соч. С. 46.

социализации с учетом роста социализационного влияния цифровых технологий и сетей как агентов социализации. Но каждое поколение семей в каждую эпоху формирует уникальное поколение с собственными представлениями о жизни, об успехе, о важности семьи, о том, как жить и для чего. Ценность семьи, безусловно, важная, для каждого поколения приобретает собственное звучание, значение применительно к определяющей парадигме смысложизненности. Какая она у современной российской молодежи? Что выступает смысложизненным базисом молодых поколений современной России? Какой ключевой цели они посвящают свою жизнь? Что находится в эпицентре стремлений и желаний современной молодежи? Ответ на эти вопросы даст возможность понять новое поколение молодых россиян, объяснить выбор и реализацию ими жизненных траекторий, а это понимание, в свою очередь, позволит выстроить диалог между разными поколениями, поскольку в основе любого диалога находится понимание сущностных оснований жизни, ее смысла, который находит выражение, согласно концепции социологии жизни Ж. Т. Тощенко, в ценностях-принципах[67]. Они, как полагает указанный ученый, дают человеку возможность понять, что есть его собственная жизнь, к чему он стремится и как этого добиться в сложившейся в данном социуме системе норм и правил, в обществе с разными ценностными мирами, как правило, дифференцирующимися по поколенческому признаку.

В данной работе предлагается оценить роль семьи как ценности в жизни молодежи в контексте ее влияния на жизненную траекторию молодого поколения, но, предваряя собственный исследовательский анализ, мы обратимся к исследовательским позициям, сложившимся в данном предметном поле изучения жизнедеятельности российской молодежи. Об этом пойдет речь в следующей части нашего исследования.

Итак, по результатам проведенного исследования, изложенным выше, можно сделать следующие выводы.

[67] Тощенко Ж. Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.; Его же. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 106–116.

В данном параграфе рассмотрены основные теоретические подходы к изучению семьи как ценности в жизненной траектории современной российской молодежи. Проанализированы ключевые направления социологического осмысления молодежи, трансформации семейных ценностей, изменений института семьи и семейно-брачного поведения молодых поколений. Особое внимание уделено исследованиям, посвященным отложенному взрослению, трансформации жизненных стратегий молодежи, изменению представлений о браке, родительстве и семейных ролях.

Проведенный анализ показал, что в современном российском социологическом дискурсе не вызывает принципиальных разногласий положение о высокой значимости семьи в структуре ценностей молодежи. Вместе с тем выявлено, что изменяется не столько сама значимость семьи, сколько содержание семейных ценностей, характер семейных установок и способы их практической реализации.

Установлено, что современная российская молодежь в семейных отношениях в большей степени ориентирована на эмоциональный комфорт, партнерскую поддержку, личностную самореализацию и осознанное родительство, ввиду чего и получают распространение установки на позднюю брачность, отложенное родительство, малодетность, сожительство как пробный брак и вариативность семейных практик. Исследователи по-разному интерпретируют данные процессы: одни рассматривают их как проявление кризиса института семьи и размывания традиционных норм, другие – как закономерную эволюцию семейных отношений в условиях социальной модернизации.

Вместе с тем анализ научной литературы позволил выявить наличие существенного теоретического противоречия. С одной стороны, эмпирические исследования фиксируют устойчиво высокую ценность семьи в сознании молодежи, а с другой – демографические и социальные показатели свидетельствуют о кризисных тенденциях в сфере семейно-брачных отношений (рост числа разводов, распространение нестабильных форм партнерства,

снижение рождаемости и откладывание семейной самореализации). Теоретическое поле современного социологического знания пока не дает однозначного объяснения данному противоречию.

Выявлено также, что существующие исследования преимущественно концентрируются либо на декларативном уровне ценностных ориентаций молодежи, либо на анализе конкретных семейных практик, тогда как проблема внутренней дифференциации семейных ценностей, их смысложизненного содержания и влияния на жизненные траектории молодежи остается недостаточно разработанной. Это обусловливает необходимость дальнейшего исследования семьи не только как декларируемой социальной ценности, но и как фактора, реально определяющего жизненные траектории молодежи в условиях современного российского общества и вызовов цифровой эпохи.

1.2. Жизненные траектории российской молодежи в теории и практике социологических исследований

Жизненные траектории молодежи как предмет социологических исследований представляют собой актуальное направление, причем вне зависимости от специфики эпохи и ситуации, ведь молодежь – источник, важнейший ресурс и своего рода гарант успешного развития общества, его инновационная сила. В свою очередь, жизненный успех молодежи непосредственно связан с формированием и реализацией жизненных траекторий, творческого, интеллектуального, гражданского потенциала, и в этой части диссертационного исследования мы постараемся обозначить ключевые направления и идеи, сложившиеся в области теоретического и практического осмысления жизненных траекторий российской молодежи в социологической литературе.

Так, по мнению Д. О. Труфанова и А. П. Павлова, анализ жизненных траекторий современной российской молодежи предполагает необходимость учета ряда обстоятельств: 1) жизненные траектории молодежи в контексте их построения и реализации имеют объективную и субъективную стороны, что

предполагает анализ институциональных (внешних) условий и возможностей реализации жизненных траекторий и внутренних (субъективных) оснований во избежание искажения результатов исследования; 2) возрастающая сложность современного мобильного мира, в котором появляются новые социальные институты и явления, порождает новые модели поведения, реализуемые молодежью в различных сферах – образовательной, профессиональной и т. д., что определяет важность изучения адекватности, востребованности со стороны молодежи сложившихся институциональных условий и ресурсов в процессе реализации ею жизненных траекторий[68].

Указанные исследователи под жизненной траекторией личности понимают некую линию, совокупность жизненных точек человека, через которые он проходит в течение своей жизни и которая обусловливается объективными (окружающая среда) и субъективными (личные предпочтения) факторами[69]. Жизненная траектория (или, как ее еще называют Д. О. Труфанов и А. П. Павлов, жизненный путь) одна, но она дискретна, состоит из разных этапов, дискретных точек, формирующихся в результате выбора способа жизнедеятельности на том или ином этапе жизни. По существу, жизненную траекторию следует рассматривать как результат выбора человеком способа и формы жизнедеятельности; в ней находит отражение жизненная программа индивида[70].

Заслуживает внимания также предложенная данными исследователями типология моделей жизненных траекторий. Всего ими было выделено пять типичных моделей[71]:

– линейная: сформирована в СССР, а ее сущность заключается в последовательном прохождении определенных жизненных фаз через систему институциональных каналов, связанных прежде всего с образованием, с легитимными возможностями, дающими право на занятие соответствующего

[68] Труфанов Д. О., Павлов А. П. Указ. соч. С. 5–6.
[69] Там же. С. 53.
[70] Волков Ю. Г., Добреньков И. В. Роль семьи в образовательных и профессиональных траекториях молодежи Ростовской области // Социология. 2026. № 7. С. 57–67.
[71] Там же. С. 59–60.

социального статуса; актуальна и в современной реальности, но реализуется не без проблем ввиду изменений в системе образования, снижения его качества;

– традиционная: модификация линейной, основанная на убежденности в правильности традиционной стратегии, в том, что следует поступать как все, как положено;

– виртуальная: основана на использовании ресурсов сети Интернет теми, кто, не имея других необходимых ресурсов, стремится добиться успеха (социального, материального), преодолевая таким образом фрустрированные состояния в условиях социальной несправедливости;

– модульная (сетевая): также основана преимущественно на использовании интернет-ресурсов как источника информации, но при этом сам молодой человек выступает активным актором, генерирующим, ищущим и селектирующим информацию, накапливающим ее и использующим в целях повышения образовательного капитала;

– маргинально-эскапическая: вариант виртуальной, но с акцентом на использовании сети Интернет и ее ресурсов для ухода от реальности.

Эти модели выстроены на основании такого критерия, как образование: каким образом оно получается, используется и дает возможность реализации жизненных планов. На социализационном потенциале данные исследователи делают акцент, справедливо полагая, что от образовательного уровня и капитала молодежи зависит дальнейший жизненный путь и перспективы самореализации.

Такая позиция поддерживается и другими исследователями. В частности, известный специалист в области социологии молодежи Г. А. Чередниченко отмечает, что система образования олицетворяет собой совокупность лифтов, на каждом из которых «пассажиры» могут подняться на определенный этаж, а также пересесть на другой, идущий выше в соответствии с прилагаемыми усилиями, наличием тех или иных способностей, а конечная станция, т. е. финиш, во многом детерминируется базовым образованием[72].

[72] Чередниченко Г. А. Жизненные траектории молодежи на разных этапах образования. С. 50.

Таким образом, образовательная траектория – важнейшая и первичная составляющая в жизненной траектории как линии жизни молодого человека, в которой, помимо образовательной, исследователи выделяют в качестве важнейших для жизни человека трудовую и семейную. Об этом пишет М. Я. Ядова, под жизненными траекториями, или траекториями жизненного пути, понимающая последовательное прохождение человеком социально заданных событий и ролей в различных сферах жизни[73].

Другие исследователи, обобщив научно-исследовательскую литературу по данному вопросу и отталкиваясь от тенденций изменения жизненных траекторий, их дестандартизированности, возможностей возвращения к прежним статусам, выделяют также линейную модель (традиционная, с режимом последовательной смены жизненных событий по пути успешной социализации); линейную с совмещением (параллельное осуществление работы и учебы); карьерную (связана с ранним выходом на рынок труда; рекурсивную (возврат на предыдущую жизненную стадию)[74].

На жизненную траекторию человека влияет окружающая реальность в виде других людей с их жизненными траекториями, событиями, историями, а также социальные реалии в виде региональных (местных) особенностей и условий жизни, переживаемых обществом в конкретную историческую эпоху событий, действующих социальных структур и институтов. При этом в формировании траектории жизни человека влияющие на него общественные события, реалии и перемены подчиняются индивидуальным предпочтениям, индивидуальному ритму жизни, т. е. субъективным факторам, имеющим личностное измерение.

В XXI в. жизненный путь молодого человека складывается под влиянием особой реальности, в которой готовых рецептов жизненного успеха, единственно правильных и гарантирующих жизненный успех, уже, можно сказать, не существует. Многое зависит от самого человека, его способности конструировать собственный мир, выбирать из множества возможностей, имеющихся в цифровую

[73] Ядова М. А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности. С. 83.
[74] Синьковская И. Г., Лукина А. К., Малимонов И. В. Указ. соч. С. 129.

эпоху, свои собственные сценарии развития, жизненной самореализации. И для поколения миллениалов линейная модель жизненной траектории в целом уже не характерна. В практике жизненного планирования доминируют краткосрочные проекты, поскольку прогнозировать результаты жизненной самореализации в долгосрочной перспективе в современном обществе динамичных перемен не представляется возможным. Это относится к самым различным сферам жизненной самореализации – к образованию, труду и семье в том числе, хотя при этом молодежь страны демонстрирует оптимистичные настроения. Так, масштабное исследование среди студенческой молодежи, проведенное ИСПИ ФНИСЦ РАН в 29 субъектах Российской Федерации в 2023 г., показало, что критика в отношении размытости жизненных целей «цифровой молодежи», «живущей одним днем», не имеет под собой оснований и большинство опрошенной молодежи этой категории не только с оптимизмом смотрит в свое будущее, но и считает необходимым его планировать, прежде всего в сфере профессиональной самореализации[75].

Отличает современное цифровое поколение также вера в собственные силы на пути реализации жизненных планов и стратегий, но сами планы на уровне установок не всегда сочетаются с практиками. Так, эмпирические замеры в области жизненного проектирования молодежи позволили социологам выявить противоречие между декларируемыми ценностными императивами, установками и реальными практиками в различных сферах жизни – экономической, досуговой, семейной и т. д.[76] Иными словами, на уровне сознания еще сохраняются некоторые стереотипные установки, ценности, понимание того, как, вероятно, должно быть и, возможно, хотелось бы, но в реальной жизни на уровне поведения они игнорируются. По мере взросления, вхождения во взрослую жизнь критически осмысливаются сформированные установки, собственные

[75] Жизненные стратегии современной студенческой молодежи: взгляд в будущее / М. Ю. Ефлова, О. А. Максимова, Р. Г. Минзарипов, Л. К. Нагматуллина // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 266–271.

[76] Кисиленко А. В., Шаповалова И. С. Проектирование жизненного пути, или Каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 83–94.

возможности в реализации жизненных планов и сами планы, которые теперь не ограничиваются четкими временными и количественными параметрами. К примеру, трендом современности стало непрерывное образование. Еще находясь на стадии получения первого образования, студенческая молодежь предполагает получить второе[77], и причины этого могут быть самыми различными – от осознания ошибочности образовательно-профессионального выбора до необходимости расширения профессиональных компетенций за счет дополнительного образования в условиях высокой мобильности и переменчивости мира труда и профессий, нестабильности и неопределенности рынка труда.

Исследователи обратили внимание на целый ряд противоречий между готовностью принимать ответственные решения в области жизненного планирования, ставить перед собой «высокие» цели в области самореализации (в экономической, семейной, репродуктивной сфере, в области здоровьесбережения, гражданского участия и т. д.) и готовностью рассчитывать при этом на собственные силы, ресурсы и реальные показатели деятельности[78]. К примеру, экономическая самостоятельность и стремление к ней сочетаются с экономической инфантильностью, запрос на либерализацию и демократизацию общества – с политической индифферентностью. Эти данные были получены в рамках опроса молодежи Белгородской области, однако они в целом отражают общероссийскую ситуацию.

Да, молодежь сегодня достаточно прагматична, знает себе цену, верит в собственные силы, заявляет о здоровом образе жизни как важной составляющей жизненного стиля, ориентирована на профессиональное и личностное развитие, о чем нам говорят данные опроса ВЦИОМ[79], но при этом ее взросление отличается неспешностью, откладыванием «взрослых» поступков до более позднего возраста (трудоустройство, создание семьи, рождение детей), что ассоциируется у

[77] Кисиленко А. В., Шаповалова И. С. Указ. соч. С. 90.
[78] Там же. С. 93.
[79] ВЦИОМ: 82 % молодых людей надеются реализовать себя в России. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7835246 (дата обращения: 30.06.2025).

исследователей с игровым отношением к жизни по аналогии с компьютерной игрой, в которой всегда можно вернуться на предшествующий уровень или начать заново[80].

Процесс взросления современной молодежи имеет свои особенности. Помимо того, что продлевается период юности в результате более длительного процесса обучения и включения в профессионально-трудовые отношения, обретения профессионального статуса и финансовой независимости, самостоятельности, создания семьи, процесс взросления характеризуется нелинейностью транзита от юности к зрелости при разнообразии и цикличности жизненных сценариев в различных сферах жизни – образовательной, трудовой, семейной. Так, получив образование и приступив к трудовой деятельности, молодой человек может вернуться к студенческому статусу, решив продолжить образовательную деятельность, получить другую квалификацию, или возвращается в родительскую семью после неудачной попытки самостоятельной жизни, в том числе семейной, вновь обретя статус «ребенка» под сенью родительского дома.

Г.А. Чередниченко подчеркивает в отношении сочетания образовательной и профессиональной жизненных траекторий молодежи, что традиционная модель перехода «учеба – работа», когда процесс учебной деятельности логично сменяется на трудовую, уже уходит в прошлое, а ей на смену приходит другая модель – попеременного или параллельного обращения и возобновления учебы и работы, что вызвано расширенными инвестициями молодежи в образование, в том числе дополнительное, распространением форм нестандартной занятости с гибким графиком работы (и это позволяет совмещать учебу и работу)[81]. Все эти процессы, ранее начавшиеся на Западе, привели и у нас к аналогичной ситуации пролонгации учебы и периода вхождения в профессиональное поле в контексте чередования/совмещения образовательной и трудовой деятельности.

---

[80] Ядова М. А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности. С. 84.

[81] Чередниченко Г. А. Молодежь после получения среднего образования: образовательные и профессиональные траектории // Вестник Института социологии. 2011. Т. 2, № 1. С. 67–86.

Оптимальной для социологического изучения образовательных и профессиональных траекторий молодежи Г. А. Чередниченко считает теорию человеческого капитала с центральной идеей непрерывного образования, которое является инвестицией человека в себя для накопления ценных ресурсов в течение жизни и использования их в процессе самореализации в сфере труда для повышения благосостояния, качества жизни, более высокого дохода. При том что существует тесная связь между образовательными и профессиональными траекториями, они являются неоднородными формами перемещения в пространстве социальных позиций, так как в рамках образовательной траектории приобретаются формальные квалификации, компетенции, знания и навыки, а профессиональная траектория связана с движением в профессионально-трудовой сфере и перемещением индивида на рынке труда от одной позиции к другой с учетом определенных индикаторов успешности (социальный статус, должность, квалификация, уровень оплаты труда). Иными словами, если образовательная траектория в большей степени является инвестицией, то профессиональная есть результат этой инвестиции в рамках конверсии накопленных ресурсов в соответствующие позиции на рынке труда[82].

Профессиональная траектория может содержать в себе карьерные установки, а может и не содержать. По этому критерию часто оценивают профессиональные установки и ориентации молодежи. Так, М. А. Ядова, описывая успешные и неуспешные трудовые траектории, приводит такое явление, как дауншифтинг, под которым понимается добровольный отказ субъекта от карьеры, от борьбы за статусные позиции на рынке труда в обществе потребления с его стандартами, конкуренцией. Несмотря на то, что иногда этот образ жизни расценивается как жизненный проигрыш, он получил значительное распространение в зарубежных странах. Сейчас о нем говорят как о специфическом стиле жизни, добровольно выбранной жизненной траектории, социальной практике, альтернативной модели успешности жителей стран, как

[82] Там же. С. 69.

правило, с высоким уровнем потребления. В российском обществе такая модель жизненного стиля пока не является распространенной, разве что среди молодежи мегаполисов[83].

Глобальные социокультурные изменения кардинальным образом отразились на молодом поколении: адаптация к режиму нестабильности, неопределенности сформировала у него модель поведения, на уровне которой закрепился формат ненадежной работы (нестандартная занятость, неполный рабочий день и т. д.), совмещения работы и учебы как длительной жизненной стратегии, гибкости и мобильности как формы адаптации к меняющейся реальности, в которой отсутствие безопасности стало своеобразной нормой. И в таком социально-экономическом и социокультурном формате молодежь перестала делать ставку на карьеру, сконцентрировавшись на личных интересах и личных отношениях. Этот феномен в зарубежной науке получил название «новая взрослость». Его суть заключается в новом отношении молодого поколения к жизни, в принятии нового порядка, нового мира, в котором приходится принимать решения относительно своей жизни, самореализации, уже не ориентируясь на принципы стабильности и надежности рынка труда, т. е. жизнь молодых людей складывается в ожидании нестабильного трудового пути, негарантированной занятости, что и формирует опасение планировать что-либо в важных областях жизни – труда, семьи[84]. В таких условиях долгосрочное планирование весьма затруднительно, и краткосрочные проекты заменяют долгосрочные, становясь составной частью жизненных стратегий, утративших в качестве своего базиса жизненное планирование.

Надо сказать, что российская молодежь живет в условиях тех же глобальных факторов неопределенности, небезопасности, подчиняясь тем же закономерностям адаптации к нестабильности, изменчивости, мобильности современного мира. Также для нее характерны нелинейные процессы в

[83] Ядова М. А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности. С. 87.

[84] Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 20.

реализации образовательных и профессиональных стратегий с отложенным взрослением с точки зрения обретения полной самостоятельности, однако исследователи по-разному оценивают изменения в области профессионального становления и развития молодежи в контексте такой модели «учебы – работы», при которой утрачивается непосредственная связь между этими этапами с точки зрения профессионализации в рамках полученной специальности (профессии).

Хорошо известно, что далеко не вся молодежь после получения образования работает в рамках полученной специальности и даже далеко не всегда планирует это на этапе образовательной деятельности. И во многих научных исследованиях как отражение масштабов профессиональной незрелости ввиду изменения самого алгоритма профессионализации в обществе поднимается проблема депрофессионализации молодежи. В большинстве случаев исследователи связывают с данным процессом негативные явления в области профессионального становления и развития молодежи, такие как снижение уровня ее профессиональной подготовки, профессиональной компетентности, рост прагматических установок в сфере труда, высокая трудовая и профессиональная мобильность, не способствующая накоплению профессионального опыта и мастерства, распространение форм альтернативной занятости, что находит выражение в прекаризации молодежного труда, увеличении количества фрилансеров[85].

[85] Великая Н. М. Прекаризация труда молодежи как фактор формирования группы «самозанятые» // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 6–21; Вольчик В. В., Посухова О. Ю. Прекариат и профессиональная идентичность в контексте институциональных изменений // Пространство экономики. 2016. №2. С. 159–173; Воробьева И. В. Прекаризация молодежи в сфере социально-трудовых отношений // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 3. С. 100–112; Голиусова Ю. В. Прекаризация занятости современной российской молодежи // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сб. докладов VI Всероссийского социологического конгресса / отв. редактор В. А. Мансуров. Тюмень: Рос. общ-во социологов, 2020. С. 5132–5135; Голиусова Ю. В., Ключарев Г. А. О стратегиях занятости современной молодежи // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 72–90; Посухова О. Ю., Маскаев П. И. Прекариат мегаполиса и профессиональная идентичность в контексте неявного знания // Журнал институциональных исследований. 2016. Т. 8, № 4. С. 92–105; Тощенко Ж. Т., Анисимов Р. И. Прекарный труд в России: состояние и тенденции // Экономическое возрождение России. 2019. № 2. С. 93–103; Харченко В. С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 54–63.

Процесс депрофессионализации молодежи в своей основе связывается с прекаризацией труда, в российском обществе находящей выражение в росте числа работников с уязвимым социальным положением, ущемленными социально-трудовыми правами[86]. Однако с учетом современных тенденций на рынке труда, высокой мобильности общества, в котором линейные стратегии адаптации, и прежде всего в профессионально-трудовой сфере, уже перестали носить характер необходимых и символизирующих успешность жизненного пути и личности, появились иные подходы к профессионализации, в рамках которых подвергается критическому осмыслению и сам феномен депрофессионализации.

Так, в концепции множественности профессионализации И. М. Фадеевой профессионализация рассматривается как процесс продвижения в профессиональном поле через возможную череду смен профессиональных статусов, т. е. речь идет о многоразовой многовекторной профессионализации, не ограниченной первичной и вторичной, а депрофессионализация в таком алгоритме может расцениваться как этап, открывающий новые возможности и перспективы на рынке труда, связанные с освоением новой профессии, новых профессиональных ролей[87]. И сегодня индивиды, способные к профессиональной мобильности именно в таком ключе – профессиональной социализации в ином профессиональном поле (смежном или совершенно новом) в русле быстро меняющихся обстоятельств и ситуаций на рынке труда и профессий, – имеют даже больше шансов на успех. А стратегия множественной профессионализации набирает популярность в современном обществе, что объясняет во многом установку молодежи на первую профессию как на такую, с которой не всегда связывается профессиональное будущее.

Как видим, сама современность заставляет критически переосмысливать веками воспроизводившиеся устои, взгляды на то, каким образом надо проходить

[86] Клименко Л. В., Посухова О. Ю. Прекариатизация труда и протестные настроения социально ориентированных профессиональных групп в российском обществе // Власть. 2018. Т. 26, № 9. С. 135.

[87] Фадеева И. М. Профессионализация и депрофессионализация в современном российском обществе: взгляд социолога // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2014. № 1. С. 112.

жизненно важные этапы, чтобы добиться успеха, достичь определенного социального статуса. Многие явления и процессы перестают носить четко ограниченный временными рамками характер. Образование становится процессом непрерывным, как и профессионализация, которая может включать в себя процесс депрофессионализации как утраты определенных профессиональных навыков, качеств в процессе перехода к новой профессии в условиях восприятия профессионализации как процесса, продолжающегося всю жизнь. В современном динамично меняющемся обществе, стремительно порождающем новые виды профессий, процесс профессионализации в значительной степени утрачивает такое ограничение, как временные рамки[88].

Безусловно, указанные факторы и обстоятельства профессионализации молодежи носят универсальный характер, и проблемы прекаризации молодежи, ее депрофессионализации наблюдаются и обсуждаются в различных частях современного мира, но для российского общества актуальность данной ситуации во многом связана с изменением политики государства в отношении социально-трудовых и экономических отношений, с отсутствием эффективной системы регуляции трудовых отношений.

Особенностью научного дискурса в отношении жизненной самореализации молодежи в координатах выстраивания и реализации жизненного пути является использование близких понятий, дополняющих картину жизненного мира молодежи. Это относится прежде всего к такому понятию, как жизненные стратегии. Пожалуй, этой теме посвящено больше исследований[89], нежели

[88] Цвык В. А. Профессионализация как социальный процесс // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2003. № 4. С. 260.

[89] Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения; Старостина С. А. Жизненные стратегии современной молодежи // Наука и современность. 2014. № 27. С. 141–145; Шаповалова И. С. Городская и сельская молодежь: анализ жизненных стратегий // Регионология. 2026. Т. 34, № 1. С. 181–209; Шаповалова И. С., Чернышева Е. А., Заводян И. С. Жизненные стратегии молодых россиянок (региональный аспект) // Женщина в российском обществе. 2026. № 1. С. 116–136; Седова Н. Н. Жизненные стратегии молодежи столиц и провинций // Социально-политические науки. 2024. Т. 14, № 6. С. 217–231; Сережко Т. А., Толстиков В. А., Кохан Д. А. Концептуальные основы исследования жизненных стратегий молодежи приграничного региона // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. С. 97–99; Халикова С. С. Жизненные стратегии дальневосточной молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1. С. 117–124.

жизненным траекториям молодежи. И в большинстве случаев в работах о жизненных траекториях молодежи поднимается вопрос о ее жизненных стратегиях, при том что данные понятия не являются синонимичными. Говоря о жизненной траектории как линии жизни с цепочкой последовательных этапов на пути самореализации в различных сферах, исследователи часто используют понятие жизненных стратегий, описывая эти этапы применительно к различным сферам жизнедеятельности и социальным практикам – образовательным, трудовым, семейным, коммуникативным, гражданским, общественным, экономическим и т. д.

В интерпретации же К. А. Абульхановой-Славской, которая на глубоко концептуальном уровне осуществила анализ категории «жизненная стратегия», просматривается определенная схожесть с понятием жизненной траектории. Жизненная стратегия в ее понимании выражается в способности личности к самореализации в различных жизненных условиях и обстоятельствах с учетом своих индивидуальных характеристик, особенностей посредством выбора способа жизни, разрешения противоречия между «хочу» и «имею» и творческого поиска[90]. Способность к самореализации в рамках формирования и реализации жизненных стратегий, по сути, есть мера зрелости личности, адекватно оценивающей свои возможности, устанавливающей пороговые значения удовлетворенности своих потребностей, вырабатывающей способы их реализации и активно действующей в границах выбранной жизненной стратегии, соблюдая баланс между личным и общественным, желаемым и необходимым[91].

Вопрос о зрелости в социологической литературе поднимается в последнее время довольно часто, что объясняется тенденциями пролонгации молодости, изменений в нормативно-правовом поле относительно молодого возраста. В. В. Радаев отмечает: «Формально взрослость, как правило, увязывается с достижением определенного возраста и обретением конституционных прав,

[90] Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
[91] Акулич М. М., Пить В. В. Жизненные стратегии современной молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 8. С. 34–43.

свидетельствующих о выходе из подросткового периода (получением права на оплачиваемый труд, образование семьи, участие в политических выборах). Но с содержательной точки зрения взрослость – более сложное и комплексное понятие, не сводимое к наступлению каких-то формальных событий. В наиболее общем виде взрослость подразумевает принятие решений, сопряженных с возникновением личной ответственности за свою жизнь, жизнь других людей и личную собственность. Решений, которые накладывают на человека продолжающиеся обязательства как минимум на долгий период. Это также способность отвечать за свои решения и поступки без перекладывания ответственности на взрослых»[92]. То есть быть взрослым, с позиции данного ученого, означает прежде всего независимость от родительской семьи с финансовой, демографической, пространственной и эмоциональной точки зрения, что выражается в наличии возможности и готовности самостоятельного материального обеспечения, создания и поддержания жизнедеятельности собственной семьи дистанцированно от родителей (территориально автономно), умения справляться с жизненно важными вопросами без советов и помощи родителей.

Иными словами, быть взрослым – значит уметь жить самостоятельно, проявляя взрослость в вопросах финансового, жилищного и семейного характера. В связи с этим, а также с учетом демографической повестки дня в России многие исследователи поднимают вопрос о семейно-брачных стратегиях и траекториях молодежи[93]. И практически во всех исследованиях рассматриваются идентичные вопросы-проблемы, связанные с более поздним вступлением в брак, отложенным родительством, изменением репродуктивных установок. Разница только в оценках этих семейных установок и доминантных факторов влияния, что, как правило,

[92] Радаев В. В. Указ. соч. С. 6.

[93] Благорожева Ж. О. Матримониальные стратегии молодежи как объект социологического анализа // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 11. С. 34–40; Великая Н. М., Шушпанова И. С. Жизненные стратегии российской студенческой молодежи в контексте ориентаций на создание семьи // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Сер. Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 30–42; Ефимова Г. З., Кувалдина С. Ю. Указ. соч.; Мышко Ф. Г., Попов В. В. Указ. соч.; Синьковская И. Г., Лукина А. К., Малимонов И. В. Указ. соч.; Семенцова К. Р. Указ. соч.

коррелирует с общей оценкой состояния института семьи и брака в России, которая варьируется от кризисной до эволюционной.

Выбор и реализация жизненной траектории молодежью во многом зависит от семьи, воспитания в семье, детско-родительских отношений, степени и характера включенности родителей в жизненные планы и интересы детей[94]. Особое значение семейной социализации связано с формированием смысложизненных ценностей, идеалов и образцов поведения, жизненных ориентиров на этапе еще незрелого восприятия реальности у подрастающего поколения. Как положительные и успешные результаты жизнедеятельности молодежи, так и ее неудачи, разочарования во многом могут быть связаны с этапом семейной социализации, с миром родительской семьи, с отношениями, которые сформировались в нем, с образом жизни и поведением родителей и близкого родственного круга. Хорошо известно, что значимым фактором на этапе жизненного старта молодежи является социальный статус семьи, определяемый уровнем ее образования, материального благополучия, профессиональным статусом, культурным капиталом в целом. Для молодежи из благополучных семей (в материальном и социальном плане) маршрут по жизненной траектории представляется менее тревожным, менее сложным, менее беспокойным с точки зрения опасений за успешность жизненной самореализации ввиду более высокой конкурентоспособности по сравнению с молодежью из социально неблагополучных и бедных семей[95].

Данное обстоятельство эмпирически верифицируется в исследованиях ученых[96], но роль семьи многозначна, а порой и неоднозначна, может варьироваться в диапазоне «положительная – отрицательная» даже в случае самых благих намерений, что особенно ярко проявляется в феномене социальной

[94] Осипова Л. Б. Роль семьи в выборе жизненной траектории молодежью // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=22261 (дата обращения: 09.02.2026).

[95] Кованова Е. С., Бадмаева Н. В., Холова Л. А. Семья в жизненных стратегиях молодежи в контексте демографической безопасности регионов России // Российский экономический интернет-журнал. 2022. № 2. URL: https://www.e-rej.ru/upload/iblock/53d/53d18338f78ef5df139fc6c209314df3.pdf (дата обращения: 12.02.2026).

[96] Черкашов Е. М., Гуляева Л. В. Указ. соч.

инфантилизации молодежи, также активно изучаемом исследователями[97]. Полагаем, что этот вопрос – вопрос влияния семьи и ее ценностного наполнения на выбор и реализацию жизненной траектории молодежью в современной России – еще не является исчерпанным с точки зрения социологической разработки, что и выступает одной из причин нашего исследовательского интереса к данной проблематике.

Итак, по итогам исследования в данной части работы можно сделать следующее заключение.

В параграфе систематизированы факторы жизненных траекторий молодежи: выделена объективная группа факторов (институциональные условия, рынок труда, социальная среда) и субъективная (ценностные ориентации, личностные ресурсы). Типология моделей выстраивается по критериям брачности, характера образования и исторической эволюции жизненных сценариев, от линейных к дестандартизированным. Установлено, что жизненные траектории в условиях современной реальности носят преимущественно чередующийся и возвратный характер: меняющееся общество открывает новые возможности, позволяя переигрывать пройденные этапы жизненного пути.

Категория жизненных траекторий обладает бóльшими объяснительными возможностями, чем категория жизненных стратегий, поскольку стратегия предполагает проектирование, планирование, тогда как современная молодежь ориентируется на более гибкие и нелинейные сценарии.

---

[97] Ардельянова Я. А., Саидов Б. Ш. Факторы и условия инфантилизации современной молодежи // Теория и практика общественного развития. 2018. № 4. С. 32–36; Галюк Н. А. Социальная инфантильность как маркер модели экстремистской личности // Актуальные проблемы формирования в российском обществе научного и учебного знания по противодействию терроризму и экстремизму: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2018. С. 334–338; Гребенникова В. М., Щербина А. И. Инфантилизация молодежи как актуальная проблема социально-психологической безопасности государства // Концепт. 2016. № Т24. С. 52–56; Демиденко А. С. Рискологическая концепция изучения социальной инфантильности российской молодежи // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Сер. Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 64–70; Ее же. Социальная инфантильность городской молодежи: сферы проявления // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3, № 3. С. 62–70; Огарева Е. И. Лик Н. В., Сероштанов Д. И. Трансформация взрослости в эпоху цифровизации // Управленческое консультирование. 2021. № 12. С. 138–144; Полюшкевич О. А. Социальная ответственность и инфантильность современной молодежи // Гуманитарный вектор. 2026. Т. 21, № 1. С. 27–38.

В условиях непрерывного образования образовательные и профессиональные траектории рассматриваются как единый процесс самореализации молодежи в различных модификациях и чередованиях, а семейные траектории формируют самостоятельное направление исследования. Их выделение методологически обоснованно и открывает возможность изучения роли семьи и семейных ценностей в жизненно важных сферах самореализации молодежи, что определяет методологические границы диссертационного исследования, в которых образовательные, профессиональные и семейные траектории молодежи в их взаимосвязи и детерминированности влиянием ценности семьи включены в единое исследовательское поле.

1.3. Семья как ценность в жизненной траектории российской молодежи: методологические основания исследования

В российской социологической литературе проблема молодежи, ее ценностей, их роли в жизни молодого поколения занимает особое место, поскольку проникновение в ценностно-жизненный мир этой возрастной группы позволяет понять, а следовательно, и объяснить, на что сегодня ориентируется молодежь в процессе выстраивания своих жизненных траекторий, к чему стремится и что для этого намерена предпринять и предпринимает, исходя из имеющихся у нее ресурсов. От понимания того, как молодежь живет и как планирует жить в ближайшей перспективе, зависит не только образ будущего самой молодежи, но и общества в целом. Недаром сегодня на уровне молодежной политики в России центральное внимание сосредоточено на сохранении и воспроизводстве в молодежной среде традиционных духовно-нравственных ценностей, среди которых значимое место отводится ценности семьи. Не все социологи позитивно оценивают реализуемые в отношении воспитания молодежи меры, и в зону критики попадают такие меры, как «усиление курса на патриотическое воспитание, развитие духовных (традиционных) ценностей, правовую социализацию молодежи исключительно в контексте противодействия и профилактики всевозможных внутренних и внешних угроз в отношении

политического курса государства», так как это не способствует выстраиванию честного диалога с молодежью и тем самым закрывает горизонты будущего[98]. Акцентированное внимание на патриотическом воспитании военно-мобилизационного типа в соответствии с реалиями сегодняшнего дня, связанными с СВО, блокирует установки молодежи на активность в гражданской жизни и закрепление ценностей социального участия и активности более широкого спектра, не ограниченных доминирующим политическим дискурсом и событиями СВО.

Возможно, именно на этом фоне социальной ситуации и напряженной глобальной повестки дня ценность семьи еще более основательно закрепляет свои позиции в структуре ценностей российской молодежи. Семейные ценности так же активно, как и патриотические, пропагандируются в молодежной среде, признаются в качестве духовно-нравственной основы российской государственности и важнейшего инструмента воспитания молодежи[99].

Теория ценностей в социологии имеет давнюю традицию. Начинается она с трудов М. Вебера, для которого ценности стали центральным понятием в теории социального действия и ключевым в методологии построении идеальных типов[100]. С социальной нормой связывают ценности и представители структурного функционализма, а как социальные установки ценности предстают в известной теории ценностей У. Томаса и Ф. Знанецкого[101]. В их интерпретации ценности – это регуляторы групповой идентификации, индикатор уровня интегрированности социальной группы, что определяет в качестве важнейшей их характеристики конвенциональность, и на этом выстраивал свою концепцию ценностей Э. Дюркгейм, для которого ценности выступали в качестве объективного конвенционального фактора социальной солидарности[102]. В ценностях заключен

[98] Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Указ. соч. С. 83.
[99] Тогузаева Е. Н. Указ. соч.
[100] См.: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 628–630.
[101] Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 335–357.
[102] Максименко А. А. Социологическая интерпретация понятия «ценность» // Вестник Костромского государственного университета. 2011. № 2. С. 286.

культурный код, отвечающий за процесс институционального воспроизводства и сохранения социального порядка[103], а разрушение этого кода, соответственно, угрожает разрушением целостности социальной системы. Важнейшую роль ценностям в формировании и развитии культуры отводил П. Сорокин: для него сама культура была порождением ценностей, без которых, особенно без культурных ценностей, существование людей и общества в целом не имеет смысла[104].

В мире ценностей присутствуют элементы реального и идеального мира. Именно значимость чего-либо в реальном мире придает этому ценность, но в ту или иную эпоху под влиянием различных факторов может меняться отношение к предметам и объектам социальной реальности, к тем или иным вещам, в результате чего ценности утрачиваются или приобретаются, меняется их статус в иерархии ценностных предпочтений, а смена ценностных координат в диапазоне духовных и материальных ценностей, как правило, приводит к кардинальным общественным переменам, парадигмальным сдвигам в общественных процессах и мировоззренческих системах[105].

Таким образом, ценности представляют собой динамичную систему, меняющуюся под влиянием разного рода обстоятельств[106]. В социологической науке ценности приобрели эмпирико-измеряемое значение, появляются различные классификации ценностей (позитивные и негативные, универсальные и субъективные, терминальные и инструментальные как ценности-цели и ценности-средства, материальные и духовные, традиционные и инновационные, абсолютные и относительные, локальные и глобальные, доминирующие и периферийные и т. д.).

---

[103] Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.

[104] Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

[105] Добреньков И. В. Семья в структуре ценностей российской молодежи в фокусе социологических исследований: теоретические и прикладные аспекты // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2025. Вып. 4. С. 84.

[106] Ильиных С. А. Ценности российской молодежи: традиционность в эпоху перемен // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 305.

Структура ценностей молодежи, ее статика и динамика отражают тип и вектор общественного развития в конкретных условиях социальной реальности, а изменения в иерархии ценностей могут свидетельствовать о смене идеалов, жизненных смыслов и целей, форм мировоззрения. Особое значение имеют базовые ценности общества, выступающие основой общественного воспроизводства и необходимые для поддержания социетальной целостности и интегрированности социума, социального согласия. К таковым относится ценность семьи.

Роль семьи в общественных процессах всегда была значимой, и это не оспаривалось никогда и никем. Но отсюда возникает и основной вопрос к семье с точки зрения научной рефлексии: что может семья дать молодежи в контексте современных реалий и вызовов цифровой эпохи? Является ли она тем базисом, на котором строятся жизненные траектории молодежи? А может, роль семьи уже не так велика? А может, другие агенты социализации уже играют более важную роль?

Мы исходим из того, что семья всегда выступала основой становления и развития общества, находилась в эпицентре социальных процессов, при том что ее роль не всегда бывает явной. Разве не к семье обращаются исследователи, когда хотят проникнуть в глубины, в корни появления и воспроизводства тех или иных ценностей, норм и моделей поведения, традиций и инноваций? Не к семье ли обращаются, когда в обществе происходят социальные трансформации и меняется облик молодежи, ее образ жизни? Не к ней ли обращаются, пытаясь понять причины демографических сдвигов, кризисов?

Именно к ней, потому что семья – это та основа, та площадка, на которой впервые происходит осознание мира, где ребенок делает первые шаги в этом мире, еще не зная, какой он – счастливый или нет, опасный или безопасный. Семья становится первым миром, в котором происходит осознание себя, но это происходит на уровне первичной социализации, а то, что происходит далее, связано с этапом вторичной социализации, когда семья перестает быть практически единственным актором, влияющим на становление молодой

личности. Но, справедливости ради, следует и первичный этап социализации подвергнуть критическому анализу с точки зрения современной цифровой реальности. Такой анализ был неуместен в доцифровую эпоху, но не сейчас, когда дети цифровыми технологиями овладевают раньше, чем остальными, традиционно сопровождающими взросление личности, – языковыми, поведенческими и иными навыками, и данный вопрос является более чем актуальным. В связи с этим современную молодежь уже довольно часто называют цифровой. Обзор научной литературы об этом красноречиво свидетельствует, причем в самых разных областях социально-гуманитарного знания[107]. Под цифровой молодежью принято понимать поколение (и не одно), формирование которой происходило под влиянием информационных технологий, в цифровой среде[108].

Сама молодежь по-разному интерпретируется исследователями. Так, с позиций тезаурусной концепции она предстает как социальная группа, представители которой осваивают и присваивают социальную субъектность, обладают социальный статусом молодых и идентифицируют себя в качестве таковых на основе распространенных в этой социальной группе тезаурусов, в которых выражается и отражается ее символический и предметный мир[109]. Данная концепция отражает сущность современного поколения молодежи и молодости в целом, так как не содержит в себе возрастных рамок и ограничений, довольно активно меняющихся в последнее время в сторону увеличения, а также демонстрирует важность символического мира для восприятия молодости и

[107] Солдатова Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 71–80; Тоганова Ж. К., Сыздыкова М. Б. Цифровая социализация: дети и подростки в современном информационном пространстве // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 1. С. 144–154; Уварова Л. Н., Каримов Д. А. Цифровая социализация: психологические особенности формирования личности в интернет-среде // Мир педагогики и психологии. 2025. № 5. С. 448–453.

[108] Хворова В. А. Ценностные ориентиры «цифровой молодежи» мегаполиса и региона: сравнительный аспект // Записки Новгородского государственного университета. 2022. № 6. С. 623–627.

[109] Луков В. А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 5–17.

отождествления себя с молодежной социальной группой[110]. В этом подходе ключевой выступает категория субъектности, как, собственно, и в ряде других социологических концепций молодежи, что связано с повышением роли молодежи в процессах общественного воспроизводства в условиях перехода к новым реалиям социального развития – отличным от традиционных, стандартных, прогнозируемых и контролируемых старшими поколениями и нормами социального контроля.

Социальная субъектность в интерпретации исследователей – «это свойство человека, группы или общества, заключающееся в их способности принимать самостоятельные решения и действовать, оказывая при этом влияние на поведение контрагентов»[111]. С. В. Луков полагает, что субъектность молодежи является основным приобретаемым ею социальным и культурным свойством, на преодоление неполноты которого и направлен процесс самореализации молодежи в обществе, в ходе которого происходит изменение отношения к ней со стороны других возрастных групп[112]. Как полагает данный исследователь, дальше всех в осмыслении субъектности молодежи с позиций социологической рефлексии и сути данного явления пошел И. М. Ильинский, который видит проблему в том, что «мир решительно меняется, идут процессы, которые не могут быть в достаточной мере осмыслены и тем более взяты под контроль старшим поколением. В этих условиях вопрос состоит не в том, чтобы поделиться субъектностью с молодежью, но опереться на субъектность молодежи, чтобы вытянуть целое – все общество, его настоящее и будущее»[113].

В. А. Луковым было проведено концептуальное осмысление работ Ильинского в отношении молодежной политики и роли молодежи в современном обществе. Он назвал концепцию молодежи данного ученого гуманистической.

---

[110] Добреньков И. В. Молодежь, семья и проблемы социализации в цифровую эпоху // Социология. 2025. № 11. С. 77–8.

[111] Ушамирский А. Э. К проблеме субъектности молодежи // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 4. С. 18.

[112] Луков С. В. Субъектность молодежи в публикациях МосГУ // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 1. С. 54.

[113] Луков С. В. Указ. соч. С. 55.

В ее основе лежит категория субъектности, поскольку «в ней развитие личности молодого человека, формирование его жизнеспособности поставлено на первое место, причем упор сделан на самоорганизацию, самореализацию, самовыражение»[114]. В обществе, которое хочет жить на опережение и управлять процессами будущего из настоящего, не опираясь на политику запоздалых реакций, ставка должна делаться на молодежь. Сформулированные Ильинским концептуальные положения относительно молодежи[115] актуальны как никогда, несмотря на глобальные перемены современной цифровой эпохи, и интерес к его трудам очень высок.

За методологическую основу в данной диссертации берутся следующие важные установки, характеризующие молодежь как субъекта общественных отношений и социально-демографическую группу:

– молодежь – явление объективное общественное, выступающее в форме большой специфической возрастной подгруппы как части целого – общества;

– специфика ее проблем обусловлена возрастом (молодостью), который и формирует эффект зависимости (от старших поколений, от семьи), что особенно характерно для учащейся молодежи, которой большинство, которая не включена полноценно в производственный процесс и «живет в кредит», находится на этапе выбора сферы профессионально-трудовой деятельности, не обладая возможностью и способностью в силу указанных обстоятельств самостоятельно принимать решения относительно своей жизни;

– молодежь находится на этапе решения проблем духовно-нравственного самоопределения, а также брачного выбора и деторождения как важнейших жизненных событий;

– в каждом обществе в конкретное историческое время формируется свой облик молодежи, со своим интеллектуальным и творческим потенциалом, т. е. она – явление конкретно-историческое;

---

[114] Луков Вал. А. Ильинский: гуманистическая концепция молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2. С. 53.

[115] Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. М.: Изд-во Моск. гум. ун-та, 2025. 639 с.

– социализация молодежи – процесс двойственный, поскольку она одновременно является и объектом, и субъектом социализации, что и делает ее социальный статус неопределенным (и зависимым, и потенциально деятельностным);

– обретение молодежью субъектности и есть суть процесса самоидентификации по мере осознания своих интересов, потребностей и организации себя для их реализации;

– молодежь символизирует будущее общества, так как является носителем процессов, развитие которых в полноценном виде произойдет только в будущем.

В социологии утвердилось понимание молодежи как социально-демографической группы, характеризующейся в силу возраста специфическими интересами и ценностями, особенностями социального положения, места и функций в социальной структуре общества[116]. Социализация – ключевой процесс, с помощью которого изучается и описывается молодежь. Данное понятие предельно широкое, включающее в себя процессы и результаты формирования личности, ее развития, интеграции в социум в качестве субъекта общественных отношений посредством обретения социально значимых и необходимых качеств[117]. И в этом процессе, несмотря на цифровую революцию в обществе, семья по-прежнему играет важнейшую роль.

Незыблемым остается тезис о том, что семья, будучи основой воспроизводства жизни на земле, человеческого общества как организованного целого, влияет абсолютно на все сферы социальной жизни, поскольку именно в пространстве семьи происходит становление личности, осуществляется процесс первичной социализации посредством трансляции социальных ценностей, формирования мировоззренческих и поведенческих установок.

Иначе говоря, семья остается основным проводником духовных ценностей общества, его ментальных установок, традиций и культурных норм, несмотря на

---

[116] Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 269.

[117] Рубчевский К. В. Социализация личности: интериоризация и социальная адаптация // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 147–151.

то, что на социализационном «пьедестале» ей становится тесно: виртуальная среда в виде сети Интернет и социальных сетей выступает все более мощным конкурентом в борьбе за молодежь. Есть ли борьба? Со стороны может показаться, что нет. Все происходит естественным путем: развитие информационных технологий, невозможность социальной коммуникации начиная с раннего детства без соответствующих цифровой эпохе предметов (телефон, компьютер, планшет), но на выходе первичной социализации мы получаем «продукт» уже не чисто семейной коммуникации и семейного воспитания, а то, что случилось в результате семейной регуляции процесса цифровизации с точки зрения воспитания молодого поколения.

Иными словами, перед семьей давно назрел вопрос самоконтроля цифровой социализации молодежи. От семьи зависит, будет ли зависимой молодежь от цифровых технологий, от виртуальной среды, от мобильного телефона, от интернета. И не только – от общества в целом. Насколько готова будет молодежь к взрослой жизни, к интеграции в систему общественных отношений в условиях конкретной эпохи, конкретной социальной ситуации. С другой стороны, степень социальной зависимости молодежи, сложности перехода ко взрослой жизни в процессе адаптации к социальным реалиям определяет степень влияния семьи на сознание и поведение молодежи, на ее жизненные траектории, степень значимости семьи в жизни молодежи. Этот вопрос поднимается в той или иной конфигурации проблемных полей в социологической литературе, но, с нашей точки зрения, он не приобрел еще концептуально и методологически выверенного формата[118].

Вместе с тем нам представляется, что близко к этому подошла Г. Г. Силласте, предложившая рассматривать семью в координатах теории субъектности[119], и нам близок этот подход с учетом принятых в границах авторской гипотезы установок о детерминированности жизненных траекторий

[118] Добреньков И. В. Молодежь, семья и проблемы социализации в цифровую эпоху // Социология. 2025. № 11. С. 77–8.

[119] Силласте Г. Г. Социальная субъектность семьи в процессе формирования нового гендерного порядка.

молодежи меняющейся ценностью семьи и ее роли в жизни молодых поколений россиян.

Семья, обладающая субъектностью в любое историческое время на уровне потенциальной или реальной значимости для индивида и социума, способна в той или иной степени оказывать влияние на молодежь, что, безусловно, находит выражение и в ценностных позициях семьи, ее ценностном статусе в сознании молодежи, в массовом сознании общества. За основу в своей концепции семьи (назовем ее субъектной) Г. Г. Силласте берет, с ее точки зрения, выдержанное в социологии и точное определение семьи как «малой группы, основанной на браке или кровном родстве, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью»[120]. Взяв за основу теорию Силласте, остановимся и мы на этом определении в нашей работе. Для нас важно вкратце рассмотреть социологические сюжеты, в которых Г. Г. Силласте определяет свои методологические позиции с учетом обоснования для их выдвижения тезиса (столь же значимого для данной работы), о том, что «социальное время не только меняет семью, но и обновляет научные подходы к ее изучению»[121]. А для определения места семьи в трансформирующихся социальных условиях современного российского общества анализ обусловленности его изменения проводится Г. Г. Силласте с позиций влияния таких важных факторов, как новый гендерный порядок, формирующийся в мире; переход от транзитивной экономики к инклюзивной; функциональная трансформация семьи и изменение ее субъектности.

Основным посылом теории Г. Г. Силласте выступает переход к изучению социальной субъектности семьи как следствия перехода от рассмотрения ее места в обществе как малой группы и социального института в условиях смены общественной формации. Такой исследовательский ракурс (с позиций субъектности семьи) делает подход к изучению семьи не дуалистичным (с позиций малой группы и социального института), а третичным, поскольку речь

[120] Там же. С. 15.
[121] Там же. С. 16.

идет о расширении социальных функций семьи в системе рыночных отношений и транзитивной экономики. Она, будучи в своих ипостасях прежде всего институциональной, аккумулирует человеческий потенциал развития социума и становится активным субъектом рыночной экономики, влияя посредством разнообразной деятельности, активности, включенности во взаимодействия на развитие института экономики в целом. Следующим фактором, определяющим усиление социальной субъектности семьи, выступает международный. Его значение проявляется в масштабах распространения идей глобального феминизма как источника формирования нового гендерного порядка в современном мире. При этом автор данной концепции предупреждает о рисках распространения глобального феминизма в контексте национального развития семьи, отношения к ней как культурно-историческому институту в контексте соподчинения чужим гендерным нормам и правилам и влияния на сознание молодежи, которое в большой степени интригуют идеи гендерного равенства, гендерной нейтральности. Но не признать очевидного факта распространения принципов радикального феминизма в мировой практике и незавершенности данного процесса невозможно, что еще раз доказывает необходимость своевременного анализа субъектной роли семьи в глобальных идеологических процессах, имеющих в том числе и разрушительные последствия.

Изменения, связанные с динамикой гендерных отношений, обладают широким диапазоном влияния, охватывая, помимо семьи и межличностных отношений, сферу образования, сферу труда и т. д. Но проникновение в самые различные сферы жизнедеятельности гендерных идей и конфликтов на почве гендера также связано с семьей как субъектом, влияющим на ход и динамику общественных процессов. Через процесс социализации в семье, которая сегодня сама вышла за пределы стандартизации, передаются определенные гендерные стереотипы, нормы, идеи. Признание факта усиления субъектности семьи в современном обществе определяет значимость ее влияния на молодежь и жизненные траектории последней.

Логично будет перейти к теории жизненных траекторий в рамках определения методологических ориентиров нашего диссертационного исследования. Частично мы уже писали об этом в предыдущей части данной работы. Российские социологи довольно давно обратились к этой проблематике, но сегодня к ней возник особый интерес, поскольку, как справедливо отмечает М. А. Ядова, жизненные траектории в современную эпоху характеризуются вариативностью, динамичностью и парадоксальностью, что объясняется самой реальностью, текучей современностью, в которой легко принимают новые формы жизненные траектории молодежи, «текучие» траектории XXI в.[122] В этом веке раз и навсегда определенные варианты и образы жизни, к которым ранее были привязаны люди, укореняясь в профессии, работе, семье, уже не характерны для молодого современника, в сознании которого традиционные атрибуты взрослости, связанные с обретением профессии «на всю жизнь», вступлением в брак и достижением финансовой самостоятельности, несколько модифицированы[123]. Да, приобретение профессии и финансовой самостоятельности, а также семейного статуса по-прежнему символизирует этапы обретения взрослости, хотя они и изменили свои временные рамки; но самой важной особенностью прохождения жизненного пути современной молодежью стала ее ориентация на игру по аналогии с компьютерной игрой, с чем, безусловно, связана цифровая социализация. Хорошо об этом сказала М. А. Ядова. Она отмечает, что у нового поколения, у нового типа личности (homo ludens 2.0) сформировалось своеобразно ориентированное на игру отношение к себе и миру, в основе которого находится принцип компьютерной игры: возможность переиграть неудачный сценарий, вернуться на предыдущий уровень, изменить маршрут на более верный в соответствии с новым социальным

[122] Ядова М. А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности. С. 90.

[123] Добреньков И. В. Семья и формирование семейных траекторий в представлениях молодежи Ростовской области (по материалам фокус-групп) // Социология. 2026. № 6. С. 48–53.

контекстом либо с собственными изменившимися обстоятельствами и интересами[124].

Таким образом, основными методологическими позициями в нашем исследовании жизненных траекторий современной молодежи являются обстоятельства объективного характера (прежде всего, изменчивость социальной реальности, социального контекста) и субъективного (личные обстоятельства, интересы, цели, потребности). Выстраивая жизненный маршрут в соответствии с личными обстоятельствами, молодежь не может не ориентироваться на социальную конъюнктуру, подстраивая ее под себя и подстраиваясь к ней. В этом процессе подстраивания и происходит возвращение в предыдущие состояния, статусы и роли (ребенка, студента), и возможность этого возвращения определяется влиянием социокультурного фактора, нормами и образцами поведения, сложившимися в обществе на данном этапе и транслируемыми в молодежную среду в процессе семейного воспитания. Если молодежь возвращается к статусу ребенка в случае неудачной попытки обретения самостоятельности, взрослости (на этапе реализации профессиональной или семейной траектории), значит, у нее есть такая возможность, значит, в процессе жизненной траектории семья позволяет вернуться на предыдущий уровень игры под названием «жизнь» и начать снова жизненный путь, выстраивать образовательную, профессионально-трудовую, семейную траекторию.

Исходя из указанных обстоятельств, мы полагаем, что жизненные траектории современной молодежи формируются под влиянием социокультурного фактора (ценностные и поведенческие образцы, задающие ориентиры в реализации жизненной траектории, и семья в этом играет важную роль) и социального контекста, изменчивого и непрогнозируемого в связи с динамично меняющейся реальностью цифрового мира, в котором отсутствуют заданные и укорененные стандарты и алгоритмы прохождения жизненного пути (жизненной траектории) и есть возможность переиграть жизненный этап,

[124] Ядова М. А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности. С. 90.

жизненную ситуацию по типу возвращения к прежнему статусу, т. е. жизненная траектория перестала быть линейной, ее характеризуют нестандартизированность, нелинейность, цикличность в контексте возвращения. Многое зависит при этом от самой молодежи, ее смысложизненных ценностей, ориентаций, установок, принципов, во многом формируемых под влиянием семьи, семейной социализации, т. е. к объективному добавляется субъективный фактор.

В качестве рабочего определения жизненной траектории можно предложить следующее: это совокупность этапов и событий, через которые проходит индивид в течение своей жизни под влиянием объективных (окружающая среда с заданными параметрами жизненной самореализации и меняющимся социальным контекстом) и субъективных факторов (личные интересы, возможности, цели, потребности, ресурсы). В процессе выбора между общественными критериями, установками, образцами поведения и личными ориентирами и осуществляется жизненная траектория молодежи в контексте основных трех составляющих – образовательной, профессиональной и семейной. Их очевидная взаимосвязь не является линейной.

Исходя из базового определения жизненной траектории, под образовательной траекторией мы предлагаем понимать совокупность этапов и событий, через которые проходит индивид в течение своей жизни с целью приобретения профессиональных компетенций, навыков и знаний, необходимых для личностной и профессиональной самореализации. Профессиональная траектория рассматривается как совокупность этапов и событий, через которые проходит индивид в течение своей жизни в процессе адаптации на рынке труда и профессий с целью личностной и профессиональной самореализации. Семейная траектория характеризуется как совокупность этапов и событий, через которые проходит индивид в течение своей жизни в процессе обретения и/или изменения семейного статуса[125]. Последний обозначает положение человека в семье или его

[125] Добреньков И. В. Жизненные траектории молодежи Ростовской области в контексте трансформации семейных ценностей (на материалах экспертного опроса) // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 6. С. 153–157.

семейное положение, которое определяется брачным и родительским статусом. Брачный статус связан с типом брачных отношений (например, официально зарегистрированный брак, сожительство, религиозный брак и т. д.) и состоянием в браке (например, состоит в браке, разведен, вдовец), а родительский – с наличием или отсутствием детей (например, многодетная семья, малодетная, бездетная).

Указанные траектории мы выделили в качестве ключевых, определяющих жизнь каждого человека. При этом важно учитывать две характеристики жизненных траекторий, на которые указали такие специалисты в данной предметной области социологии молодежи, как Д. О. Труфанов и А. П. Павлов: диахроническую и синхроническую[126]. Первая (временная) привязана к институциональным этапам становления и развития молодой личности, соответствующим фазам обучения (школа, техникум, вуз), выхода на рынок труда (работа и профессионализация), а вторая отражает возрастные фазы с жизненными событиями биографического характера (служба в армии, вступление в брак, рождение детей, миграционные передвижения и т. д.).

В современной реальности поэтапность, поочередность многих событий в жизни молодежи уже неочевидна, зачастую они реализуются параллельно, и выделить какие-то в виде основополагающих, без которых немыслимы другие этапы и их прохождение, сегодня сложно. В силу вступил субъективный фактор, от которого зависит выбор жизненной траектории. Это и ценностные ориентации молодежи, и ее предпочтения, и мотивации, зависящие от целенаправленности и целеустремленности молодежи, ее человеческого капитала. Знания, навыки, квалификации, которые накапливает молодой человек в процессе своей жизни, – все это в совокупности и определяется специалистами в области жизненных траекторий как человеческий капитал.

Именно эта теория берется за основу группой исследователей, на протяжении десятилетий осуществлявших мониторинг образовательных и профессиональных траекторий молодежи и фиксировавших изменения, о которых

[126] Труфанов Д. О., Павлов А. П. Указ. соч. С. 53.

мы уже писали ранее. В данной части исследования важно привести их исследовательские позиции, особенно в области теории. Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко и Ф. А. Хохлушкина, чьи позиции мы сейчас хотим осветить в качестве подкрепляющих наши методологические ориентиры, достаточно давно осознали необходимость иного подхода к изучению жизненных траекторий молодежи в условиях ускорения трансформационных процессов и социальных перемен в контексте особенностей накопления человеческого капитала. Формирование последнего подчиняется факторам объективного характера: территориальный (удаленность от крупных культурных и образовательных центров), материальный (уровень обеспеченности семьи), культурный (уровень образования родителей и самой молодежи). От уровня этих «исходных данных» во многом зависит ход и результат реализации личного потенциала молодой личности. В условиях социального неравенства и увеличивающегося разрыва в уровне доходов населения жизненный старт в виде «стартового капитала» играет немаловажную роль. Молодежь из низкоресурсных семей изначально попадает в группу риска с точки зрения продвижения по пути жизненного успеха.

Концептуальная основа исследования образовательных и профессиональных траекторий молодежи, предлагаемая указанными учеными, базируется на достаточно универсальной в социологии установке, связанной с признанием влияния комплекса факторов (внешних, средовых, и внутренних, личных), но эта установка, по их мнению, позволяет выявить взаимосвязи между намерениями молодежи и ее реальными практиками, тем, что достигнуто по итогам жизненного пути. Иными словами, необходимо понять, что стало барьером на пути реализации намерений и желаний молодежи – социальное происхождение, семейные ресурсы, материальное положение семьи, место жительства, институциональные барьеры в системе образования и профессионализации и т. п. Важным представляется также обоснование использования понятия жизненных траекторий в контексте изучения процессов обретения молодежью образования и профессионального опыта ввиду того, что в

современных условиях эти процессы происходят попеременно или параллельно, т. е. термин «переход от образования к труду» уже не актуален, а актуальна концепция непрерывности и взаимосвязи образовательной и профессиональной траекторий[127]. Уже признанная в качестве адекватной современной реальности модель «образование в течение жизни» дополняется, с нашей точки зрения, моделью «профессионализация в течение жизни», причем речь не идет о нахождении в одной профессии всю жизнь. Прохождение пути профессионализации может сочетать в себе «путешествие» по смежным профессиям, по совершенно различным, и значимым здесь выступает накопление профессионального капитала как части человеческого в виде профессиональных навыков, знаний и компетенций, которые могут быть применимы для адаптации к условиям мобильного рынка труда, появления новых профессий, необходимости быстрой и гибкой адаптации к меняющимся условиям в пространстве профессионально-трудовых отношений.

Сегодня образование в теории человеческого капитала рассматривается преимущественно в виде инвестиций, как инвестиционное благо, вложение в себя, от которого в дальнейшей перспективе ожидается выгода (в виде увеличения материального дохода, достижения более высокого социального статуса). Вкладывая в себя, инвестируя в свое будущее, индивид берет на себя и ответственность как за собственные успехи, так и за неудачи в процессе конвертации полученного образования в профессиональной деятельности. В этой связи, конечно же, закономерно связывать образовательные и профессиональные траектории молодежи, которые рекурсивно сочетают рынок труда и систему образования, причем граница между областями образования и профессиональной деятельности в современности довольно условна. Тем не менее, давая определение каждой из траекторий, исследователи отмечают разнородность в их проявлении. Под образовательной траекторией понимается получение ее субъектом формальных квалификаций, институционально подтвержденных

[127] Жизненные траектории молодежи: 10 лет спустя. Социологическое исследование / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко, Ф. А. Хохлушкина. С. 13.

компетенций, информально приобретенного опыта в виде знаний и навыков, которое способствует движению от уровня к уровню образования, от квалификации к квалификации; а профессиональная траектория, соответственно, рассматривается с точки зрения перехода субъекта от одной позиции на рынке труда к другой с соответствующими маркерами в виде уровня оплаты труда, социального статуса и престижности профессии, по которым оценивается успешность продвижения по профессиональной лестнице[128].

Говоря о современной молодежи, исследователи отмечают особые тренды взросления, характерные прежде всего для поколения миллениалов и центениалов (зумеров), которых отличают следующие признаки: замедленный транзит от юности к взрослости (в контексте таких значимых событий, как трудоустройство, создание семьи, рождение ребенка, сепарация от родителей), разнообразие биографических «маршрутов», более длительный период обучения, определенная цикличность жизненных событий (с неоднократным возвращением в прежние статусы на протяжении всей жизни человека). Но тенденции взросления в XXI в. имеют свои особенности в разных странах с разными режимами социального обеспечения: там, где оно более развито, молодежь имеет возможность искать себя более длительное время с опорой на систему государственной поддержки, рано отделяясь от семьи; в других странах, без сильной системы государственного обеспечения взросления молодежи и ее вхождения в систему социальных отношений, молодые люди рассчитывают на помощь семьи, на собственные ресурсы. Но, как отмечает М. А. Ядова, в некоторых странах, и Российское государство к ним относится, сложились глокальные модели, в которых взросление, подчиняясь общемировой логике его пролонгации, имеет свои особенности в зависимости от места проживания, региона, его этнокультурной характеристики, типа местности (город/село, мегаполис и малый город) и т. д.[129]

[128] Жизненные траектории молодежи: 10 лет спустя. Социологическое исследование / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко, Ф. А. Хохлушкина. С. 17.
[129] Ядова М. А. Жизненные траектории городской молодежи в России и за рубежом. С. 21.

Таким образом, однозначной позиции относительно жизненных траекторий современной российской молодежи, вероятно, быть не может. Несмотря на то, что в большинстве исследований акцент сегодня делается на меняющейся реальности, в которой уход от стандартов в координатах собственной жизненной саморегуляции становится основной стратегией выстраивания жизненного маршрута, прохождения жизненного пути, считаем необходимым внести уточнение относительно влияния социокультурного фактора (о нем мы писали выше) как фактора, сохраняющего значимость сложившихся представлений о неких образцах и формах реализации жизненной траектории.

В условиях регионального многообразия России и дифференциации этнокультурных миров, в которых различная сила традиций становится фактором социальной регуляции жизни молодежи, ее ориентации на традиции и нормы в выстраивании жизненной траектории с опорой на семью и/или собственные силы, ресурсы, сложившиеся поведенческие образцы в жизненной самореализации, нельзя не учитывать роль социокультурного фактора как относительно стабильного и альтернативного фактору изменчивого социального контекста. Методологически эта позиция верифицируется с помощью теории социальной инерции, и в частности теории «зависимости от прошлого пути» (path dependency) В. И. Ильина[130], в которой указанный исследователь с позиций неоинституционализма анализирует выбор индивида в профессиональном поле и формирование индивидуальной жизненной колеи в рамках либо жестко очерченных, глубоких, стандартных границ, апробированных и потому прогнозируемых с точки зрения результата профессиональной самореализации, либо гибких, вариативных, с непрогнозируемым результатом с точки зрения профессиональной мобильности.

В разные периоды общественной жизни люди выбирают разные стратегии адаптации к рынку труда и профессий. В период общественных потрясений или стремительных перемен появляются и апробируются новые практики включения

[130] Ильин В. И. Профессия как индивидуальная жизненная колея: концептуализация категории // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13, № 4. С. 515–528.

в социальную жизнь, в частности в профессиональную. Это происходит, как правило, тогда, когда прежние, традиционные, не дают ожидаемого результата или сужаются возможности их использования. В современном мире жесткая и глубокая профессиональная колея по-прежнему привлекает внимание индивидов (к примеру, в системе госслужбы, в армии и т. д.), особенно тех, кому некомфортно находиться в ситуации неопределенности. Но значимую роль начинает играть тот самый социальный контекст, связанный с высокой динамикой перемен, новаций и, соответственно, возможностей выхода за стандартные границы профессионализации с использованием гибких инструментов и способов реализации профессиональной траектории. И в этом социальном контексте формируется тот тип личности, который способен жить в условиях перемен, высокой неопределенности, вариативности, поскольку эти составляющие социального мира являются нормой для молодого поколения XXI в. Однако это не означает, что в своей жизни новое поколение не ориентируется на смысложизненные ценности. Они могут быть другими, но они есть, и важнейшие из них ориентируют молодежь в выборе и реализации жизненной траектории, приобретая форму целей-принципов, если отталкиваться от теоретических суждений Ж. Т. Тощенко, которые являются важными для методологического базиса данного исследования. Вкратце изложим их, сразу обозначив, что ценностная теория Тощенко методологически значима для нас тем, что в ее рамках ценность семьи предстает как смысложизненная и на этом основании значительно детерминирующая жизненную траекторию российской молодежи в координатах таких ее форм, как образовательная, профессиональная и семейная.

Ж. Т. Тощенко известен многими своими трудами и концепциями, активно используемыми исследователями при изучении молодежи (например, исследования по прекаризации молодежи), но в данном случае обратимся к тем аспектам комплексной концепции социологии жизни, в рамках которой выделяется такой концепт, как цели-принципы, составляющие смысловое

пространство жизни человека и определяющие его поведенческие установки[131]. Смысложизненные ценности как единица социологического измерения образуются из основных ценностных ориентаций и установок (целей) и средств их достижения (принципов).

Иными словами, в целях-принципах находит выражение смысл жизни как конечная цель жизни, то, ради чего и как живет человек, а совокупность этих целей-принципов, по сути, олицетворяет сознание и поведение человека, определяет его жизнедеятельность в различных сферах жизни[132].

Таким образом, Ж. Т. Тощенко под смыслом жизни понимает цели-принципы, базис которых составляют наиболее важные ценностные ориентации, олицетворяющие стержень сознания и поведения людей и определяющие внутреннее содержание их жизни. В его концепции ценности-принципы, которыми руководствуется человек, позволяют ему придерживаться жизненно важных ориентиров и конечной, венчающей жизнь осмысленной цели (цели-принципа), составляющей смысл жизни[133].

Цель-принцип, согласно концепции Ж. Т. Тощенко, – «это конкретное выражение определенной жизненной стратегии как поиска реализации своей личности в жизни»[134]. Но смыслы, как отмечает автор данной концепции, часто неочевидны, скрыты и неуловимы для исследователей, использующих традиционные социологические методы. Наиболее перспективным выступает сочетание методов, и качественные методы, ориентированные на выявление неявного, скрытого в глубинах смыслов и мотивов, переживаний и интерпретаций реальности, с нашей точки зрения, имеют наибольший потенциал в подобного рода исследованиях. Выявление смыслов жизни как составляющих жизненный мир человека необходимо для объяснения мотивов и позиций деятельности в

[131] Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 6–17; Его же. Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 3–14; Его же. Социология жизни.

[132] Тощенко Ж. Т. Социология жизни. С. 163.

[133] Тощенко Ж. Т. Смыслы жизни как концентрированное выражение ценностных ориентаций // Альтернативы. 2017. № 1. С. 53.

[134] Тощенко Ж. Т. Смыслы как качественная и сущностная характеристика социологии жизни // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 5. С. 17.

различных сферах жизни – экономической, политической, социальной, культурной и т. д. Это своего рода индикаторы, определяющие позиции индивидов в различных сферах жизнедеятельности в соотнесенности со своим внутренним миром, «со своим осознаваемым внутренним предназначением»[135].

Важно также учитывать, что у каждого человека свои жизненные приоритеты, ценности, цели, свои роли и позиции в обществе, свои ориентиры и ожидание от жизни, а потому не к одной цели-принципу сводится смысл жизни. Скорее, речь идет об их сочетании, что в совокупности и характеризует жизненную траекторию индивида в условиях сложившегося социального порядка, социальных норм, но это сочетание может быть с перевесом в духовную сторону, когда доминируют цели-принципы созидательного порядка, или материальную, когда приоритетными выступают потребительские цели-принципы[136].

Выбор в ту или иную сторону – результат не только молодежного ценностного выбора. Это и выбор самого общества в контексте доминирующих в нем установок, транслируемых взрослыми образцов жизни и целедостижения. Тем не менее в акте выбора жизненных приоритетов, выражаемых в том числе в виде ценностных доминант, в виде целей и способов их достижения, находит отражение субъектная позиция молодежи. В этой связи исследователями и актуализируется субъектность молодежи как центральная категория в целом ряде концептуальных разработок в области социологии молодежи. В них молодежь предстает как социально-демографическая группа, выполняющая роль активного субъекта общественной жизни и общественного воспроизводства в соответствии с особенностями ее положения в обществе, интересов и потребностей, жизненно важных на этапе молодости.

Таким образом, субъектность – это сущностная черта молодежи, позволяющая ее рассматривать в качестве субъекта собственной жизни, в которой ею осуществляется и реализуется выбор жизненных траекторий. При этом важно

[135] Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 9.
[136] Тощенко Ж. Т. Социология жизни. С. 164.

учитывать ее возрастные особенности, дифференциацию на отдельные группы и исторический контекст жизненной самореализации.

Относительно возрастных границ мы уже писали ранее, и здесь единого подхода не сложилось в контексте поступательного изменения возрастных рамок и границ этой социально-демографической группы. В ней можно выделить отдельные возрастные подгруппы, символизирующие период ранней молодости (18–24 года), средней (25–29 лет) и поздней (30–35 лет), что укладывается в формально определенные российским законодательством верхние границы молодости[137]. Условно эти возрастные периоды символизируют прохождение определенных жизненных этапов (обучения, вхождения в профессионально-трудовые отношения и создания семьи), хотя мы понимаем, что в современной реальности линейность этих этапов нарушена, они могут сменять друга, чередоваться, повторяться, возвращаться. Но важно учитывать тот факт, что столь значительный размах в возрастной периодизации молодежи определяет и внутреннюю неоднородность последней, проявляющуюся в изменении не только ее социальных практик, установок, жизненных ориентиров, но и сознания. Так, для совсем юных представителей молодого возраста (18–24 года) с жизненными ориентирами в области образования, возможно, пробы на рынке труда будут значительно отличаться от молодых взрослых в возрасте 30–35 лет. Сделанный последними выбор на более раннем этапе молодости уже принес свои плоды, накопленный опыт уже осмыслен, стал частью их человеческого капитала, в то время как у юных представителей молодежи все еще впереди. Этот фактор, конечно же, нельзя не учитывать в процессе анализа проблем жизнедеятельности молодежи, ее жизненных позиций, взглядов, установок, траекторий, а потому традиционно молодежь принято также делить на учащуюся и работающую, что тоже во многом условно, так как режим совмещения учебы и работы довольно распространенный и длительный в молодежной среде современного российского общества. Следует также учитывать поселенческий фактор в дифференциации

[137] Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/ View/0001202012300003 (дата обращения: 13.03.2026).

молодежной группы. Сельская и городская молодежь имеют свои специфические особенности, ценностные установки и ресурсный потенциал, хотя численность городской молодежи превышает сельскую, да и в процессе реализации жизненных траекторий этот статус (поселенческий) часто меняется, как правило, в пользу роста числа городской молодежи. Вместе с тем образ жизни сельской и городской молодежи, как и качество жизни, имеет отличия и еще долго определяет различия в представлениях о жизни, в ценностных ориентациях, даже если поселенческий статус изменился.

Одной из самых многочисленных групп молодежи в современном российском обществе является учащаяся молодежь. Особенное внимание исследователей привлекает студенческая молодежь. Эта группа многочисленна, но важнее даже то, что ее образовательные траектории выступают значимым ресурсом общественного развития по самым различным направлениям, и исследователей волнует вопрос конвертации в профессиональный капитал получаемых знаний и компетенций на этапе образования, стратегии профессиональной самореализации, так как во многом субъектный потенциал студенческой молодежи и его реализация проецируются на будущее этой части молодежи и будущее общества. В этой связи, как мы отмечали в предыдущей части работы, многие исследования жизненных траекторий молодежи посвящены студенчеству. Мы также в рамках эмпирической стратегии данного исследования будем обращаться к мнению студенческой молодежи, полученному в рамках фокус-группового исследования. Работающая молодежь также попала в фокус нашего исследования (фокус-группа). Наше исследование носит региональный характер, и в этом плане интересно проследить степень совпадения и различия тенденций в изучаемом вопросе среди молодежи Ростовской области с данными других исследований по регионам страны и России в целом. Субъектные оценки молодежи будет дополнены экспертными суждениями, которые в совокупности с данными количественного характера (статистическими, эмпирическими) позволят показать срез объективно складывающейся ситуации в области жизненных

траекторий изучаемой молодежи в региональных условиях и универсальных тенденций взросления российской молодежи.

При всей неоднородности молодежи, ее региональной специфике выделяются общие для данной социально-демографической группы черты, которые позволяют на уровне социологического анализа объяснять суть происходящих в ее среде процессов и явлений. К ним относится переходность социального статуса молодежи, которая еще только движется к обретению полной субъектности с точки зрения собственного развития и включенности в систему общественных отношений. Этот переходный статус ставит молодежь в ситуацию становящегося субъекта, будущее которого еще не определено, но стремление заглянуть в него обусловливает постановку жизненных целей, задач и способов их реализации, что в социологии принято характеризовать как трансгрессивность[138].

Попытка сконструировать свое будущее в обозначенном контексте, в выборе жизненных траекторий (образовательной, профессиональной и семейной), опирается, с одной стороны, на базовые ценности общества и сложившиеся в их рамках поведенческие модели, а с другой – на изменяющиеся реалии современного мира и вызовы современной цифровой эпохи, требующие гибкого, нестандартного подхода к самореализации в различных сферах жизни. В этом, связанном с ценностным самоопределением, процессе важность приобретает отношение к семье как ценности в молодежной среде, роль семьи в жизненной траектории молодежи.

Ценности представляют собой относительно устойчивое, социально обусловленное избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных общественных благ[139]. Данное определение В. Т. Лисовского мы возьмем за основу, под ценностью семьи, соответственно, понимая устойчивое отношение социального субъекта к семье, которое формируется под влиянием

[138] Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: Academia, 2008. С. 65.

[139] Лисовский В. Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи (социологическое исследование) // Тугариновские чтения: материалы науч. сессии. СПб.: С.-Петерб. филос. общ-во, 2000. С. 40–44.

объективных факторов, прежде всего связанных с социокультурной спецификой общества и социальным контекстом меняющейся реальности, и субъективных, имеющих личностное измерение.

В рамках данного исследования основными индикаторами социологического измерения жизненных траекторий молодежи в контексте ценностного влияния семьи выступают: 1) роль семьи (родительской) в выборе и реализации жизненных траекторий молодежью; 2) значимость семьи как смысложизненной ценности в жизненных траекториях молодежи.

Индикаторами, раскрывающими указанные выше, выступают:

– самостоятельность выбора молодежью образовательной, профессиональной и семейной траекторий;

– необходимость и значимость помощи родителей в процессе получения образования, трудоустройства и реализации семейных стратегий;

– влияние культурного капитала семьи на выбор и реализацию жизненной траектории в формате образовательной, профессиональной и семейной траектории;

– место ценности семьи в структуре жизненно важных ценностей молодежи и ее смысловое наполнение в координатах таких семейных ценностей, как супружество, родительство и родство.

По итогам данного параграфа и всей главы можно сделать следующие выводы.

Семья как ценность традиционно выступает предметом пристального внимания исследователей. Основной фокус исследовательского внимания сосредоточен на динамике изменения семейных ценностей молодежи в условиях современных реалий цифровизации и глобальных социально-экономических перемен, трудностей адаптации к социально-экономическим реалиям современного российского общества. Исследования показывают, что при всем том, что семья сохраняет свою высокую значимость как ценность в молодежной среде российского общества, ее семейные установки и практики меняются. Распространение получают такие явления, как увеличение возраста вступления в

брак, рождения первого ребенка, высокий уровень нестабильности и конфликтности семей, ориентация на малодетную семью как приоритетную, а также на жизнь в стиле «соло» и бездетность (чайлдфри).

Жизненные траектории молодежи как предмет социологических исследований представляют собой также актуальное направление, которое представлено разработками теоретического характера и практического осмысления особенностей самореализации молодежи в жизненно важных сферах. На уровне теоретической рефлексии подвергаются анализу: факторы влияния на формирование и реализацию жизненных траекторий с выделением двух основных категорий – институциональных (внешних) и субъективных (внутренних); модели жизненных траекторий в контексте их исторической эволюции под влиянием социального контекста, связанного сегодня с высокой мобильностью общества, динамикой общественных изменений, в результате чего линейная модель, сформированная в СССР, перестала быть актуальной и востребованной в молодежной среде, а распространение получает нелинейная, характеризующаяся возможностью попеременного чередования образовательной и профессиональной траекторий, возвращения к прежним статусам (студента, ребенка). Значимость субъективного фактора стала более значимой в выборе и реализации жизненной траектории, поскольку в XXI в. жизненный путь молодого человека складывается под влиянием особой реальности, в которой готовых рецептов жизненного успеха, единственно правильных и гарантирующих жизненный успех, уже не существует. Многое зависит от способности личности адаптивно, гибко реагировать на вызовы и перемены внешней среды, не ограничиваясь стандартными способами и формами жизненных сценариев и стратегий. И новое молодое поколение, которое часто называют цифровым, поколением миллениалов, поколением зумеров, не ориентируется на линейную модель жизненной траектории, в его жизненных практиках доминируют краткосрочные проекты, поскольку долгосрочные воспринимаются как ограничивающие возможности и перспективы жизненной самореализации в современном обществе динамичных перемен.

В целом на жизненную траекторию современной молодежи, как показывают результаты многочисленных исследований, влияет процесс взросления, который характеризуется нелинейностью транзита от юности к зрелости при разнообразии и цикличности жизненных сценариев в различных сферах жизни – образовательной, трудовой, семейной. И в этом процессе немаловажная роль отводится семье как ценности, однако исследований, которые связали бы эти два исследовательских поля – жизненных траекторий молодежи (в образовательной, профессиональной и семейной сферах) в контексте влияния ценности семьи, – не представлено, что определяет эвристический вектор данного ракурса социологического исследования и необходимость определения методологических ориентиров для эмпирических замеров.

В качестве базовых методологических подходов данного исследования выступают положения теории ценностей с акцентом на концепции жизненного мира и ценностной теории Ж. Т. Тощенко, социологические концепции молодежи, раскрывающие ее в роли субъекта общественного развития, теории жизненных траекторий, концепции семьи, позволяющие интерпретировать динамику изменений семьи с акцентом на усилении ее субъектности (Г. Г. Силласте) и объяснить изменение не только семейных ценностей и установок молодежи, но и жизненных траекторий. Методологически важны для осмысления изменений в жизненных траекториях молодежи концептуальные положения и идеи относительно взросления молодежи (отложенное взросление, отложенное родительство, социальная инфантилизация), ее поколенческих особенностей.

Под жизненной траекторией в данном исследовании понимается совокупность этапов и событий, через которые проходит индивид в течение своей жизни под влиянием объективных (окружающая среда с заданными параметрами жизненной самореализации и меняющимся социальным контекстом) и субъективных факторов (личные интересы, возможности, цели, потребности, ресурсы).

В формате выбора между общественными критериями, установками, образцами поведения и личными ориентирами и осуществляется жизненная траектория молодежи в контексте трех основных составляющих – образовательной, профессиональной и семейной.

Исходя из данного определения, под образовательной траекторией понимается совокупность этапов и событий, через которые проходит индивид в течение своей жизни с целью приобретения профессиональных компетенций, навыков и знаний, необходимых для личностной и профессиональной самореализации. Профессиональная траектория рассматривается как совокупность этапов и событий, через которые проходит индивид в течение своей жизни в процессе адаптации на рынке труда и профессий с целью личностной и профессиональной самореализации. Семейная траектория характеризуется как совокупность этапов и событий, через которые проходит индивид в течение своей жизни в процессе обретения и/или изменения семейного статуса[140]. Последний обозначает положение человека в семье или его семейное положение, которое определяется брачным и родительским статусом. Брачный статус связан с типом брачных отношений (например, официально зарегистрированный брак, сожительство, религиозный брак и т. д.) и состоянием в браке (например, состоит в браке, разведен, вдовец), а родительский – с наличием или отсутствием детей (например, многодетная семья, малодетная, бездетная).

В рамках данного исследования основными индикаторами социологического измерения жизненных траекторий молодежи в контексте ценностного влияния семьи выступают: 1) роль семьи (родительской) в выборе и реализации жизненных траекторий молодежью; 2) значимость семьи как смысложизненной ценности в жизненных траекториях молодежи.

Индикаторами второго уровня (более детального характера) являются: самостоятельность выбора образовательной, профессиональной и семейной

[140] Добреньков И. В. Семья и формирование семейных траекторий в представлениях молодежи Ростовской области (по материалам фокус-групп) // Социология. 2026. № 6. С. 48–53.

траекторий молодежью; необходимость и значимость помощи родителей в процессе получения образования, трудоустройства и реализации молодежью семейных стратегий; влияние культурного капитала семьи на выбор и реализацию молодежью жизненной траектории в формате образовательной, профессиональной и семейной траектории; место ценности семьи в структуре жизненно важных ценностей молодежи и ее смысловое наполнение в координатах таких семейных ценностей, как супружество, родительство и родство.

Глава 2. Образовательные, профессиональные и семейные траектории молодежи Ростовской области в контексте меняющейся роли и ценности семьи

2.1. Роль семьи в образовательных и профессиональных траекториях молодежи Ростовской области: факторы изменений

Следуя логике нашего исследования, в котором выделено три ключевых направления в жизненной траектории молодежи, связанных с самореализацией в образовательной, профессиональной и семейной сферах, приступим к анализу, начиная с образовательных траекторий, которые, как было показано нами ранее, самым тесным образом переплетаются с профессиональными, не всегда в линейном порядке, зачастую чередуясь. И это обстоятельство объясняет, почему ученые часто рассматривают образовательные и профессиональные траектории молодежи в единой исследовательской стратегии[141].

В данной части исследования и последующих мы будем опираться как на авторские эмпирические данные, так и на результаты эмпирических исследований других ученых, социологических центров. Многие из исследований мы уже приводили в рамках анализа накопившейся литературы по нашей проблематике, делали определенные выводы, но сейчас снова обратимся к данным, связанным с траекториями молодежи в области образования и профессионализации, предваряя собственный эмпирический анализ.

Исследователи из ВШЭ справедливо отмечают, что типичная образовательно-профессиональная траектория «школа → вуз → работа» уже не является типичной и во многих развитых странах образовательные и профессиональные траектории становится менее последовательными и линейными, а сама образовательно-профессиональная траектория – это

[141] Пронина Е. И. Указ. соч.; Чередниченко Г. А. Занятость молодежи и профессионально-образовательные траектории // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 52–74; Ее же. Молодежь после получения среднего образования...; Ее же. Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты.

извилистый путь со множеством остановок[142]. Всего ими было выделено девять возможных траекторий в зависимости от того, как сменяют друг друга стадии получения образования и состояния на рынке труда: линейная, линейная с совмещением, карьерная, длинная линейная, реверсивная, длинная карьерная, отложенная, прекариальная и транзитная.

Многое изменилось за последние годы в России и, соответственно, в жизни молодежи. Страхи за жизненную самореализацию на фоне эскалации конфликта с западными странами и роста международной напряженности в условиях СВО не могли не сказаться на этой части населения страны. Исследователи отмечают, что указанные события, а также ситуация пандемии коронавируса до них сильно пошатнули убежденность молодежи в том, что ей удастся создать пространство жизненного комфорта и успешной самореализации, что и вызывает страхи и повышенную тревожность, коммуникативную закрытость и политическую отчужденность молодежи[143]. Замыкание на собственном микромире и собственных переживаниях, страхе за родных и близких – естественная реакция на сложные социально-экономические и социально-политические условия, трагические события и ограниченные возможности общественно-политического участия.

Для будущего страны (любой страны) большое значение имеет место и роль молодежи в общественных процессах, в структуре социально-профессиональных отношений. Интерес представляют исследования социологов относительно места и роли молодежи в будущем России, которые потребовали обращения к экспертам по молодежной политике, довольно критически оценивающим такие меры в отношении молодежи, как «усиление курса на патриотическое воспитание, развитие духовных (традиционных) ценностей, правовую социализацию молодежи исключительно в контексте противодействия и профилактики всевозможных внутренних и внешних угроз в отношении политического курса

[142] Мальцева В., Розенфельд Н. Указ. соч.

[143] Шашкова Я. Ю., Казанцев Д. А. Динамика ценностных приоритетов российской молодежи в современных геополитических условиях // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2024. Т. 26, № 2. С. 357–372.

государства», поскольку это не способствует выстраиванию честного диалога с молодежью и тем самым закрывает горизонты будущего[144]. Риторика патриотического воспитания, выстраиваемая преимущественно в формате обращения к Великой отечественной войне, к героической проблематике дня современного, связанного с СВО, не расширяет эти горизонты, а блокирует установки молодежи на активность в гражданской жизни и, соответственно, закрепление ценностей социального участия и активности более широкого спектра, нежели укладывающихся в риторику доминирующего политического дискурса.

Исследователи указывают на ряд факторов, влияющих на жизненные траектории в сфере образования и профессионализации, указывая на внешние (объективные) и внутренние (субъективные), а также на роль семьи и изменение родительских установок, отношения к детности, к детям, к их воспитанию[145]. Именно на этом аспекте, связанном с влиянием семьи в контексте ее ценностного изменения в рамках изучаемой проблемы образовательно-профессиональных траекторий молодежи, мы в основном и сосредоточим свое внимание.

В фокусе нашего внимания окажутся вопросы, связанные с уровнем самостоятельности образовательного и профессионального выбора молодежью, с ролью семьи (родительской семьи) в этих процессах в контексте их ориентационного воздействия, значимостью культурного капитала, семейных традиций и особенностей воспитания. При этом мы будем обращаться к результатам наших авторских эмпирических исследований, полученных в ходе фокус-групповых исследований молодежи (студенческой и работающей) и интервью с экспертами (представляющими органы региональной власти, сферу науки и образования, СМИ и общественные организации), проживающими в Ростовской области.

Влияние семьи на выбор образовательной траектории молодежью может проявляться не только в том, чтобы конкретно выбрать вуз, специальность,

[144] Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Указ. соч. С. 83.
[145] Пронина Е. И. Указ. соч.

связать этот выбор с будущей профессией, материальным достатком. Родители влияют самой своей жизнью, профессиональной деятельностью, отношением к ней. Результаты опроса студенческой молодежи Ростовской области показали, что мечты о том, кем стать, у части участников фокус-группы были непосредственно связаны с профессией одного из родителей, хотя в итоге выбор специальности был сделан иной:

– Я мечтала быть художником, чтоб рисовать, как отец. Он меня вдохновлял (жен., студент СПО, 20 лет).

– Я мечтал в детстве быть врачом, как отец (муж., студент СПО, 22 года).

– Автослесарем, потому что у меня отец был автослесарем. А, ну и шахтером, потому что у меня все были шахтерами (муж., бакалавр, 22 года).

Реальный выбор специальности у респондентов сложился по-иному, но этот выбор большинством родителей участников фокус-группы был поддержан или было проявлено нейтральное отношение. Часть участников фокус-группы была вынуждена прислушаться к мнению родителей при выборе образовательного пути, и, судя по всему, в этом кроется основная причина недовольства выбранной специальностью, разочарования в своем образовательном выборе, а таковых среди участников студенческой фокус-группы оказалось большинство[146]:

– После пятнадцати лет, когда ты не понимаешь, кем ты хочешь стать и куда пойти, ты тянешься за любую возможность, куда можно поступить… Я могла бы пойти на то образование, которое я хотела бы, но в тот момент мне никто не объяснил. В тот момент мне никто не дал шанс того, что ты можешь пойти туда, куда ты хочешь. Вот тебе колледж, куда ты можешь пойти. Выбирай факультет… (жен., студент СПО, 18 лет).

– Вот у меня первая специальность была – это в колледже – информационная безопасность. Я типа думал: «Информационная безопасность, круто звучит!». Какая безопасность? Типа, программирование, все такое. Потом первый курс – то же самое, что в школе… И после первого курса я не

[146] Волков Ю. Г., Добреньков И. В. Роль семьи в образовательных и профессиональных траекториях молодежи Ростовской области // Социология. 2026. № 7. С. 59.

ходил. Какая-то депрессия у меня была… Потом начал зарабатывать в интернете деньги. Потом мать сказала: «Иди в университет». Я пошел в универ. А нужно оно мне? Мне оно не нужно, потому что у меня есть, грубо говоря, уже несколько лет стабильный доход. И как бы это буквально для ее спокойствия сейчас происходит... Я не представляю себе работы, работу по профессии экономиста. Потому что мне это, ну, абсолютно неинтересно (муж., бакалавр, 24 года).

И большинство участников фокус-группы не планирует работать в рамках выбранной специальности, а те, кто все-таки планирует или уже работает, делают это по причине собственного желания, интереса к профессии.

Конечно, можно было бы сказать, что данные одной фокус-группы не являются основанием для выводов о несвоевременности выбора образовательной траектории на этапе окончания школьного образования, о степени самостоятельности этого выбора и последующего разочарования в образовательном выборе, о планах профессионализации, не связанных с получаемой профессией, но релевантность этих исследовательских выводов общероссийским дает право считать их эмпирически значимыми для выводов относительно образовательно-профессиональных траекториях региональной молодежи. Именно образовательно-профессиональных, поскольку на уровне реализации образовательной траектории уже просматривается и логика перехода к профессиональной, для многих не связанной с образовательной в условиях отсутствия страха не найти работу и уверенности в том, что удастся найти нужную для себя работу, лучшие условия для самореализации, пусть и путем экспериментов на рынке труда, т. е. через серию занятостей (к такому выводу пришли эксперты ВЦИОМ в рамках масштабного всероссийского исследования[147]). И в целом жители современной России считают, что молодым специалистам сейчас гораздо легче найти высокооплачиваемую работу (37 %),

[147] Трудоустройство молодежи в современной России: современные возможности, проблемы, решения. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/doklad_trudoustroistvo_molodezhi.pdf (дата обращения: 15.07.2025).

нежели 15–20 лет назад[148]. Но проблема ведь не только и не столько в поиске работы, дефицит которой действительно снизился в условиях динамичного развития сферы услуг. Проблема в отсутствии видения профессионализации и такового желания в рамках получаемой и полученной специальности. Результаты опроса студенческой молодежи Ростовской области, проведенного О. В. Ткаченко, выявили существенный разрыв между ценностью образования как важного условия жизненного успеха (78,4 %) и установкой на профессиональное будущее, связанное с получаемой специальностью (41,2 %), что, по мнению данного исследователя, выступает маркером ценностного конфликта между академической культурной системой, призванной формировать профессиональную идентичность, и реальными поведенческими ориентирами учащихся вузов[149].

В другом эмпирическом исследовании, также проведенном среди студентов вузов Ростовской области, показано, что студенты, в целом удовлетворенные сделанным им профессиональным выбором с преимущественной ориентацией на собственные профессиональные интересы и мнение родителей, не имеют четкого представления о будущей профессии, о составляющем ее трудовом процессе, а в будущей работе прежде всего видят способ достижения материального благополучия[150]. И это, по мнению автора данного исследования, служит источником последующих разочарований в процессе трудоустройства и реализации профессиональной детальности.

Относительно выбора профессии данные по России, по результатам опросов ВЦИОМ, выглядят так: при выборе профессии 40 % ориентируются на личные предпочтения, для 20 % важными являются рекомендации родителей, для 19 % – личный опыт и пример родителей, а для 16 % значение имеет востребованность

[148] Российские студенты: вчера, сегодня… завтра? URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskie-studenty-vchera-segodnja-zavtra.
[149] Ткаченко О. В. Характерные черты и масштаб культурной маргинализации студенчества. С. 44.
[150] Залевская А. А. Выбор профессии в системе формирования профессионально-квалификационного потенциала студенческой молодежи Ростовской области... С. 45.

той или иной профессии в соответствии с регионом проживания[151]. Как видим, в целом данные по изучаемой нами области совпадают с общероссийскими.

Вместе с тем, как показывают общероссийские данные, для подавляющего большинства молодых людей в России (92 %) профессиональная самореализация является важнейшей в жизни, хотя возможности, которые предоставляет для этого регион проживания, оцениваются невысоко, особенно если учесть, что ключевым критерием успешности молодежи выступает уровень дохода – так считает 57 % молодых респондентов, опрошенных в 2022 г. ВЦИОМ, и это коррелирует с данными о том, что привлекательность работы для подавляющего большинства (70 % респондентов в возрасте от 14 до 35 лет) заключается в размере оплаты на фоне снижения важности такого критерия, как интерес к профессии (в 2021 г. – 45 %, а в 2022 г. – 24 %)[152].

Данные нашего фокус-группового исследования в студенческой группе также выявили приоритет материального критерия при выборе работы молодежью, но наряду с этим значимыми оказались и такие индикаторы, как комфортность (с точки зрения коллектива), интерес к работе (в том числе в плане ее общественной значимости), гибкий график, свободное время, чтобы можно было уделять время семье, детям.

В ответах на вопрос о возрасте, в котором молодой человек должен уметь себя обеспечить самостоятельно, без помощи родителей, были зафиксированы некоторые расхождения: нижней границей оказался возраст 22 года, в большинстве ответов – 25 лет, но реальная цифра, которая называлась с точки зрения возможности стать полностью независимым в финансовом плане, – ближе к 30 годам:

– *Базовые потребности, ну, желательно где-то 25. А в целом, ну, дай бог 30* (жен., бакалавр, 23 года).

---

[151] ВЦИОМ: только 10 % россиян при выборе профессии ориентируются на ее престижность. URL: https://senatinform.ru/news/vtsiom_tolko_10_rossiyan_pri_vybore_professii_orientiruyutsya_na_eye_prestizhnost/ (дата обращения: 16.07.2025).

[152] Доходы, семья и карьера: ВЦИОМ и Росмолодежь узнали о новых ценностях российской молодежи. URL: https://fadm.gov.ru/news/65982/?user_lang=ru (дата обращения: 16.07.2025).

– 30 – нормально. В 30 уже стабильный заработок должен быть (муж., бакалавр, 24 года).

– Я хочу сказать, что где-то примерно 26, но именно это как бы хотелось. А так, базовое, ну, прям в любом случае, это лет 30. В любом случае ты прямо финансово стабилен, ты готов ко всему (муж., студент СПО, 21 год).

Свое профессиональное будущее в проекции ближайших лет студенческая молодежь связывает с возможностью заработать (повысить материальный статус), работать при этом полностью на себя («уйти с найма наконец-то») и реализовать свои творческие интенции («написать роман»).

В общении с представителями работающей молодежи, в группе которой возрастной диапазон довольно широким – от 24 до 35 лет, проблема жизненной самореализации, связанной прежде всего с поиском себя в профессиональном поле, также вышла на передний план, что позволяет говорить о том, что и в статусе работающего человека у молодых людей сохраняется в качестве не до конца завершенной ситуация с профессиональной самореализацией, с профессиональным самоопределением, что укладывается в тенденцию позднего взросления, о которой мы писали ранее.

Приведем некоторые из суждений молодежи, подразделяя опрошенных по полу, возрасту, поселенческому признаку (Ростов-на-Дону как областной центр и Ростовская область (РО)) и уровню образования (высшее, среднее профессиональное):

– Ну, самым первым для меня является – это самореализация. Второе – это безопасность, то есть уверенность, так скажем, в будущем. И третьим – уже семья. То есть, тогда я буду уверена, что я смогу построить и дать будущее своим детям (жен., 26 лет, СПО, РО).

– Это самореализация, это найти дело своей жизни и заниматься им. Затем цель, чтобы не нуждаться в чем-то базовом материальном. А, ну третье – дети, семья (жен., 26 лет, в/о, Ростов-на-Дону).

– Ну, наверное, это достичь какой-то безопасной автономности, избавиться от синдрома кочевника, найти свое место. И, наверное, поставить

уже такие видимые рельсы для семьи, действительно, для создания какой-то новой ячейки (муж., 27 лет, СПО, Ростов-на-Дону).

– Для меня в плане приоритетов жизненных целей, наверное, на первом месте – самореализация и развитие. Имеется в виду как личностное развитие, так и развитие в профессиональной сфере. На втором месте, пожалуй, достижение внутреннего счастья и гармонии, и на третьем месте – финансовая стабильность и независимость (муж., 29 лет, в/о, РО).

При наличии семьи планы выстраивались несколько иначе:

– Ну, так как семья у меня есть, главная приоритетная цель – это развитие моей семьи. Второе – воспитание детей, и третье – саморазвитие (жен., 35 лет, СПО, РО).

Логично возникает вопрос о возможностях реализации имеющихся планов молодежи в условиях современной реальности. На чью поддержку в этом процессе больше всего рассчитывает молодежь, если вообще рассчитывает? Какова роль семьи в системе поддержки? И что может помешать реализации планов, которые молодежь выстраивает для себя на ближайшую перспективу? Ответы работающей молодежи, независимо от места проживания (город/село), показали, что расчет делается в основном на собственные силы при достижении жизненных целей и на себя возлагается ответственность в случае неудачи, но и помощь родительской семьи оценивается как немаловажная:

– При их достижении я рассчитываю на себя: думаю, это логично. Но во многом еще на материнскую семью, своей собственной у меня нет (жен., 28 лет, в/о, Ростов-на-Дону).

– Рассчитываю на свои собственные возможности, как минимум из собственного энтузиазма на хороший позитивный прогноз, потому что мне кажется, что решения действительно в любых условиях могут находиться из ниоткуда. На кого могу положиться? Ну, слава богу, меня окружают поразительные люди, начиная от моей матушки, моей семьи, моей дамы сердца, моих коллег, таких же энтузиастов, как и я (муж, 27 лет, СПО, Ростов-на-Дону).

– В принципе в реализации своих целей я могу положиться на себя и на своих родителей. А могу ли я их достичь? Да, могу. Тут больше, конечно, от меня зависит, потому что на мне локус контроля (жен., 33 года, в/о, РО).

В большинстве случаев работающая молодежь считает, что помешать реализации ее жизненных планов может либо сама молодость в соответствии со своими характерными особенностями, либо внешние факторы, связанные с нестабильностью, сложностью приобретения жилья, низкими зарплатами, что может стать препятствием для создания семьи и ее развития.

Связаны ли как-то опасения уже работающей молодежи с процессом самоопределения в профессии? Как проходил выбор профессии и насколько он был связан с ролью семьи, родственников? Ответы работающей молодежи показали, что влияние семьи имело место. В одном случае это преемственность в профессиональной траектории, когда выбор осуществлялся под влиянием профессиональной деятельности кого-то из родственников:

– Ну, в детстве у меня было два выбора профессии. Я хотела быть либо врачом, либо преподавателем в университете. И этому способствовала моя бабушка, которая преподавала в Пермском госуниверситете (жен., 22, в/о, РО).

– Лет в 13–14 я поняла, что хочу связать свою жизнь с педагогикой, как по маминой линии, ну, считай, династия была: мама, бабушка, прабабушка. Вот. Но я не доучилась. Я очень сильно разочаровалась в нашей образовательной системе и ушла (жен., 26 лет, СПО, РО).

В другом случае влияние семьи проявилось в поддержке самостоятельного выбора, даже если семья считала иначе:

– Свое решение поступать на техническое направление я приняла только в одиннадцатом классе. Хотя родители, ну, казалось бы, наоборот, должны поддержать какое-то такое направление техническое, они больше сетовали за то, чтобы я следовала своей мечте, и на этот счет было очень много споров. Здесь я настояла на своем, что я пойду в технический вуз, и потом уже, если получится, как-то реализую себя в творческой сфере (жен., 24 года, СПО, Ростов-на-Дону).

– Надо было определяться, и меня тянуло в два направления: это юриспруденция и туризм... И в итоге, да, я поступила на гостиничное дело, и после этого несколько лет проработала, кстати, в туризме. Ну вот у меня папа настаивал… ну, не то чтобы настаивал, он мне рекомендовал как раз посмотреть на юриспруденцию (жен., 26 лет, в/о, Ростов-на-Дону).

В суждениях молодежи этой категории, так же как и у студенческой молодежи, звучали идеи о том, что профессиональный выбор в 15 лет, когда происходит завершение школьного образования, вряд ли может быть осознанным, серьезным:

– В детстве я мечтала стать писателем. С детства писала много рассказов. Но с выбором пришлось определяться в одиннадцатом классе окончательно, примерно лет в пятнадцать. Ну, как и большинству. Выбор был малоосознанным, потому что это вообще большой вопрос: насколько в таком возрасте наш выбор рационален, а не связан с последним сериалом или фильмом, который мы посмотрели и внезапно загорелись? (жен., 28 лет, в/о, Ростов-на-Дону).

Возможности образовательной самореализации во многом зависят от возможностей семьи, поскольку, какие бы сейчас ни были созданы условия для поступления вне зависимости от места проживания, уровня благосостояния семьи и т. д., само обучение в плане материального поддержания, жизнеобеспечения недоступно молодежи с учетом размера стипендий, возможностей получения общежития. И кто знает, сколько желаний и мечтаний молодых людей постсоветской России было забыто по этой причине. В нашем фокус-групповом исследовании такое откровенное мнение жительницы Ростовской области прозвучало:

– В детстве, по примеру мамы, мечтала стать поваром, а в более сознательном возрасте хотелось стать фармацевтом, но так как семья не владела такими финансами, чтобы отправить меня учиться по данной специальности, я закончила факультет экономики и бухгалтерского учета (жен., 35 лет, СПО, РО).

Иногда давление родителей становится более жестким, а неокрепшие установки в профессиональном самоопределении или их отсутствие при осознании невозможности самостоятельного обеспечения в процессе обучения заставляют подчиниться мнению родителей, их выбору[153]:

– Когда у меня наступил осознанный возраст, наверное, ближе к восемнадцати годам, я хотел стать либо журналистом, либо муниципальным депутатом, чтобы приносить какую-то пользу обществу в нашем городе. Но родители на меня повлияли в плане выбора вуза не в ту сторону, в которую я бы хотел (муж., 29 лет, в/о, РО).

– Меня отправили в колледж родители. Они выбрали, потому что думали, что я там буду работать на той работе, на которой отчим работал, но не сложилось это. Потом попробовал снова образование получить в новой сфере. Полностью прошел за шесть лет, и тоже оказалось бесполезным. В итоге я в какой-то момент, просто внезапное озарение, решил стать программистом удаленно. И, собственно, на этом я уже работаю года четыре (муж., 25 лет, в/о, РО).

Мы видим, как меняются профессиональные траектории молодежи: выбор образования, попытки реализовать себя в профессиональной сфере, смена ориентиров, возвращение к образовательной траектории с целью получить другую специальность, и при этом не всегда есть уверенность в самореализации в рамках новой профессии. Отсюда вопрос о «профессии на всю жизнь» как траектории, характерной для большинства жителей советского государства (а носители ценностей этого периода еще находятся в пространстве современной молодежи – бабушки, дедушки, родители), казалось бы, не имеет смысла, но, тем не менее, мы решили узнать мнение молодежи о данной траектории и получили ответы неоднозначного характера. С одной стороны, молодежь признает, что это хорошо, что важно, но сама не готова к этому по разным причинам. Одна из них связана со страхом ограничить себя от возможного интересного, которое может

[153] Волков Ю. Г., Добреньков И. В. Роль семьи в образовательных и профессиональных траекториях молодежи Ростовской области // Социология. 2026. № 7. С. 60.

встретиться, возникнуть в жизни на каком-то этапе и может помочь раскрыться по-другому, реализоваться:

– Я хочу оставить лично для себя поле для экспериментов в любом, на любом этапе своей жизни (муж., 27 лет, СПО, Ростов-на-Дону).

– Когда я задумываюсь о том, что я буду заниматься всю жизнь одним делом, мне сразу приходит на ум, что мир настолько многогранен и у меня столько параллельных хобби, что в тот или иной отрезок своей жизни, я уверена, буду заниматься разными, собственно, профессиями (жен., 24 года, СПО, Ростов-на-Дону).

Иными словами, сама жизнь предстает для молодежи как эксперимент, как поле возможностей, которые могут возникнуть на любом этапе, и надо быть готовым к встрече с новыми возможностями. И такой алгоритм рассуждений в выстраивании профессиональной траектории характерен в большей степени для молодежи, которая воспитывалась в духе самоопределения в образовании и последующей профессиональной жизни, где семья в воспитании делала акцент на формировании субъектности, признавая право на выбор жизненного пути, поддерживала его даже в случае иного видения будущего своих детей.

Положительное отношение к траектории «профессия на всю жизнь» проявили те участники фокус-группы, чей выбор профессии был связан с родительским (семейным) профессиональным опытом, с их образом, траекторией профессионализации, хотя, возможно, влияние оказала и сама профессия, имеющая возможность постоянного саморазвития:

– Ну, вот, для меня все-таки профессия одна на всю жизнь. Возможно, если бы я пошла по-другому пути… Возможно, я бы говорила иначе. Но, находясь вот на той должности, в том месте, в том университете, в том институте, в котором я, – да, она одна на всю жизнь (жен., 33 года, в/о, РО).

– Ну, я все-таки, наверное, придерживаюсь концепции профессии на всю жизнь, потому что, ну, наверное, это идет с детства. И мои родители как бы – мой пример. Всю жизнь занимаются одним делом (жен., 26 лет, в/о, Ростов-на-Дону).

Промежуточные позиции также присутствовали в ответах молодежи:

– На данный момент я работаю по специальности, мне моя работа очень нравится. Но я не исключаю такого момента, что может наступить такое время, когда я захочу заниматься чем-то другим (жен., 35 лет, СПО, РО).

– Сменю ли я прямо деятельность? Наверное, я считаю, что это тоже нормально, но просто важно понимать, с чем это может быть связано. То есть, значит, это ты настолько выгорел в своей профессии? (жен., 26 лет, СПО, РО).

Молодежь находится в поиске рецепта профессионального успеха как важной составляющей жизненного успеха, и при этом у нее складывается понимание того, что какого-то однозначного и четко гарантированного пути нет. Современность предоставляет возможности комбинировать, сочетать, «переигрывать» те или иные сюжеты, этапы жизни:

– Есть же стратегия комбинаторики, собственно, в профессиональной или семейной сферах. Я знаю, что очень успешные люди в первую очередь умеют применять навыки и особенности тех или иных профессий в других профессиях, комбинировать подходы. Обращаясь к видеоиграм, мы можем выбрать класс персонажа, можем выбрать определенные навыки, там, скиллы. Кто-то хочет быть магом, кто-то хочет быть воином. Но каждому хотелось бы перепройти, допустим, игру за другой класс. При этом игра не удаляется. То есть мы ее не меняем (муж., 27 лет, СПО, Ростов-на-Дону).

При таком восприятии профессиональной траектории как неограниченной одной жесткой колеей, какими-то стандартами, сложившимися в обществе, рамками (временными), логично, что молодежь и основную степень ответственности возлагает на себя в выборе и реализации профессиональных траекторий, рассчитывает на собственные силы, даже с учетом того, что на этапе образовательной траектории значительное влияние оказывает семья (явно или неявно):

– При выборе работы всегда рассчитывала только на себя. То есть выбор делала сама, искала сама, сама находила, устраивалась. Без чьей-либо помощи (жен., 35 лет, СПО, РО).

– При трудоустройстве тоже не рассчитывала на помощь знакомых или родителей. Но думаю ли я, что это необходимо, чтобы получить более высокую, престижную должность? Думаю, нет. Но, возможно, для того чтобы сделать это быстрее? Думаю, да (жен., 28 лет, в/о, Ростов-на-Дону).

– При трудоустройстве нужно в первую очередь рассчитывать на свои силы, а не на помощь друзей, близких, знакомых и так далее (муж., 29 лет, в/о, РО).

Вместе с тем в молодежной среде сложилось восприятие профессионально-трудовой сферы как той, в которой далеко не всегда можно успешно трудоустроиться без чьей-либо помощи. И к этой помощи молодежи, принявшей участие в фокус-групповом исследовании, приходилось обращаться:

– Ну, я уже в самом начале своей карьеры, когда только закончил учиться, обращался к разным людям, в том числе с мамой, с помощью мамы устроился на работу. Но сейчас я фрилансер уже много лет и рассчитываю полностью только на себя и, соответственно, на сарафанное радио (муж., 25 лет, в/о, РО).

– Можно ли самостоятельно сделать карьеру? Я думаю, что это дело случая… без связи и помощи посторонних (жен., 33 года, в/о, РО).

– Отвечая на вопрос, можно ли найти достойную работу в рамках рынка труда без знакомств и так далее, мой ответ: из, наверное, сотни кейсов, наверное, отрицательный. Потому что на данном этапе развития, может быть, рынков в нашей стране, рынок труда мертв (муж., 27, СПО., Ростов-на-Дону).

Относительно своего профессионального будущего мнения у молодежи разделились: одни видят себя там же, где уже работают, но с возможностью смены места работы, направления профессиональной деятельности; другие вообще пока не видят четко своего профессионального будущего, а кто-то нуждается в получении дополнительного образования:

– Через пять лет я представляю себя квалифицированным специалистом, к сожалению, пока что не представляю, в какой сфере. Мне бы, наверное, хотелось бы получить новое образование, но я пока не определился с направлением (муж., 29 лет, в/о, РО).

Перейдем к мнениям экспертов, так как чрезвычайно важно понять, какое понимание ситуации вхождения во взрослый мир молодежи сложилось на уровне не просто взрослого мира, но мира, от которого во многом зависит жизненный успех молодежи, т. е. у работников органов региональной власти, системы образования, общественных организаций, СМИ.

Мы выяснили, что молодежь хотя и стремится к самостоятельности, в значительной степени зависит от семьи, и ее начальные шаги, в частности в сфере образования, во многом связаны с влиянием родительской семьи. Должна ли семья помогать молодежи и в чем проявляется ее влияние в выборе образовательных и профессиональных стратегий?

Прежде всего, конечно, хотелось бы отметить, что, согласно мнению экспертов, молодежь современной России попала в ситуацию, когда ее возраст вступления во взрослую жизнь (образовательную, профессиональную) не всегда совпадает с возможностью и желанием самостоятельно, без помощи родителей, идти по жизненному пути. И хотя с наступлением совершеннолетия такая возможность у нее, казалось бы, должна быть, семья продолжает помогать своим детям и должна это делать, судя по ответам экспертов, до момента получения образования, после чего, как полагает большинство экспертов, молодой человек должен уметь жить самостоятельно:

– Ну, вот, вы знаете, в классическом понимании, когда человек достигает совершеннолетия, то, собственно, он уже сам… Но мы ведь прекрасно понимаем, что в восемнадцать лет человек еще не имеет профессии... А родители, естественно, помогают встать своим детям на ноги, даже тогда, когда они достигли совершеннолетия (информант 1).

– Человек получил образование, у него есть диплом, он специалист в какой-то области. После этого он сразу должен переходить на самообеспечение (информант 2).

– К двадцати пяти годам они должны уже полностью быть самостоятельными (информант 3).

– Двадцать шесть, двадцать семь лет. То есть, когда уже после этого стыдно, собственно, у родителей просить. Когда ты в принципе уже закончил, получил образование, когда ты нашел работу (информант 5).

– Никто из родителей, как мне представляется, не хочет бросить свое чадо на полпути… Очевидно, после получения образования молодой человек должен сам идти дальше, не ждать помощи семьи, но в условиях российских реалий эта идеальная конструкция работает не всегда (информант 8).

Эксперты единодушно полагают, что семья должна помочь на начальном этапе жизненной самореализации, в частности в сфере образования:

– Думаю, что первоначальное образование, то есть образование после школы, которое дается, которое выбрал для себя в качестве профессионального... Это, конечно, должны помогать родители, родственники (информант 2).

– Ну и, конечно, в этот период, когда дети учатся, все равно их, как правило, содержат родители. Поэтому, конечно, поддержка семьи, близких, родителей – это очень важно (информант 1).

– Молодежь может реализовываться, но опять же, без начальной поддержки реализоваться не получится. Есть, конечно, примеры, где у молодежи это получается, и без поддержки они показывают свою самостоятельность. Но у большинства все же без помощи родителей не получается (информант 4).

– Ну, наверное, в свете современного общества и в принципе у меня такое восприятие, конечно, помощь в образовании от семьи в большей степени нужна (информант 5).

– Семья помогать не должна лет после восемнадцати, двадцати, но помогает. Помогают родители. Без них, хотя бы без минимальной материальной помощи, не могут дети реализоваться в образовании (информант 6).

Но многое, по мнению экспертов, зависит и от самой семьи, уровня ее материального благополучия:

– Уровень материального достатка в каждой семье разный. Вот, у кого-то родители могут помочь получить очное образование, чтобы не переводиться студенту на заочное отделение, с тем чтобы работать и вносить вклад в семейный бюджет (информант 1).

Семья, по мнению экспертов, продолжает оказывать влияние на образовательные траектории молодежи:

– Какие-то основы все-таки закладываются в семье, потому что, ну, как правило, в рабочих семьях все-таки дети выбирают также рабочие профессии. Это крайне редко, когда из рабочих семей, допустим, которые занимались сельским хозяйством, вдруг дети становятся научными сотрудниками (информант 1).

И более того, к мнению семьи, как считают эксперты, стоит прислушаться:

– К семье, наверное, все-таки стоит прислушиваться, потому что, ну, во-первых, это более взрослые люди, состоявшиеся люди. Люди, которые понимают, немного больше понимают на рынке профессий, что востребовано, что не востребовано» (информант 2).

Итак, по мнению большинства экспертов, семья должна (вынуждена) помогать молодежи на этапе реализации ею образовательной траектории, обретения профессии, а дальше молодежь должна уметь сама продолжать жизненный путь.

Логично возникает вопрос о том, созданы ли условия для образовательной самореализации молодежи в изучаемом регионе, т. е. в Ростовской области? Ведь если условия созданы, получается, помощь не нужна. Ответы экспертов позволили выявить спектр проблем, с которыми сталкивается молодежь в Ростовской области и, соответственно, нуждается в помощи со стороны родных:

– Для молодежи региона ключевой проблемой является разрыв между мизерной стипендией и стоимостью проезда. Стипендия не покрывает даже транспортных расходов (не говоря уже о питании, проживании и т. д.). Это вынуждает студентов работать вместо учебы, пропускать занятия и бросать обучение. Стабильно и уверенно себя чувствуют только те студенты, которых полностью обеспечивают родители (информант 9).

– Стипендия далеко не готова компенсировать все эти расходы, которые студент должен производить в процессе обучения. И плюс, если человек будет совмещать работу с учебой, то, скорее всего, это как бы получится плохо и то, и другое (информант 2).

– Я считаю, что у родителей есть святая обязанность – это дать ребенку базовый старт. Образование – это лучший капитал, который мы можем передать детям. Родить ребенка и в 18 лет выставить его за дверь со словами «Я тебя выкормила, дальше сам», ну это, на мой взгляд, родительская безответственность, особенно в наших сегодняшних экономических реалиях (информант 7).

– Часто к окончанию школы молодежь не представляет, кем хотела бы быть, где работать и где учиться. Родители помогают. Помогают здесь и, соответственно, потом, во время обучения – общежитие не всем удается получить, если иногородний студент, да и жить потом на что-то надо. Вот в советское время на стипендию студент мог (хорошо или не очень) прожить без помощи семьи, не умереть с голода (информант 8).

Выходит, что в Ростовской области условия для образовательной самореализации молодежи на самостоятельном уровне не созданы, если не считать заочного образования:

– У нас есть великолепный проект, который перешел к нам с советского периода, – это заочное образование. Если у человека нет, у родственников нет возможности помогать ему образовываться, то что же мешает ему поступить на заочное образование и получать его и работать? (информант 2).

Однако, во-первых, не по всем направлениям имеется заочная форма образования, а во-вторых, качественное образование все-таки в большей степени связывается с очной формой обучения.

Отмечают эксперты и проблему неравенства в образовании:

– Высшее образование в России формально доступно всем, но на практике это большая такая нагрузка на семейный бюджет, особенно в сельской местности, где уровень доходов объективно ниже, чем в больших городах. Если на бюджет пройти не удалось, то оплачивать обучение по нынешним ценам, а это часто по 100 тысяч в год, рядовая семья в районе просто не может. В итоге способные ребята вынуждены отказываться от своей мечты и выбирать образование попроще, поближе к дому... Ребенок из Семикаракорска изначально находится в менее выгодных условиях, чем ребенок из Ростова-на-Дону (информант 7).

И в этой ситуации без помощи семьи не обойтись:

– Поддержка семьи – это самый главный, ключевой фактор. Без нее молодой человек из провинции просто не стартует… Самостоятельно, вообще без помощи семьи, реализовать серьезные образовательные планы нашей молодежи в районе сейчас запредельно трудно (информант 7).

В целом сложилось мнение, что само образование является доступным для молодежи Ростовской области, где, по мнению экспертов, есть большое количество образовательных организаций, филиалов, направлений образования, образовательных стипендий, грантов на образовательные цели, образовательных кредитов под маленький процент, система онлайн-образования (информант 5); создана сильная образовательная инфраструктура: ЮФУ, ДГТУ, РГУПС, РИНХ, медицинский университет, множество других образовательных учреждений. Проблема, по мнению экспертов, носит информационный характер:

– Молодые люди зачастую просто не знают о существующих возможностях. Именно поэтому мы ведем каналы, проводим мероприятия, ходим в школы и вузы, чтобы молодежь знала, что государство рядом, что

возможности есть… Можно еще со школы гранты выигрывать, обучение бесплатное. Есть, есть такие конкурсы (информант 17).

Также проблемы возникают на уровне реализации образовательной траектории в плане финансового обеспечения жизни в этот период – молодежь сама не в состоянии это сделать без помощи семьи:

– В Ростовской области есть целевое обучение, есть приоритет при поступлении для отдельных групп. Однако центральная проблема сохраняется: пока не решены базовые вопросы – стипендия, проезд и т. д.» (информант 9).

Эксперты признают, что очень важна помощь со стороны государства:

– Если семья дает ресурсы и уверенность, то государство должно дать инструменты и гарантии (информант 9).

Неплохим подспорьем сейчас, как полагают эксперты, являются такие программы, как «Земский доктор» и «Земский учитель», а также льготная сельская ипотека для тех, кто хочется остаться в селах и маленьких городах (информант 7). Есть проект «Молодежная станица “Дон”», которая дает бесплатные «скиллы», призванные повышать конкурентоспособность на рынке труд, но, как полагают все эксперты, полностью обойтись без семейного тыла для большинства студенчества по-прежнему сложно, поскольку система выстроена таким образом, что в ней невозможно существовать без ресурсной поддержки семьи.

Действительно, стоит отметить прилагаемые на уровне региональной власти усилия в области поддержки молодых специалистов, хотя глобально эти меры не решают проблемы кадрового дефицита в таких ключевых профессиональных сферах, как медицина и образование. Так, согласно официальным данным, с 2020 по 2025 г. в программе «Земский учитель» приняло участие 150 учителей с соответствующей единовременной компенсационной выплатой (1 млн руб.), а в рамках программам «Земский доктор» и «Земский фельдшер» в сельской

местности и малых городах области начиная с 2012 г. были трудоустроены 1611 медицинских работников[154].

Отметили эксперты также проблему выбора профессии как основы последующей проблемы профессионализации:

– Дети идут получать образование, изначально ошибаясь с направлением, выбирают неправильно, а потом, конечно, и работать в этом не хотят. Нужно бы им как-то помогать, чтобы они не наобум поступали, а с пониманием, что им и для чего нужно (информант 6).

Иными ловами, речь идет о профориентации. Системный подход к ее решению сегодня отсутствует, и помощь семьи здесь также важна, с точки зрения экспертов:

– Тут и родители должны бы направлять, они ведь лучше всех знают своих детей. И многие так и делают (информант 6).

Проблема профориентации школьной молодежи в контексте ее будущей профессионализации актуальная для всей России. И хотя пока рано подводить итоги, но стоит отметить, что с 2023 г. в стране, в том числе в Ростовской области, в рамках национального проекта «Молодежь и дети» реализуется федеральный проект «Профессионалитет». Среди учащихся 6–11-х классов на основе единой модели профориентации проводятся профориентационные мероприятия, направленные на формирование осознанного и успешного профессионального выбора. Ростовская область по доле систематически вовлеченных в эти мероприятия школьников занимает лидирующие позиции в РФ, по итогам 2025 г. достигнув целевого показателя охвата в 100 %, а профориентационную диагностику за указанный год прошли 128 425

[154] О реализации программ «Земский учитель», «Земский доктор», «Земский фельдшер», «Земский работник культуры» и «Земский тренер» в Ростовской области и обеспечении оказания дополнительных мер поддержки, в том числе адресных, участникам таких программ, включая обеспечение приезжающих специалистов служебным жильем. URL: https://www.donland.ru/result-report/2740/ (дата обращения: 20.05.2026).

обучающихся[155]. В области функционирует также центр опережающей профессиональной подготовки в рамках федерального проекта «Молодые профессионалы», ориентированный на повышение конкурентоспособности профессионального образования (согласно данным мониторинга, проводившегося в 2025 г., доля выпускников, получивших профессиональное образование в Ростовской области, составила 81 %[156], а также реализуется региональная межведомственная программа «Поддержка молодых специалистов и работающей молодежи в Ростовской области на 2022–2030 годы»[157].

В Ростовской области с 2020 г. реализуется государственная программа «Молодежная политика и социальная активность», в рамках которой осуществляется комплекс мероприятий по поддержке молодежи, проводятся региональные конкурсы с последующим вознаграждением в виде премий (конкурс молодежных проектов, конкурс «Ты – инноватор», конкурс «Лучший студенческий отряд Ростовской области» и др.). Охват молодежной аудитории по различным конкурсам в 2025 г. составил порядка 179 тыс. человек[158].

В отношении условий для самостоятельной профессиональной самореализации молодежи в Ростовской области позиции экспертов разделились: одни считают, что в целом они сложились и молодежь должна сама двигаться в этом направлении дальше (так считают в большинстве своем представители органов региональной власти):

– У нас есть государственная служба занятости, к которой можно обратиться, которая подбирает специальности в соответствии с твоим образованием. Ну, пользуются ли этими возможностями современные

[155] О единой модели профориентации школьников: достижение целевого показателя федерального проекта «Профессионалитет». URL: https://www.donland.ru/result-report/2717/ (дата обращения: 20.05.2026).

[156] О создании и функционировании центра опережающей профессиональной подготовки в Ростовской области. URL: https://www.donland.ru/documents/1992/ (дата обращения: 20.05.2026).

[157] Региональная межведомственная программа «Поддержка молодых специалистов и работающей молодежи в Ростовской области на 2022–2030 годы». URL: https://www.donland.ru/activity/2774/ (дата обращения: 20.05.2026).

[158] Отчет о реализации государственной программы Ростовской области «Молодежная политика и социальная активность» за 2025 год. URL: https://www.donland.ru/result-report/2838/ (дата обращения: 20.05.2026).

выпускники вуза – вот это большой вопрос. Готова ли молодежь начинать с низкой заработной платы, чтобы впоследствии улучшать ее, как-то совершенствоваться, или готовы сразу идти куда-то в коммерческий сектор и забыть о том, что получали такую профессию? (информант 2).

– Человек должен сам понять, чего он хочет и как он готов себя реализовать. Если человек вышел из института, ждет, что его придут и возьмут на работу, то такого, конечно, никогда не будет (информант 5).

Оценивая ситуацию в области профессиональной самореализации молодежи в данном регионе, эксперты отмечают разнообразные возможности, которые сегодня предлагаются в качестве помощи со стороны государства:

– Есть всевозможные гранты, есть социальный контракт. Если у тебя нет денег на свое дело, то тебе может дать на это государство деньги. Для открытия ИП триста тысяч. У тебя есть очень много государственных сервисов, которые тебе помогут вести бухгалтерию. Есть интернет-банкинг, который тебе все твои доходы учтет (информант 5).

– Сейчас же все онлайн, есть сервисы по поиску работы и стажировок. Например, портал «Работа России», там очень много хороших вакансий. А удаленная работа – это вообще спасение для нашей районной молодежи. Парень или девушка из Семикаракорска, имея только компьютер и интернет, могут самостоятельно освоить профессию и работать на компании по всей России (информант 7).

Тем не менее эксперты с пониманием относятся к проблеме профессиональной самореализации молодежи, связывая ее не столько с нежеланием работать по специальности, сколько с самой реальностью, в которой молодым специалистам не так просто адаптироваться в профессиональном плане:

– Государство вкладывается в образование, причем деньги там немалые, я вас уверяю, а они, в смысле молодежь, потом по специальности не работают. Потому что это, ну, как сказать… Зарплаты… Ведь дети же не просто так учатся по четыре года. Наверное, и нравится многим их специальность. Только вот кто больше заработает: учитель или доставщик пиццы? (информант 6).

– И еще проблему вижу в низком престиже рабочих и аграрных профессий, хотя они неплохо получают, между прочим. Нашему району позарез нужны агрономы, инженеры-механизаторы, технологи, квалифицированные сварщики и электрики. И наши крупные хозяйства готовы платить им очень хорошие деньги, порой выше, чем какой-нибудь менеджер получает в Ростове. А родители, которые пережили тяжелые времена сами и решили, что без высшего образования никуда, стереотип этот и детям прививают. А наши молодые люди в итоге бьются за вакансии официантов (информант 7).

В целом можно выделить ряд проблем, связанных с профессиональной самореализацией молодежи в Ростовской области, которые были озвучены в разговоре с экспертами[159]:

– дефицит мест для приема на работу по специальности всех желающих;

– крайне низкая оплата труда молодых специалистов по целому ряду специальностей на начальном этапе (в частности, в системе образования), что ориентирует молодежь на поиск работы порой в совершенно противоположных полученному образованию профессиональных сферах, и это приводит к депрофессионализации;

– структурный дисбаланс рынка труда в регионе: выпускники массово получают профессии, которые не востребованы экономикой региона, а вакансии, которые есть, не привлекают молодежь из-за низкой оплаты или тяжелых условий, в результате чего регион охватывает очередная волна утечки мозгов (в частности, выпускники инженерных и IT-специальностей уезжают в Москву, Санкт-Петербург или зарубежье (релокация), где зарплаты в три и более раз выше, чем в регионе);

– требования к опыту работы: большинство вакансий для молодежи требуют опыт работы от одного года, и выпускник, не имеющий этого опыта работы по специальности, вынужден идти работать вне полученной специальности;

[159] Волков Ю. Г., Добреньков И. В. Роль семьи в образовательных и профессиональных траекториях молодежи Ростовской области // Социология. 2026. № 7. С. 64.

– низкий уровень информированности молодежи о реальном рынке труда, уровне зарплат, требованиях к той или иной профессиональной должности, карьерных траекториях;

– неравенство возможностей, изначально формируемое на уровне разных стартовых возможностей молодежи с учетом разного уровня благополучия семьи, которая может или не может позволить себе обучение ребенка в хорошей школе, репетиторов для подготовки к поступлению в престижные вузы (*И ребенок из семьи с достатком, и ребенок из обычной ростовской семьи, где оба родителя работают за среднюю зарплату, выходят на ЕГЭ с абсолютно разными шансами. Это системная несправедливость, но в регионах она, конечно, сильно заметнее, чем в Москве или Питере… И здесь вся жизнь ребенка зависит от семьи. От того, насколько она готова работать на ребенка, на его репетиторов, на его учебу. Государство тут никак не помогает* (информант 18)).

Один из экспертов обратил внимание на такую проблему, как завышенные ожидания молодежи при «нулевом» опыте:

– *Приходит выпускник и хочет сразу хорошую зарплату, удаленную работу, два выходных и «без стресса». И в целом не боятся они увольняться, начинать заново, искать себя, ну и так далее и тому подобное. В каком-то смысле это и неплохо, конечно, а в каком-то смысле как раз вот такая смена ценностей – это нехорошо. Это приводит к тому, что на одном месте не задерживаются они* (информант 20).

Стоит ли винить молодежь в этом? Зарплата начинающих специалистов крайне невысокая (за исключением отдельных сфер, например в области программирования), жить на нее самостоятельно сложно, особенно если нет своего жилья, а потому и на этапе профессионального становления молодежь еще зачастую нуждается в семейной поддержке:

– *Семья на первых порах должна помогать и в профессиональной реализации. Это, в сущности, прямая родительская функция – подготовить*

ребенка к самостоятельной взрослой жизни, в том числе и в профессиональном плане (информант 9).

Исследование проблемы профессиональной самореализации молодежи Ростовской области, проведенное А. А. Залевской методом опроса экспертов (работодателей, n = 23), выявило в качестве проблемы неудовлетворенность вузовской подготовкой молодых специалистов на уровне формирования теоретических и практических навыков, актуальности полученных знаний и умений в реальной профессиональной ситуации и умения применять полученные знания в процессе трудовой деятельности, что свидетельствует, по мнению респондентов, о несоответствии современных образовательных программ высших учебных заведений современным реалиям рынка труда и запросам работодателей в сложившейся экономической ситуации[160]. К этому выводу пришли также эксперты ВЦИОМ, опросившие работодателей, в своем большинстве указавших на тот факт, что вузы не могут соответствовать стремительным изменениям в Индустрии 4.0 и от них сегодня требуется сформировать у выпускников базовые знания и «научить учиться», с тем чтобы дальше они могли продолжать свою образовательную траекторию в формате «образование на протяжении всей жизни»[161].

К интересным и важным выводам относительно перспектив профессиональной самореализации выпускников российских вузов пришли Л. В. Темнова и А. А. Киричек, опросившие выпускников разных лет 32 российских вузов (всего 252 респондента) естественнонаучных и гуманитарных направлений подготовки. Ими было доказано, что наиболее востребованными и, соответственно, успешными на рынке труда являются выпускники естественнонаучных факультетов российских вузов; они же и в большей степени планируют работать по специальности, полученной в вузе, способны на более

[160] Залевская А. А. Профессионально-квалификационный потенциал молодежи Ростовской области в оценках работодателей (по материалам экспертного опроса) // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Сер. Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 4. С. 45–52.

[161] Трудоустройство молодежи в современной России: современные возможности, проблемы, решения. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/doklad_trudoustroistvo_molodezhi.pdf (дата обращения: 15.07.2025).

отдаленный горизонт планирования в профессиональной сфере (67,9 % против 32,1 % соответственно); для выпускников гуманитарных направлений более значимой ценностью по сравнению с ценностью карьерного роста, профессиональной самореализации выступает ценность гармонии личной жизни и карьеры, а также более значимы для них ценности общественного признания и эмоционального здоровья; их карьерные ориентации более дифференцированы, что естественно в условиях менее гарантированных установок на трудоустройство и успешную профессиональную самореализацию[162].

Одной из тенденций общероссийского характера, которая находит отражение и в реалиях Ростовской области, является увеличивающийся спрос на среднее профессиональное образование, однако, как показывают результаты эмпирических исследований, проведенных как среди самой молодежи России, так и среди экспертов, этот выбор в пользу СПО зачастую оказывается вынужденным[163], что подтверждает приведенные выше результаты наших эмпирических исследований о неравенстве в образовании с точки зрения возможностей реализации образовательных потребностей молодежи, желающей и достойной обучаться в вузах. Это неравенство затем проявляется в неравенстве возможностей профессиональной самореализации на рынке труда.

Таким образом, на образовательно-профессиональные траектории молодежи Ростовской области влияют факторы поселенческого характера как формирующие определенную степень неравенства возможностей для городской и сельской молодежи, а также экономического, связанные с невысокой оплатой труда молодых специалистов по целому ряду профессий. Центральным вопросом выступает вопрос выбора образовательной траектории и ее конвертации в профессиональную. На него оказывает влияние факт возраста, в котором, по мнению и самой молодежи, и экспертов, сложно сделать осознанный и верный выбор профессии, а также изменение отношения к самой системе

[162] Темнова Л. В., Киричек А. А. Указ. соч.

[163] Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Указ. соч.; Мальцева В. А., Сальникова И. Е., Шабалин А. И. Вместо университета – в колледж: что приводит успевающих одиннадцатиклассников в СПО? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 45–66.

профессионализации, уже не ассоциирующейся в обязательном порядке с одной профессией на всю жизнь, что снижает сверхзначимость профессионального выбора на этапе самоопределения в период окончания школьного образования, при закреплении нелинейной образовательно-профессиональной траектории и в то же время повышенной ценности и значимости непрерывного образования, возможности которого достаточно широко представлены сегодня, в том числе за счет развитой системы онлайн-образования (различные курсы повышения квалификации, профессиональной переподготовки и т. д.).

Основная нагрузка в процессе выбора и реализации образовательно-профессиональных траекторий молодежи ложится на семью, стартовые возможности которой определяют образовательный старт молодежи и ее перспективы в дальнейшей жизненной самореализации. Зачастую семья (родители) берет на себя ответственность за формирование образовательной и профессиональной траектории молодежи, отталкиваясь от сложившихся стереотипов (в отношении высшего образования, рынка труда и престижных профессий, возможностей достижения жизненного успеха, материального благосостояниях), но не всегда хорошо понимая реальную конъюнктуру на рынке труда и профессий. Дальнейшая корректировка образовательно-профессиональной траектории молодежью, поиск себя в профессиональном мире – закономерный процесс в такой ситуации, но на это уходит время, что и способствует в том числе закреплению тенденции отложенного взросления в молодежной среде.

Таким образом, на уровне сознания молодежи и самого общества, как показали данные эмпирических замеров, сформировалось устойчивое восприятие семьи как ответственной за выбор и реализацию образовательно-профессиональной траектории молодежью в условиях отсутствия эффективной системы государственной социальной поддержки молодежи на этапе перехода к самостоятельной жизни в рамках образовательной и профессиональной деятельности. Однако поддержка семьи далеко не всегда оказывается полезной, а порой и негативно влияет на эффективность жизненной самореализации

молодежи в образовательной и профессиональной сферах по причине недостаточной информированности об актуальных тенденциях развитии рынка труда и профессии.

2.2. Семейные траектории молодежи Ростовской области: особенности формирования и проблемы реализации

В данной части мы перейдем к анализу семейных траекторий молодежи Ростовской области, обратившись к данным наших авторских исследований, а также других исследователей, разрабатывавших семейную проблематику в контексте выбора и реализации семейных стратегий молодежью данного региона, а также России в целом.

Материалы фокус-групп, проведенных среди студентов и работающей молодежи, указывают на существенную трансформацию отношения молодых людей к институту семьи. Судя по высказываниям респондентов, семья перестала восприниматься как безусловный центр жизненного пути и все чаще рассматривается как один из возможных вариантов самореализации наряду с карьерой, личностным ростом, финансовой независимостью и психологическим благополучием. При этом семья не утрачивает ценностного значения полностью, однако меняется характер ее восприятия: из нормативно предписанной обязанности она превращается в сферу индивидуального выбора, требующую эмоциональной, материальной и психологической готовности. Эта ситуация, с нашей точки зрения, не имеет ярко выраженной гендерной окраски, что дальше и будет продемонстрировано по итогам анализа наших эмпирических данных, но следует обратить внимание на значительные изменения в семейных ценностях и траекториях у молодых женщин России в возрастной в динамике, которые были прослежены Л. А. Грицай на основании анализа мемуарных источников XX в. и итогов анкетного опроса молодых женщин (до 25 лет): ослабление традиционного социального контроля, согласно ее выводам, привело к смещению приоритетов от семейных траекторий самореализации, которые сохраняют значимость, к траекториям личностной самореализации в иных сферах жизни; при этом

общественное мнение как социальный регулятор и значимый фактор принятия решений относительно жизненной траектории значимо теперь лишь для 14,6 % опрошенных (67,4 % опрошенных при принятии жизненно важных решений отталкиваются от собственных убеждений, потребностей, установок, демонстрируя независимость суждений и действий от внешнего мнения). Приоритетными жизненными ценностями для опрошенных Л. А. Грицай женщин стали саморазвитие (61,2 %), интересная работа (56,4 %), внутренняя гармония (48,2 %), а семья заняла лишь следующую позицию (38 %). Создание семьи для них предстает в качестве возможного жизненного этапа при условии сохранения возможности самореализации в профессиональной сфере, личностного развития[164].

Обратимся к результатам фокус-групп в студенческой группе молодежи и в группе работающей молодежи Ростовской области. Уже на этапе обсуждения базовых жизненных ценностей между этими группами фиксируются различия. В ответах студентов чаще встречаются категории, связанные с индивидуальной самореализацией, профессиональным развитием и материальным благополучием:

– *Справедливость* (муж., студент СПО, 22 года).

– *Честность и ответственность* (муж., бакалавр, 22 года).

– *Деньги* (муж., бакалавр, 24 года).

– *Свобода* (муж., бакалавр, 20 лет).

– *Саморазвитие* (муж., аспирант, 25 лет).

Семья в этих ответах либо не упоминается вовсе, либо появляется в связке с другими ценностями, не занимая первого места. Это свидетельствует не об отрицании семьи, а о ее смещении на периферию ценностного горизонта студенческой молодежи в период, когда на первый план выходят задачи профессионального и личностного становления:

– *Честность, семья и любовь* (жен., студент СПО, 18 лет).

[164] Грицай Л. А. Указ. соч. С. 44.

– Для меня, наверное, самопознание как раз через все эти сферы: и друзья, и семья… (жен., бакалавр, 23 года).

Среди работающей молодежи картина иная, семья называется в числе главных ценностей большинством участников и нередко стоит на первом месте:

– Ну, для меня самыми главными ценностями в жизни являются, конечно, семья, здоровье, мир и знания (жен., в/о, 33 года, РО).

– Для меня самыми важными ценностями в жизни являются семья, доброта, сострадание, верность (жен., СПО, 35 лет, РО).

– Для меня самыми важными ценностями являются свобода, семья и здоровье (муж., в/о, 29 лет, РО).

Исходя из этого, можно заключить, что различие между группами состоит не в отношении к семье как таковой, а в ее месте в иерархии ценностей: для работающей молодежи семья – одна из центральных ценностей, для студентов – значимая, но конкурирующая с другими приоритетами. Это различие обусловлено прежде всего жизненным этапом, так как студенты находятся в фазе активного поиска идентичности и профессионального становления, тогда как работающая молодежь в большей степени ориентирована на стабилизацию и обустройство жизни.

Образ идеальной семьи, конструируемый молодежью, демонстрирует сочетание традиционных и партнерских представлений о семейных отношениях. Под традиционной моделью здесь понимается восприятие семьи прежде всего как пространства эмоциональной близости, безусловного принятия и взаимной заботы; под партнерской – модель, в которой акцент делается на совпадении жизненных целей, распределении ответственности, уважении к личным границам и способности к совместному планированию[165].

При обсуждении идеальной семьи в ответах примерно половины студентов сохраняется высокая значимость эмоциональной составляющей:

[165] Добреньков И. В. Семья и формирование семейных траекторий в представлениях молодежи Ростовской области (по материалам фокус-групп) // Социология. 2026. № 6. С. 48–53.

– *Знать, что тебя любят не за то, что ты делаешь, а за то, кто ты есть, кем ты являешься* (жен., студент СПО, 18 лет).

– *Счастье, любовь* (муж., бакалавр, 22 года).

– *Любовь, тепло* (муж., студент СПО, 22 года).

Среди работающей молодежи рассуждения о семье как о пространстве эмоциональной устойчивости и поддержки звучат значительно чаще и более развернуты:

– *Семья – это про принятие, семья – это про взаимопомощь, семья – это про доверие* (жен., СПО, 26 лет, РО).

– *При слове «семья» у меня возникает ассоциация… это дом, счастье, дети, любовь, поддержка, забота* (жен., СПО, 35 лет, РО).

– *Ну, для меня идеальная семья – это два человека, которые счастливо живут вместе, в эмоциональной поддержке, в чувстве безопасности»* (жен., в/о, 28 лет, Ростов-на-Дону).

Эти высказывания указывают на то, что традиционное восприятие семьи как пространства безусловного принятия и эмоциональной близости остается устойчивым в обеих группах.

При этом в ряде ответов студенческой фокус-группы отчетливо прослеживаются элементы партнерской модели семьи:

– *Для меня любовь как таковая не так важна, а важно именно партнерство в каких-то общих целях, общих интересах, планах… Строить жизнь исходя из общего, не на чувствах основанного, а на чем-то рациональном. Потому что чувства очень хрупкие и ненадежные* (жен., магистрант, 24 года).

– *Общие цели по жизни глобальные. То есть вы можете расходиться в каких-то небольших идеях, но общие ценности должны совпадать* (жен., бакалавр, 23 года).

– *Взаимоуважение, обязанности друг перед другом, взаимные какие-то общие действия. Планирование* (муж., студент СПО, 22 года).

Эмпирические замеры по Ростовской области других исследователей также подтверждают сформировавшиеся у молодежи установки на эгалитарные

семейные отношения, хотя и традиционные также оказывают значительное влияние. Так, в рамках исследования «Социальная инерционность в смыслах и практиках повседневной жизни населения регионов Юга России», проведенного Южно-Российским филиалом ФНИСЦ РАН, было показано, что большая часть опрошенной молодежи выступает за эгалитарные отношения между супругами (32,4 %), а также за самостоятельный выбор спутника жизни (83 %) и признание права женщин на самореализацию в профессиональной сфере в соответствии с их потребностями в творчестве, профессии, предпринимательстве (83,6 %)[166]. При этом было зафиксировано и пристрастие к традиционным установкам в семейной сфере, что коснулось ориентаций на законный брак как более желательный, отрицания традиции многоженства.

Устойчивым мотивом в ответах участников студенческой фокус-группы является необходимость сохранения индивидуальности и личного пространства внутри отношений:

– Должно быть как-то все общее, но еще у каждого должна быть какая-то своя зона ответственности и своя зона, куда он может уйти и там побыть один (муж., студент СПО, 22 года).

– Важно, чтобы у партнеров было какое-то пространство. То есть чтобы они были, помимо того, что парой, и отдельными личностями (жен., магистрант, 25 лет).

В материалах фокус-группы работающей молодежи подобные высказывания не встречаются, что может свидетельствовать о различии в актуальных запросах к отношениям. Для студентов, находящихся в процессе формирования идентичности, вопрос автономии внутри пары стоит острее, тогда как для работающей молодежи он, по всей видимости, либо уже решен, либо не является предметом рефлексии.

Категории «личные границы», «личное пространство», «созависимость» и «компромисс» участники обеих фокус-групп используют как элементы описания

[166] Артамонова Я. В., Бинеева Н. К., Дьяченко А. Н. Указ. соч. С. 182.

отношений без специальных пояснений, как очевидные и общепринятые. Это свидетельствует о глубоком проникновении психологического языка в обыденные представления молодежи о семье. Понятия, еще недавно принадлежавшие профессиональному дискурсу, стали частью повседневной речи и задают новый нормативный стандарт «правильных» отношений.

Принципиально значимым элементом семейных отношений участники обеих фокус-групп называют коммуникацию. Диалог, открытое обсуждение проблем и способность к компромиссу рассматриваются как обязательные условия устойчивости семьи:

– *Взаимоподдержка, забота и умение разговаривать, потому что на этом все строится* (муж., бакалавр, 22 года).

– *Партнеры должны быть открытыми и много разговаривать* (жен., магистрант, 25 лет).

– *Очень важно в отношениях говорить, обсуждать* (муж., студент СПО, 22 года).

– *Чтобы люди, семья, участники семьи могли, взаимодействуя, друг друга слушать и слышать – самое главное* (жен., в/о, 26 лет).

Существенные изменения затрагивают и отношение молодежи к браку и деторождению. Здесь принципиально важно разграничить два уровня анализа: представления о социальной норме и личные жизненные планы участников, поскольку между ними обнаруживается значимое расхождение.

На уровне представлений о социальной норме все участники студенческой фокус-группы пришли к мнению, что никто не обязан создавать семью. В фокус-группе работающей молодежи подавляющее большинство участников высказало мнение, что человек не обязан создавать семью или становиться родителем. В представлениях молодых людей все более закрепляется установка на допустимость различных жизненных сценариев, включая сознательный отказ от брака или родительства:

– *Я считаю, что человек не должен заводить ни семью, ни детей, если он этого не хочет… Если человек не хочет заводить семью, но, например, из-за*

влияния общества или родственников он решил это сделать, он будет несчастлив, так как он является членом этой семьи, которую он не хотел. И то же самое с детьми (муж., в/о, 29 лет).

– По моему мнению, человек не должен создавать семью, каждому свое. В семье не обязательно должны быть дети. Опять-таки, каждому свое (жен., в/о, 28 лет).

– Есть и те, кто не готов к детям, и принуждать их к этому, я считаю, не стоит (жен., СПО, 26 лет).

Экспертные интервью фиксируют аналогичную тенденцию. Большинство информантов подчеркивает, что создание семьи и рождение детей должны оставаться сферой личного выбора, а не нормативного давления:

– Вот есть очень, очень узкая прослойка людей в нашем обществе, которые находят счастье в своем одиночестве. Ну невозможно этому человеку, так сказать, указывать, довлеть над ним… Брак – это все-таки любовь, это чувства к человеку, это симпатия, это желание с ним вместе находиться. Только тогда рождается семья (информант 1).

– Я считаю, что этот вопрос сегодня очень индивидуален и субъективен. Нет каких-то канонов, стандартов (информант 8).

На уровне личных жизненных планов картина существенно иная. Несмотря на широко разделяемое представление о необязательности брака и родительства как универсальной нормы, большинство участников обеих фокус-групп при обсуждении собственного будущего все же связывало его с созданием семьи и рождением детей. Это расхождение между нормативными установками и личными планами является одним из ключевых результатов исследования: молодежь отстаивает право других людей на иной выбор, сохраняя при этом собственную ориентацию на семью.

В студенческой фокус-группе ориентация на будущую семью и родительство выражена несколько слабее, лишь чуть больше половины участников планируют создать семью в течение следующих пяти лет:

– Трое детей минимум и хорошее воспитание, потому что я могу дать хорошее воспитание (муж., студент СПО, 22 года).

– Я представляю, что через пять лет я буду уже замужем. Ну, и буду готовиться к беременности или уже забеременею (жен., магистрант, 25 лет).

– Ну, мы с молодым человеком уже это обговаривали… Ребенок, отдельный новый дом (жен., бакалавр, 23 года).

– Я бы хотела, чтобы через пять лет я была бы уже замужем. Чтобы у меня уже был ребенок, может быть, двое» (жен., студент СПО, 18 лет).

– Так, ну, иметь квартиру, возможно, ребенка, стабильную хорошую работу (муж., бакалавр, 22 года).

Среди работающей молодежи ориентация на создание семьи и рождение детей выражена заметно сильнее. Подавляющее большинство участников связывает свое ближайшее будущее с браком и родительством:

– У меня скоро, летом, будет свадьба, и вот дальше планируем расширять нашу семью (жен., в/о, 26 лет).

– Конечно же, [*планирую*] *построить крепкую, надежную семью* (жен., СПО, 24 года).

– Ну, каким я вижу свое семейное будущее: надеюсь, в браке и с ребенком (жен., в/о, 33 года);

– Я хочу стать мужем жены в декрете (муж., СПО, 27 лет);

– Через пять лет я себя вижу в семье, матерью» (жен., СПО, 24 года).

Вероятно, подобные различия обусловлены жизненным этапом респондентов. В отличие от студентов, участники работающей фокус-группы уже завершили обучение, включены в трудовую деятельность и в большей степени достигли финансовой самостоятельности. Именно наличие материальной устойчивости, завершенного образования и определенного уровня жизненной стабильности участники студенческой фокус-группы неоднократно обозначали как необходимое условие для создания семьи:

– Главное – понимать и принимать ту ответственность, которую ты берешь на себя, и не только на себя, но и на близких своих людей. То есть это забота и, конечно же, финансовое положение (жен., студент СПО, 18 лет).

– [*Семью нужно создавать, когда*] *Все, что надо, ты сделал в своей жизни, чтобы продолжать это делать и получать за это деньги нормальные. Вот. И ты уже нормально сформировался* (муж., бакалавр, 20 лет).

– Просто, как показала практика, можно встретить своего человека в достаточно раннем возрасте. Но есть определенные критерии, по которым сложно строить семью. То есть это в основном деньги, это жилье, вот какие-то такие вопросы, потому что нужно учиться, нужно сначала уделить внимание карьере например (жен., бакалавр, 23 года).

– Я считаю, что надо встать на ноги, то есть, условно говоря, работа, какая-то подушка безопасности, образование получено. И в принципе детей заводить можно (муж., студент СПО, 22 года).

Отложенное родительство в представлениях молодежи связано не с отказом от семьи как ценности, а с восприятием семейной жизни как сферы высокой ответственности, требующей предварительной готовности и наличия определенного жизненного базиса. Семья остается желаемой целью, однако переносится на более поздний срок.

Несмотря на более выраженную ориентацию на создание семьи, участники работающей фокус-группы также отмечают наличие определенных факторов, затрудняющих реализацию семейных планов:

– С каждым годом приобрести жилье становится все труднее, на зарплату часто мы не можем повлиять. Наверное, из-за этого тяжелее создавать семью, потому что материальное положение – это важно (жен., в/о, 28 лет).

– Действительно, в условиях такого шторма достаточно тяжело как-то даже анализировать собственные цели и планы, потому что нет никакой уверенности (муж., СПО, 27 лет).

Эксперты подтверждают, что материальная нестабильность является одним из ключевых факторов откладывания брака и рождения детей. Особенно часто упоминаются проблема жилья, высокая стоимость воспитания детей и невозможность достижения финансовой самостоятельности в раннем возрасте:

– Материальные проблемы сегодня, если отталкиваться от эмпирических исследований, являются самыми главными… И, конечно же, нельзя не сказать о том, о чем говорят все, – семью создать не сложно. Сложно потом жить семье с детьми, когда все очень дорого. И ребенок сегодня – большая роскошь, которую себе могут позволить не все молодые. Им хочется жить отдельно от родителей, и это правильно, но приобретение собственного жилья становится основной проблемой, а также обеспечение семьи (информант 8).

– Главный барьер, который делает семейную самореализацию затруднительной для значительной части молодежи, – это отсутствие доступного жилья и страх финансовой нестабильности (информант 9).

– Вот молодая пара в Новочеркасске, где им жить? Снимать квартиру на две зарплаты молодых специалистов – почти нереально. Ипотека – это огромная нагрузка и огромный стресс. Жить с родителями – это отдельная история, которая очень часто разрушает молодые семьи быстрее, чем любые другие факторы (информант 12).

Все три высказывания сходятся в одном: жилье является не просто бытовым условием, а ступенью, без преодоления которой создание семьи воспринимается как преждевременное и рискованное. Также информант 12 указывает на совместное проживание с родителями как на самостоятельный дестабилизирующий фактор, т. е. отсутствие жилья создает не только материальные риски, но и риск возникновения конфликтов внутри семьи.

Исследования, проведенные среди молодых семей в Ростовской области, подтверждают риски и опасения молодежи относительно создания семьи без определенного материального, и в частности жилищного, базиса, поскольку именно материальные, финансовые проблемы выступают ключевыми в числе

порождающих конфликты, а также зависимость молодых от родителей[167], вынужденных помогать своим детям на этапе создания и поддержания жизнедеятельности молодой семьи и в эмоциональном, и, если есть возможность, в финансовом плане. Но поддержка родителями семей своих детей не всегда дает положительный эффект, поскольку, как показали результаты экспертного опроса семейных медиаторов А. А. Жиденко, финансовая зависимость от родителей часто приводит к тому, что последние начинают вмешиваться в жизнь молодой семьи – и не только финансово, но и морально, оказывая давление. Особенно сильным это давление становится в ситуации совместного проживания молодой семьи с родителями одного из супругов[168].

Возвращаясь к результатам нашего опроса, заметим, что наряду с жилищным вопросом важнейшим фактором, определяющим семейные планы молодежи, выступает ощущение стабильности как таковой. В материалах студенческой фокус-группы данная категория упоминалась настолько часто и с такой эмоциональной насыщенностью, что позволяет рассматривать ее как одну из ключевых характеристик представлений молодых людей о готовности к созданию семьи:

– *Стабильность, стабильность и стабильность* (жен., студент СПО, 18 лет).

– [*Стабильность*]. *Я не знаю просто, что добавить. Это очень всеобъемлюще. И в денежном, и в плане отношений* (жен., бакалавр, 23 года).

– *Нужна все-таки стабильность, так или иначе. И на данный момент стабильности нету, вообще никак* (муж., студент СПО, 21 год);

– *Стабильность и своя квартира* (муж., бакалавр, 20 лет).

Экспертные данные подтверждают эту закономерность. Один из информантов указывает, что нестабильность занятости и доходов является особенно острой проблемой для молодежи малых городов, где ограничения рынка труда накладываются на общую социально-экономическую неопределенность:

[167] Жиденко А. А. Указ. соч. С. 104.
[168] Жиденко А. А. Указ. соч. С. 99.

– Наверное, главная проблема – нестабильность. Во всем. В доходах, в работе, в будущем. А семья требует ощущения опоры. Особенно когда речь идет о детях. Нестабильная работа, невысокие зарплаты в малых городах, страх не потянуть семью. Из-за этого мужчины и откладывают брак и детей (информант 13).

Эксперт акцентирует внимание на том, что именно на мужчин, в соответствии с сохраняющимися в Ростовской области традиционными ожиданиями, ложится бремя финансовой ответственности за семью, что делает их особенно чувствительными к условиям материальной нестабильности.

Часть участников студенческой фокус-группы допускала возможность сознательного отказа от родительства. В подобных высказываниях в качестве аргументов фигурировали финансовые затраты, ограничение личной свободы и представление о том, что наличие детей не является обязательным условием полноценной семьи:

– Сколько денег уходит на детей, а в чем, в чем суть детей? Продолжение рода?.. Сейчас детей вообще не хочется, и в данном возрасте я не уверен, что захочется детей вообще (муж., бакалавр, 24 года).

– Для меня семья – это не обязательно иметь ребенка. Я, например, тоже не хочу детей, я не смогу ничего хорошего дать (жен., студент СПО, 20 лет).

– Дети – это для меня лично определенные ограничения в плане свободы. И сейчас я с этой свободой расставаться не готов (муж., аспирант, 25 лет).

Ни в одном из случаев отказ не носит идеологического характера и не является протестом против семейных институтов. Речь идет, скорее, об индифферентном отношении к родительству как жизненной необходимости: дети не входят в актуальный горизонт жизненного планирования участников опроса, не вызывая при этом ни выраженного желания, ни идеологически окрашенного отторжения.

Экспертные оценки в данном вопросе оказываются неоднородными и отражают сосуществование двух принципиально различных нормативных

позиций. Часть информантов придерживается традиционной установки на обязательность деторождения:

– Это, естественно, воспроизводство численности населения, это, естественно, продолжение человека и передача человеческих генов. Естественно, должны быть дети (информант 2).

– Если противопоказаний никаких нет, то должны [*рожать детей*]*, да. Но тут отмечу, что нежелание прям явное иметь детей – тоже противопоказание* (информант 6).

Другая часть экспертов подчеркивает приоритет добровольности и осознанности родительства:

– Я глубоко убеждена, что принуждение к семейной жизни еще никого не сделало счастливым. Семья имеет ценность только тогда, когда двое взрослых людей осознанно решают быть вместе, потому что любят друг друга. То же самое касается и детей (информант 7).

– Каждый человек волен делать свой выбор. В том числе и относительно детей. Они должны появляться только по желанию родителей, которые осознают всю степень ответственности за это свое желание, а не по причине того, что так надо, так принято. Это мое мнение (информант 8).

– С ними [*детьми*] *очень хорошо, правда, но они должны быть рождены не потому, что «так надо», «родители ждут внуков», «государство просит» и так далее. И если человек честно понимает, что он не готов, не хочет, не может дать ребенку то, что нужно, то лучше не рожать* (информант 12).

Само по себе расхождение между этими позициями внутри экспертного сообщества является значимым фактом. Оно свидетельствует о том, что вопрос о нормативности деторождения остается дискуссионным не только в молодежной среде, но и среди специалистов, работающих с данной проблематикой, людей более взрослых и опытных.

Описанная тенденция (создание семьи и рождение детей как осознанное индивидуальное решение, а не обязательный социальный сценарий) находит свое выражение и в представлениях участников об оптимальном возрасте вступления в

брак. Практически все участники студенческой фокус-группы называют наиболее подходящим период после 25 лет:

– *Думаю, около тридцати* (муж., бакалавр, 22 года).

– *Для меня идеальный возраст, чтобы заводить детей, это, наверное, 28–35 лет. Я считаю этот возраст идеальным, потому что, по моему мнению, к этому возрасту человек уже сформированный, зрелый. Он знает, чего он хочет от жизни и от семьи. И этот выбор, это решение, оно осознанное и взвешенное* (жен., магистрант, 25 лет).

– *Ну, как будто бы 27–32 примерно* (муж., бакалавр, 20 лет).

– *Идеальное окошко, лично для меня, мне кажется, 25–27 лет* (муж., студент СПО, 22 года).

Участники фокус-группы работающей молодежи называют сопоставимые цифры, однако их аргументация отличается большей конкретностью и опирается на реальный жизненный опыт:

– *Я не вижу идеального возраста для создания семьи. Важно материальное благополучие, чтобы ребенок не рос в бедности, и внутренняя готовность иметь семью, желание и определенный уровень интеллектуальной и моральной зрелости для этого… Ну, если цифры нужно назвать, то я бы тоже сказала, что это около 30 лет* (жен., в/о, 28 лет, Ростов).

– *Ну вот когда создавать семью, я думаю, что, если по возрасту, это в районе 30–35* (жен., в/о, 33 года, РО).

– *Я считаю оптимальным периодом, когда нужно заводить семью, от 25 лет, потому что в этом возрасте наступает базовая финансовая и эмоциональная устойчивость у людей* (муж., в/о, 29 лет, РО).

– *Ну, мне сложно сказать, когда идеальнее всего создать семью, но я поддерживаю мнение, что если есть желание, то это, наверное, ближе к тридцати* (жен., СПО, 26 лет, РО).

Участница из Ростова-на-Дону прямо отказывается от возрастного критерия как универсального, предлагая взамен критерий готовности – материальной, интеллектуальной и моральной. Похожего мнения придерживаются еще

несколько участников фокус-группы. Оно демонстрирует, что в представлениях работающей молодежи возраст сам по себе не является достаточным основанием для создания семьи – значение имеет достигнутое состояние (материальное, психологическое, интеллектуальное).

Эксперты в целом разделяют данную позицию, связывая готовность к семье с достижением финансовой самостоятельности, профессиональной устойчивости и психологической зрелости:

– По идее, если отталкиваться от физиологических сюжетов и современных тенденций отложенного взросления, то до 30 лет желательно создать семью, чтобы были силы родить и воспитать здоровое поколение (информант 8).

– На мой взгляд, это где-то от 25 до 29 лет (информант 2).

– Оптимальный возраст… Это сложно, потому что для государства, для региона – ну, чем раньше, тем лучше. А для молодой семьи это индивидуально опять-таки. Потому что каждый формируется в своем темпе (информант 18).

– Оптимальный возраст – это когда человек достиг возраста готовности брать на себя ответственность за другого человека, идти на компромиссы, вкладывать любовь, время, терпение и силы в отношения. Для кого-то эта готовность наступает в 20 лет, для кого-то – в 40. И это нормально. Главное, чтобы решение о браке и детях было осознанным и добровольным, а не данью традиции или давлению среды (информант 9).

Подобные высказывания участников фокус-групп и экспертов отражают принципиальное изменение процесса взросления. Если в прошлые эпохи создание брачного союза служило своего рода трамплином для входа во взрослую жизнь, то современные молодые люди мыслят иначе. Сначала должна сформироваться автономная зрелая личность, и только потом возможно создание семьи. Взрослая идентичность должна быть сформирована до создания семьи, а не посредством нее. Таким образом, семья из инструмента взросления в сознании молодежи и взрослого поколения (в лице экспертов) превращается в его результат.

Особый аналитический интерес представляет вопрос о том, кому в современном обществе легче жить – человеку с семьей или без нее. Данный вопрос позволяет выявить не декларируемые ценности, а реальные представления участников о соотношении семьи и индивидуальной самореализации, т. е. о практической «цене» семейного выбора.

Часть участников студенческой фокус-группы достаточно однозначно высказалась в пользу жизни без семьи, связывая семейные отношения прежде всего с дополнительной ответственностью и необходимостью перераспределения временных и материальных ресурсов:

– *Без. Лучше одному* (муж., студент СПО, 21 год).

– *Если ты хочешь достичь каких-то небывалых высот, это намного проще сделать, когда ты один* (жен., СПО, 24).

– *Если мы планируем чего-то добиться, каких-то карьерных успехов, то думаю, легче это сделать без семьи с детьми, потому что семья качественная занимает очень много времени* (жен., в/о, 28 лет).

– *В текущий момент моей жизни без семьи мне легче. Если эта семья есть, это значит, что я за нее беру ответственность, и это распределяет мои ресурсы* (муж., аспирант, 25 лет).

Приведенные высказывания объединяет общая логика: семья воспринимается как конкурент самореализации в борьбе за ограниченный ресурс – время, энергию, деньги.

Однако большинство участников либо отмечали, что жить с семьей все же легче, либо занимали промежуточную позицию, подчеркивая двойственный характер семейных отношений:

– *С семьей легче, но без ребенка* (муж., бакалавр, 24 года).

– *Это зависит от человека. То есть, если именно смотреть на мою ситуацию, то есть с моей точки зрения, с моей колокольни, то легче с семьей… Легче пройти какие-либо ситуации, когда тебя кто-то поддерживает и когда кто-то рядом. И это касается не только партнера, но еще и твоей семьи, то есть родителей, родственников и тому подобное* (жен., студент СПО, 18 лет).

– С моральной точки зрения для меня, да [*легче*]*, потому что это поддержка, это тыл* (жен., в/о, 33 года).

– Семья – это легче, потому что есть поддержка, есть любовь и забота (жен., бакалавр, 23 года).

– Я считаю, что с семьей легче, лучше, не так одиноко (муж., студент СПО, 22 года).

Участники, высказывающиеся в пользу семьи, апеллируют прежде всего к ее эмоциональному измерению: поддержка, опора, тыл, близость. Хотя в представлениях студенческой молодежи семья одновременно выступает и источником эмоциональной поддержки, и фактором, ограничивающим личную свободу и ресурсы для самореализации. Это противоречие не разрешается участниками, а удерживается как устойчивая амбивалентность, т. е. семья желанна, но требует цены, которую не все готовы платить немедленно.

Экспертные интервью демонстрируют более выраженную ориентацию на ценность семейной жизни. Большинство информантов рассматривает семью как важный источник эмоциональной устойчивости, мотивации и смысла:

– Я думаю, что с семьей жить гораздо проще, и это дает значительно больше возможностей, потому что человек видит цель (информант 2).

– В любом случае я считаю, что семья – это базовая ценность, она обязательно должна быть у человека. Да и детей в идеале минимум двое, иначе ж наши демографические проблемы не решить (информант 17).

– Только с семьей. Человек многогранен, и я знаю много случаев, когда вот он один, он успешен в карьере, все у него хорошо, и лучшая квартира, лучшая машина. А потом он приходит один в эту лучшую квартиру, и он понимает, что его никто не ждет, его никто не любит (информант 5).

Часть экспертов подчеркивает, что вопрос о том, легче ли человеку жить с семьей или без нее, не допускает универсального ответа и определяется индивидуальными ценностями, характером и жизненными обстоятельствами:

– С одной стороны, конечно же, без семьи легче в современном мире: не надо думать о других членах семьи, беспокоиться о детях, о том, чтобы у них

было все необходимое, чтобы они были здоровы, образованы, счастливы. А с другой – без семьи пусто, одиноко и, кажется, бессмысленно (информант 8).

– Здесь совершенно точно не может быть однозначного ответа. Я знаю людей, которые прекрасно обходятся без семьи. Более того, семья для таких гиперсфокусированных на себе людей вредна и это была бы беда для самой семьи. Все зависит от ценностей, от характера, от обстоятельств. Конечно, с семьей лучше и в эмоциональном, и в бытовом, и в любом другом плане, если отношения построены на любви и доверии (информант 9).

– Семья – это вообще не про легкость, ну как я это вижу. Одиночество – тоже не про легкость. Но если попытаться сравнить, то одному в каком-то смысле легче. Меньше обязательств, больше свободы. Опять-таки меньше психологических переживаний, страданий, расставаний. Тем не менее думаю, что универсального ответа нет (информант 12).

Информант 8, в свою очередь, фиксирует нарастающую социальную легитимность одиночного образа жизни, «соло»-жизни как самостоятельной жизненной стратегии, а не отклонения от нормы. Это наблюдение согласуется с данными фокус-групп и свидетельствует о реальном расширении спектра социально приемлемых жизненных сценариев в современном российском обществе.

В целом материалы исследования фиксируют двойственность в восприятии семьи молодежью: семья одновременно желанна и при этом воспринимается как ограничение свободы и ресурсов. Такое расхождение не является случайным, оно отражает более глубокое противоречие между двумя конкурирующими ценностными ориентациями: ориентацией на автономию и самореализацию или же на потребность в принадлежности к семье.

Переходя к анализу роли родительской семьи в формировании семейных ценностей молодежи, необходимо прежде всего зафиксировать, что семейная социализация – это процесс усвоения индивидом норм, ценностей и поведенческих моделей, связанных с институтом семьи, а осуществляется он преимущественно через наблюдение за отношениями в родительской семье.

Именно этот опыт формирует первичные представления о том, какой должна быть семья, какие отношения в ней возможны и желательны.

Материалы фокус-группы работающей молодежи показывают, что родительская семья продолжает играть ключевую роль в формировании представлений молодых людей о семье и отношениях:

– Мои бабушка с дедушкой… Вот я бы, наверное, хотел в первую очередь позаимствовать у них вот эту методологию понимания близкого человека. Как настолько можно на уровне фибр, наверное, ощущать, что действительно нужно человеку, чтобы он был счастлив, и давать это абсолютно молча. Просто взять и сделать человека счастливым (муж., СПО, 27 лет);

– На примере моих родителей я понимаю, что они всю жизнь вместе и всю жизнь они учатся быть друг с другом. Они, может быть, не идеальная семья и пара, но они каждый день выбирают друг друга… И этот пример мне показывает, что семья все-таки неотъемлемая часть человека (жен., СПО, 24).

Исследователи указывают на высокую значимость родительских семей в жизни молодежи в контексте выбора и реализации ею семейных стратегий и траекторий. Многое зависит от опыта родительской семьи, зеркальным отражением которого зачастую становятся конфликты в молодых семьях, особенно когда родительский опыт был негативным, с конфликтными отношениями, или в родительской семье случился развод, а может, и вовсе не было одного из родителей[169].

В эмпирических материалах нашего исследования прослеживаются две устойчивые модели ориентации на родительский опыт, которые можно обозначить как модель воспроизводства и модель дистанцирования. Модель воспроизводства родительского опыта предполагает стремление участников перенести в собственную семью те практики, ценности и эмоциональные образцы, которые они наблюдали в семье родителей:

[169] Жиденко А. А. Указ. соч. С. 100.

– Наверное, я бы перенесла именно то, что родители для меня выступают тылом и всегда меня поддерживают. Ну и второе, да, это традиции: традиции всех праздников, когда мы собираемся вместе, когда мы проводим время (жен., в/о, 33 года).

– У меня семья состоит в принципе только из отца. И получается так, что я копирую то, что он делает, и он является для меня каким-то вот учителем по жизни (жен., магистрант, 24 года).

Модель дистанцирования от родительского опыта предполагает иную логику семейной социализации. Участники сознательно выстраивают собственные семейные установки как противоположность негативному опыту, пережитому в родительской семье:

– Я понял еще в детстве, что я не хочу, чтобы моя семья выглядела так же, как это было в моем возрасте взросления. Потому что так сложилось, что мои родители очень часто ссорились, и большую часть времени я жил у бабушки из-за того, что отец работал, мать работала. Поэтому я, скорее, для себя почерпнул, что если люди заводят семью и если они приняли такое решение, то нужно в первую очередь проводить время с ребенком (муж., в/о, 29 лет).

– Ну, честно, в семье у меня как-то были максимально натянутые отношения со всеми. И поэтому я единственный выход вижу в том, что лично мои дети с таким не встретятся в любом случае (муж., студент СПО, 21 год).

Оба высказывания демонстрируют принципиально важный социологический механизм. Негативный опыт родительской семьи не ведет к отказу от семьи как ценности, а, напротив, становится источником активной семейной мотивации – стремления создать принципиально иную семью. Один участник фокус-группы трансформирует детский травматический опыт в конкретную родительскую установку: проводить время с ребенком. Участник же из студенческой фокус-группы формулирует свою позицию через категорическое отрицание пережитого, что также свидетельствует о высокой эмоциональной значимости родительского опыта, пусть и негативного. В обоих случаях

родительская семья выступает главным фактором формирования семейных установок.

Экспертные данные подтверждают и углубляют эту закономерность. Информант 12 указывает на системный характер проблемы дефицита позитивных семейных образцов:

– Понимаете, ребенок учится семье так же, как учится ходить или говорить, то есть через наблюдение. Через то, что видит дома. И вот видит ребенок, что мать тянет все на себе, выгорает. Или просто холодные отношения родителей. Я не говорю, что счастливых семей нет. Они есть. Но как модель, как образец, их катастрофически мало в ближайшем окружении детей. И молодой человек входит в собственную семейную жизнь практически без понимания, как на самом деле строятся живые, настоящие отношения между двумя разными людьми (информант 12).

Молодежь ориентируется на создание осознанной, эмоционально зрелой семьи, однако нередко лишена живых образцов того, как такая семья функционирует в повседневности.

Значительно чаще, чем на негативный опыт, участники студенческой фокус-группы ориентируется на позитивные модели семейных отношений, наблюдаемые в родительской семье. В ответах на вопрос о том, какой опыт родительской семьи участники хотели бы воспроизвести, чаще всего упоминаются поддержка, взаимоуважение и эмоциональная близость:

– Я горжусь отношениями между моими родителями… И для меня это передалось как такая семейная ценность: то, что даже какие-то не очень близкие родственники, с ними тоже нужно поддерживать связь (жен., магистрант, 25 лет).

– У меня в семье у папы любимая фраза: «Ты либо прав, либо счастлив». И она зафиксировалась у меня в голове, и я очень хочу ее как-то перенять в свою семью (жен., студент СПО, 18 лет).

– У меня жива сейчас только мама, но если говорить про их отношения с моим отцом и что я бы хотел взять себе – это то, как они друг за друга стояли горой в любых ситуациях, особенно на публике (муж., студент СПО, 22 года).

Материалы исследования выявляют еще один эффект. Высокая степень внутрисемейной сплоченности в родительской семье может осложнять формирование партнерских отношений, порождая завышенные ожидания от будущего партнера. Симметричным образом дефицит эмоциональной поддержки в родительской семье способен затруднять построение устойчивых близких отношений во взрослом возрасте:

– Такая теснота, взаимопомощь, она порождает в то же время зависимость. И впоследствии очень трудно найти себе человека, который будет так же предан тебе, как, допустим, я готов быть предан человеку, которого я люблю или буду любить (муж., студент СПО, 22 года).

– У моих родителей была такая стратегия воспитывать ребенка, что он должен быть независим от всех, и от родителей в том числе. И тут двоякий вопрос: гордиться ли подобной психологической независимостью либо считать это каким-то проклятием, потому что с таким базисом трудно строить свою собственную семью (жен., магистрант, 24 года).

Оба высказывания фиксируют одинаковые последствия двух противоположных моделей воспитания. В первом случае избыток близости и преданности в родительской семье формирует стандарт отношений, который крайне сложно воспроизвести с партнером за пределами семьи. Во втором случае установка на полную автономию, транслируемая родителями, формирует психологическую независимость, которая, по признанию самой участницы, оборачивается отсутствием опыта получения поддержки и доверия – навыков, необходимых для построения устойчивых партнерских отношений. То есть и гиперсплоченность, и эмоциональная дистанцированность в родительской семье могут выступать факторами, осложняющими семейную реализацию молодежи, хотя и через принципиально различные механизмы.

Отдельного внимания заслуживает тема территориальной автономии как условия нормализации отношений с родителями. Участники, имеющие опыт отдельного от родителей проживания, отмечают снижение конфликтности в отношениях с родителями после переезда:

– Конфликтные ситуации, наверное, закончились в подростковом периоде или тогда, когда я от них съехал в Ростов (муж., аспирант, 25 лет).

– После того, как я стал независимым от родителей, никаких больше нет претензий ни к кому, ничего абсолютно (муж., бакалавр, 24 года).

– Ну, нас объединяет общение на расстоянии (жен., студент СПО, 20 лет).

Несмотря на выраженную ориентацию на самостоятельность, часть участников считает необходимой поддержку со стороны родителей после создания собственной семьи. При этом запросы на поддержку носят дифференцированный характер:

– Да, это взаимопомощь… Поддержка и помощь – это и есть любовь… Ну, некоторые люди могут поддерживать, например, из чувства долга, еще из каких-то вот таких чувств разрушающих, так скажем. А есть поддержка из искренней любви (жен., бакалавр, 23 года).

– Я бы очень хотела, чтобы они [*родители*] *участвовали в воспитании моих детей. И то, что я не могу дать своим детям, они бы это дали… Я, наоборот, очень против того, чтобы родители финансово помогали* (жен., СПО, 24 года);

– Мы [*с папой*] *не говорим словами, что мы друг друга любим или что-то такое. Это показывается на действиях, на какой-то поддержке и тому подобное* (жен., студент СПО, 18 лет).

Молодежь подчеркивает, что подобная помощь не должна носить принудительный характер:

– Поддержка, та, которую просишь, и поддержка, которую ты не просишь, – это разные вещи и всегда будут разными вещами (жен., студент СПО, 18 лет);

– Поддержка от родителей – это очень хорошо, на мой взгляд. Но я бы хотела, чтобы при этом и родители, и дети могли прямо говорить и спрашивать: дети просить поддержку, родители предлагать поддержку. И, соответственно, дети ее принимать либо отклонять, чтобы это было в семье нормой (жен., бакалавр, 23 года).

– Я считаю, что психологическая поддержка в обе стороны – и со стороны родителей, и внутри семьи – она вся должна быть добровольной. А финансовой поддержки быть не должно, потому что мы семья, мы должны быть самодостаточной ячейкой общества. То есть мы должны быть крепостью друг для друга, и эти все денежные вопросы уметь решать сами (муж., студент СПО, 22 года).

Не только участники студенческой группы говорят о важности родительской поддержки, но и участники работающей фокус-группы отмечают, что для выполнения своих целей им нужна будет поддержка родителей:

– Рассчитывать я планирую на себя и на поддержку близких. Именно мне нужна душевная поддержка, а не остальная (муж., в/о, 28 лет).

– При их [*целей*] *достижении я рассчитываю на себя: думаю, это логично. Но во многом еще на материнскую семью, своей собственной у меня нет. Это не значит, что я опираюсь во всем на родителей, но я все еще получаю их поддержку, и для меня это в данный момент еще важно и нужно* (жен., в/о, 28 лет).

– В принципе в реализации своих целей я могу положиться на себя и на своих родителей (жен., в/о, 33 года).

Молодежь разграничивает три типа родительской поддержки: эмоционально-психологическую (признается желанной при условии добровольности), практическую (участие в воспитании детей, передача жизненного опыта – воспринимается как ценная и необходимая) и финансовую (некоторыми участниками воспринимается как угроза автономии). Полученные данные демонстрируют, что молодежь стремится к эмоциональной включенности старшего поколения при сохранении экономической независимости от него.

Эксперты подтверждают, что в современных российских условиях помощь родительской семьи остается значимым фактором реализации семейных планов молодежи, особенно в регионах:

– В регионах именно семья остается главной поддержкой для молодых. В Ростовской области это очень заметно. У нас вообще сильны семейные связи. Молодым помогают с жильем, с детьми, деньгами, связями, поиском работы (информант 13).

– Молодых родителей может поддержать только семья, за детьми присмотреть, например. Или на ипотеку денег дать, если возможность есть. Бабушки у нас – это же вообще отдельный институт, без которого молодые семьи просто не выживали бы (информант 18).

– Хотелось бы, конечно, чтобы молодые сами могли справляться с материальными сложностями, но в условиях российских реалий многим приходится обращаться за помощью к родителям. Особенно важна эта помощь в процессе воспитания маленьких детей, так как молодые родители, как правило, работают, чтобы обеспечить семью, строят карьеру (информант 8).

Обратим внимание, что экспертные оценки обнаруживают противоречие с установками самой молодежи. Пока участники фокус-групп стремятся к финансовой независимости от родителей, эксперты фиксируют, что именно финансовая и бытовая поддержка старшего поколения остается в российских регионах ключевым условием, позволяющим молодым семьям функционировать.

На основании данных фокус-групповых исследований и экспертных интервью можно сделать вывод о сохранении значимой роли родительской семьи в формировании и реализации семейных траекторий молодежи Ростовской области. Родительская семья продолжает выступать важнейшим институтом первичной семейной социализации, через который молодые люди усваивают базовые представления о семейных отношениях, распределении ролей, поддержке и родительстве – как через позитивный, так и через негативный опыт. Одновременно в условиях социальной и экономической нестабильности родительская семья сохраняет значение одного из ключевых ресурсов

эмоциональной, бытовой и материальной поддержки молодых людей. Подобное сочетание социализирующей и поддерживающей функций делает родительскую семью центральным, хотя и внутренне противоречивым элементом семейных стратегий современной молодежи.

Эмпирические материалы позволяют говорить об одновременном усилении ценности личной независимости, автономии, свободы индивидуального выбора и сохранении высокой значимости эмоциональной близости и устойчивых семейных связей. При этом стремление к самостоятельности не сопровождается отказом от поддержки со стороны семьи. Напротив, в ответах участников данные установки сосуществуют параллельно, формируя внутренне противоречивую систему представлений о семье и близких отношениях. Подобная двойственность может рассматриваться как одна из характерных особенностей семейного сознания современной молодежи, формирующегося в условиях индивидуализации жизненных стратегий и одновременно сохраняющейся зависимости от семейных ресурсов и связей.

Ключевым результатом исследования можно считать выявленное расхождение между высокой ценностью семьи и готовностью молодежи к ее созданию в настоящем времени. Для большинства участников семья сохраняет значение желаемой жизненной перспективы, однако ее создание связывается с необходимостью предварительного достижения определенных условий: материальной устойчивости, эмоциональной зрелости, профессиональной определенности и ощущения стабильности, прежде всего финансовой.

В результате семья все чаще воспринимается не как исходный этап взросления, а как итог достижения определенного жизненного уровня. Подобная тенденция свидетельствует не столько о снижении ценности семьи в молодежной среде, сколько о трансформации представлений об условиях, при которых создание семьи становится возможным и желательным жизненным решением и этапом.

2.3. Меняющаяся ценность семьи у молодежи и ее жизненная траектория в формате отложенного взросления в условиях регионального социума (на материалах Ростовской области)

Жизненный путь молодежи непосредственным образом связан с семьей. В процессе семейной социализации происходит становление ценностных установок молодежи, формирование ее жизненных ориентаций, планов и путей их реализации в условиях социальных реалий. Эффективность жизненной самореализации молодежи во многом связана с тем, в какой семье вырос человек, что смогла дать ему семья на первых этапах личностного становления, включения в социальные практики образования и обретения своего «Я» в процессе социализации. Более того, как было показано в предыдущих частях данной главы, без поддержки семьи молодому человеку в современных российских реалиях в принципе очень сложно, а порой и невозможно реализовать свои жизненные цели и планы, особенно на начальном пути – образовательном. И помощь семьи молодому поколению сегодня, как точно выразился один из экспертов в нашем исследовании, «*это не благотворительность, а восстановление справедливости в условиях, когда государство не берет на себя финансирование студенческой повседневности*» (информант 9).

Несмотря на то, что в последнее время влияние семьи в жизни молодых людей не является единственно значимым ввиду социализационного влияния цифровой среды и медиа, семья по-прежнему является самым важным агентом социализации молодежи и влияния на ее сознание и поведение[170]. В семье закладывается ценностный фундамент, формируются модели поведения, которые затем могут корректироваться с учетом влияния иных агентов социализации. Однако эта коррекция происходит с учетом заложенных на уровне первичной социализации ориентиров и установок. И с этим фактором, безусловно, связана высокая роль семьи и ее ресурсного потенциала в процессе формирования молодой личности и ее жизненных траекторий.

[170] Тоганова Ж. К., Сыздыкова М. Б. Указ. соч. С. 150.

Исследователи отмечают, что «семья остается важной ценностью для большинства россиян, особенно в контексте воспитания детей, но традиционные семейные роли и многодетность теряют актуальность среди молодежи»[171]. Вместе с тем стоит учитывать региональный фактор. Российское общество представлено многообразием регионов, и это многообразие находит выражение в этнокультурной и конфессиональной палитре российского народа, самым непосредственным образом сказывающейся на воспитании молодых поколений, трансляции важных для общественного воспроизводства ценностей, формировании моделей поведения и установок на достижение жизненных целей. В регионах с устойчивой традиционной культурой более значимы в процессе семейной социализации традиции и нормы этнической культуры, семейные и родственные узы, чем и объясняется разрыв в семейных траекториях у молодежи из разных регионов страны и, соответственно, в показателях брачности и рождаемости, уровня разводов и устойчивости семейно-брачных отношений. В качестве примера можно привести республики Северного Кавказа, традиционно занимающие лидирующие позиции в рейтинге по уровню рождаемости в стране[172].

Жизненная самореализация молодежи, которая предполагает ее включение в систему социальных практик в процессе получения образования, профессионально-трудового опыта и создания семьи, – важный индикатор не только социальной зрелости и успешности молодежи, качества ее жизни[173], но и благополучия самого общества, его потенциала социокультурного воспроизводства. И в современную эпоху, весьма сложную, динамично развивающуюся и наполненную многочисленными рисками, значимость семьи значительно возрастает. С одной стороны, современный мир предоставляет множество возможностей в выборе жизненных траекторий и путей для

[171] Наберушкина Э. К., Бессчетнова О. В., Судоргин О. А. Указ. соч. С. 703.

[172] Рейтинг регионов России по уровню рождаемости: от лидеров до отстающих – по данным 2025 года. URL: https://rdt-info.ru/analytics/2026/01/11/23550/top-regionov-rossii-po-urovnyu-rozhdaemosti-dannye-rosstata-po-2025-godu.html (дата обращения: 03.03.2026).

[173] Шаповалова И. С. Стратегии самореализации региональной молодежи: диспозиции, жизненные планы и стратификация // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20, № 1. С. 124–142.

самореализации молодежи, а с другой – эти возможности часто ограничиваются реалиями региональных условий, реализуемой социальной политики, уровнем экономического благополучия региона. И в этих условиях значимая часть ответственности за процесс формирования и реализации жизненных планов и стратегий молодежи ложится на семью. В ней закладываются установки на жизненную самореализацию молодежи, и происходит это, как правило, в контексте ресурсного потенциала семьи, ее культурного капитала.

Данные эмпирических исследований регионального характера фиксируют зависимость установок на жизненную самореализацию в молодежной среде от экономического статуса семьи: чем он выше, тем более высокой является оценка молодежью возможности своей самореализации[174]. Эта зависимость была выявлена и нами в рамках эмпирических исследований, результаты которых мы приводили ранее. Соответственно, молодежь из бедных семей в большей степени нуждается в поддержке со стороны других институтов социализации и органов управления, ответственных за разработку и реализацию молодежной политики.

При анализе жизненных траекторий молодежи сегодня следует учитывать такой факт глобального характера, как особые тенденции взросления. Они связаны с пролонгацией юности ввиду длительного процесса обучения и обретения финансовой самостоятельности, и к тому же процесс перехода от юности к зрелости перестал носить линейный характер, характеризуется разнообразием и частотой смены жизненных сценариев, которые могут чередоваться в формате возвращения к прежним ролям (роли студента при получении нового образования, ребенка – в случае возвращения в отчий дом в результате потери работы, развода и т. д.)[175]. Процесс взросления имеет свои страновые и региональные особенности. В одних странах принято покидать родительский дом и приступать к самостоятельной жизни, в других механизм семейной поддержки носит более длительный характер. Многое зависит от

[174] Шаповалова И. С. Стратегии самореализации региональной молодежи: диспозиции, жизненные планы и стратификация. С. 132.
[175] Ядова М. А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности. С. 84.

системы социальной защиты и поддержки населения, в том числе молодого, которое имеет или, наоборот, не имеет возможности для самостоятельной жизни без поддержки родителей. В региональном пространстве России стратегии взросления разные, обусловленные социокультурной спецификой социума и социально-экономическими реалиями. В целом же для большей части молодежи России важно чувствовать поддержку семьи в период взросления, перехода к самостоятельной жизни ввиду ограничений экономического порядка, сложившейся традиции взросления и режима социальной поддержки, не позволяющего быстро отделиться от родительской семьи на пути к самостоятельной жизни.

Иными словами, значимость семьи как пространства родственных связей, как опоры и поддержки, важнейшего жизненного базиса не только не снижается в эпоху, когда молодежь наделяется особой ролью (ролью генератора нового, способного производить и внедрять в социальную практику инновации), но и значительно повышается. Высокая ценность семьи, которая предстает в совокупности семейных ценностей супружества, родительства и родства, у российской молодежи прежде всего связана с родством, однако личные семейные практики молодежи говорят об обратном: увеличивается возраст вступления в брак, рождения первого ребенка, а молодые семьи в России являются самыми неустойчивыми. О последнем свидетельствует высокая динамика разводов среди молодых семейных союзов, а статистика по разводам в России уже давно тревожит демографов: который год в нашей стране распадается порядка 57 % браков[176]. Для современных россиян в настоящей (идеальной) семье должны царить взаимопонимание, взаимоуважение, забота друг о друге (66 %), счастье, гармония (28 %), любовь (20 %), а также благополучие и достаток (16 %), и, что примечательно, фактор духовного благополучия семьи, взаимопонимания в ней наиболее значим для самой юной

[176] На 10 свадеб – 8 разводов: в День семьи, любви и верности демографы заговорили о брачном поведении россиян. URL: https://www.mk.ru/social/2025/07/07/na-10-svadeb-8-razvodov-v-den-semi-lyubvi-i-vernosti-demografy-zagovorili-o-brachnom-povedenii-rossiyan.html (дата обращения: 01.11.2025).

когорты среди молодежи (18–24 года) – 78 %[177]. Соответственно, устойчивость семьи для молодежи ассоциируется с этими факторами, как и поиск брачного партнера, и в этом отношении далеко не все так просто.

В российском обществе фиксируется рост одиночества как жизненного стиля, и среди молодежи такой стиль жизни – стиль «соло» – получает распространение в плане восприятия его как альтернативного в условиях, когда поиск партнера, спутника жизни становится все более сложным процессом. Так показали данные ВЦИОМ, при этом зафиксировавшие, что наиболее уязвимым поколением перед этой эпидемией одиночества в России стали зумеры: они в 1,6 раза чаще россиян в целом испытывают страх одиночества, страх того, что не найдут себе пару[178]. Для этого поколения поиск партнера представляется более сложным, нежели миллениалам и другим поколениям россиян. В целом же проблема одиночества, как говорят эксперты ВЦИОМ, приобретает национальный масштаб: растет число одиноких людей, причем не только в крупных городах, и, что важно, меняется общественное восприятие одиночества: к нему растет иммунитет, т. е. россияне перестают испытывать перед ним страх (за последние 15 лет доля таких россиян выросла с 54 до 68 %). На основе данных ВЦИОМ эксперты приходят к выводу, что мир стремительно меняется и в нем меняется отношение к тем, кто живет в стиле «соло»: к ним уже не относятся как к маргиналам, к ущербным людям, а их уже немало – более 40 %, и XXI век демонстрирует переход к эре самодостаточности и жизни в формате «соло», когда одинокие люди не будут вызывать одобрение или осуждение, жалость или восхищение, так как этот вариант жизни будет признан нормой[179].

Мы видим источник этой масштабной для всего современного мира, и российского в том числе, проблемы в трансформации ценности семьи. Недаром

---

[177] Идеальная семья – 2023. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023 (дата обращения: 03.05.2026).

[178] Жизнь в стиле соло. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-v-stile-solo (дата обращения: 04.05.2026).

[179] В России около 40 % одиноких людей – и они не ждут ни восхищения, ни жалости. URL: https://www.mk.ru/social/2026/04/14/v-rossii-okolo-40-odinokikh-lyudey-i-oni-ne-zhdut-ni-voskhishheniya-ni-zhalosti.html (дата обращения: 11.05.2026).

мы начали с того, что в молодежной среде на уровне эмпирических замеров, в том числе всероссийского масштаба, фиксируется высокая ценность семьи (она входит в тройку самых важных ценностей), и мы предположили, что эта высокая ценность связана в большей степени с ценностью родства у молодежи, со значимостью семейных (родительских, родственных) связей. Происходит это в условиях, когда именно на семью возлагается основная забота о настоящем и будущем детей, когда взросление молодежи (этап образования, включения в профессиональное поле после получения образования) уже не является объектом общественной регуляции и государственной системы социальной поддержки и защиты, как это было, к примеру, в советское время. Подкрепляет наше мнение относительно значительного смещения к родственности в системе семейных ценностей у молодежи распространение отложенной брачности и отложенного родительства, вариативных форм семейно-брачных отношений (гостевых, «гражданских» семей), а также ориентация на жизнь в стиле «соло».

И мы решили обратиться к мнению экспертов с этим вопросом: чем, с их точки зрения, можно объяснить ситуацию, когда при высокой ценности семьи в молодежной среде закрепляются обозначенные выше тенденции семейных практик, для многих исследователей свидетельствующих о кризисе семейных ценностей и установок российской молодежи? Почему декларируемая высокая ценность семьи сочетается с тем, что молодежь не спешит создавать семьи, обзаводиться детьми, получает распространение феномен добровольного отказа от создания семьи (добровольное одиночество) и рождения детей (чайлдфри)? Анализ суждений экспертов позволяет выделить несколько концептуальных положений.

Первое связано с признанием изменения ценностных оснований самой семьи в сознании молодежи, которая теперь не мыслится как необходимая и единственно возможная для достижения благополучия, жизненного комфорта и

жизненного счастья форма существования, а стала одной из форм жизненной самореализации[180]:

– Для наших родителей семья была данностью, необходимостью, традицией, а сегодня молодые люди относятся к семье как «зоне комфорта». Это создает фундаментальное противоречие. Семья воспринимается как источник психологического комфорта, зона «безусловного принятия». Молодые люди ищут идеальные, психологически комфортные отношения. Если эта планка не достигается (начинаются бытовые или финансовые трудности, а они практически всегда начинаются), исчезает и ценностный, и социальный стимул сохранять союз (информант 9).

– Знаете, я не вижу тут никакого противоречия. Я вижу подмену понятий. Семью «ценить» и семью «строить» – это разные вещи. Нынешняя молодежь научилась очень красиво говорить о ценностях, писать в социальных сетях «семья – это главное». А как доходит до дела, так сразу находятся причины. «Я еще не готов», «мы не сошлись характерами», «я хочу пожить для себя». Это не ценности – это декорации (информант 20).

Иными словами, в современном обществе брак и семья перестали быть единственно возможными формами существования, самореализации, перестали восприниматься как явление фундаментальное, постоянное, «на всю жизнь», поскольку всегда можно выйти из брака, если он перестал *«доставлять положительные эмоции»* (информант 9).

Близкой позиции придерживаются и другие эксперты, акцентирующие внимание на сложности реализации семейных стратегий в условиях отсутствия моделей семейного поведения и устойчивых механизмов его поддержания (социально-экономического) на должном уровне в социуме. Это в целом способствует пролонгации юности, отложенному взрослению с точки зрения

[180] Добреньков И. В. Жизненные траектории молодежи Ростовской области в контексте трансформации семейных ценностей (на материалах экспертного опроса) // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 6. С. 154.

создания семьи и принятия «взрослых» ролей, перехода к иным жизненным ценностям как приоритетным:

– Сегодня молодежь брошена в море неопределенности и огромных жизненных соблазнов, которые не ограничиваются семейной жизнью. Никто не готовит к семейной жизни. А кто будет готов, если почти половина семей в России – неполные семьи, которые образуются в результате высокой динамики разводов? И в итоге (подходя к выводу) ценность семьи высокая, желание создать семью присутствует, а как это сделать, чтобы не ошибиться, а как поддержать благополучие семьи, когда отсутствуют механизмы реальной поддержки молодой семьи (бесплатное жилье, достойные пособия по уходу за ребенком)? Вот и получается, что желаемое расходится с действительным (информант 8).

– Разрыв связан, скорее всего, с экономической ситуацией, с нестабильностью финансового плана и неуверенностью в том, что будет завтра. Соответственно, как ценность у молодежи она [*семья*] *присутствует, но как реальная реализация она немножко откладывается* (информант 2).

Безусловно, высокий процент неполных семей в России – важный фактор неподготовленности молодых к семейной жизни, поскольку образец семейной жизни в таких семьях – отнюдь не полная семья. И в этой семье сложно передать молодому поколению полноценный набор семейных ролей и функций, культуру семейных (супружеских, родительских) отношений, а нигде больше этому, по сути, не учат. Нет централизованного семейного воспитания. Ни в школах, ни в вузах. Согласно мнению экспертов, в реализации демографической политики в России недооценен такой ресурс, как преподавание курса по семьеведению, и только в трех из 89 регионов страны (в Самарской, Тверской и Херсонской областях) семьеведение преподается во всех школах; в ряде регионов этот предмет преподается в отдельных школах[181]. В итоге молодежь вступает в брак,

[181] Только в трех из 89 регионов массово преподают семьеведение в школах. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/07/28/1127318-tolko-v-treh-iz-89-regionov-massovo-prepodayut-semevedenie (дата обращения: 20.05.2026).

набивает собственные шишки, разводится… Законодательство в отношении разводов довольно либеральное, как и общественное мнение: прошло то время, когда человека осуждали за этот поступок (развод). Закрепилась идеология права каждого человека на выбор семейной стратегии, в том числе и в отношении изменения семейного статуса или вовсе отказа от такового.

Есть и позиции с более жесткой оценкой разрыва между ценностями семьи и реальными практиками в семейной сфере молодежи с мотивировкой ее низким уровнем ответственности, нежеланием связывать себя обязательствами, что проявляется в высокой динамике гражданских браков (сожительства):

– В гражданском браке партнеры не связывают себя обязательствами друг перед другом, более того, беременность может явиться причиной разрыва отношений. Скорей всего, ориентация молодых людей на «гражданский брак», с непонятным доводом «хотим проверить свои отношения», и лежит в основе эрозии ценности семьи и семейных отношений (информант 11).

Другие эксперты в оправдание молодежи говорят о ее честности в отношении к планированию семейных практик и их реализации в соответствии со сложившимися жизненными (прежде всего, социально-экономическими) условиями:

– Ну, молодежь семью ценит – это правда. Но ценить и быть готовым жить семейной жизнью – вообще не одно и то же… Зарплаты нестабильные. Жилье дорогое. Особенно если это не Ростов ваш, а наши Шахты, Гуково, Зверево или еще дальше. Там молодежь часто вообще не понимает, как ей отдельно жить. И молодежь стала честнее к себе. Если человек понимает, что не вытянет семью эмоционально или финансово, он откладывает брак (информант 13).

На такой фактор, как влияние семейного опыта родителей, сложного опыта отказа от каких-то благ ради детей, семьи, указывают другие эксперты, апеллируя к постперестроечным временам, временам кризисных 1990-х гг. Именно эти дети вступили сейчас в репродуктивный период, и, как отмечает информант 2, «*эта семейная ценность и разрыв между желанием создать семью – это*

ответственность, которую они не хотят на себя брать, потому что их родители жили в достаточно ограниченных условиях». Иными словами, речь идет о проекции семейной жизни родителей, очень непростой в указанный период, на собственную семейную жизнь, что и заставляет откладывать семейные планы до определенного момента, связанного с моральной и финансовой готовностью.

Фактор изменения общественной парадигмы, идеологии жизни с переходом от «Мы» к «Я» также был отмечен экспертами в качестве значимого[182]:

– Изменилась во многом парадигма самого человека в обществе. Если раньше ты – часть коллектива, и ты должен встраиваться в общество, то теперь вся информационная повестка идет: сначала ты, а потом общество (информант 5).

Влияние западных ценностей все же отмечается экспертами, хотя большинство видит российскую специфику в отложенном взрослении. Приведем одно из мнений:

– Идеологический импорт все-таки происходит: установка на «самореализацию», на то, что сначала нужно «найти себя», объездить мир. Это западные идеи, которые наша молодежь проглотила через интернет, через эти ваши рилсы и тиктоки. И теперь 25-летний парень рассуждает о том, что «еще не готов к серьезным отношениям». Да в 25 лет мой отец уже имел семью, работу и строил дом! (информант 20).

Стоит признать, что изменились ценности молодежи, ее взгляд на жизнь, на то, что хочет молодежь от жизни, от семьи. Очень точно, как нам представляется, эта идея была высказана в одном из интервью:

– Тут вот какой парадокс: молодые люди очень хотят семью, это для них безусловная ценность, но они не хотят ту «классическую» семью, которая требует от них немедленного самопожертвования (отказ от карьеры, от

[182] Добреньков И. В. Жизненные траектории молодежи Ростовской области в контексте трансформации семейных ценностей (на материалах экспертного опроса) // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 6. С. 155.

комфорта, от возможности пожить для себя, от путешествий и открытия мира и т. д.) (информант 9).

Молодежь в каком-то смысле боится реальных отношений, реальной семьи, боится того, что она не оправдает ожиданий, не будет соответствовать каким-то идеальным представлениям, которые сейчас во многом формируются внешними агентами (в условиях, когда личные семейные истории, истории родительских семей не всегда могут служить образцом). Эта мысль была хорошо высказана в одном из интервью:

– Когда молодой человек говорит в опросе, что семья важна, он имеет в виду некий идеальный образ – тепло, поддержку, близость. То, что молодые люди видят в медиа: в фильмах, сериалах, шоу. Но реальная семья, которую он видел в детстве или вокруг себя, зачастую выглядит совсем иначе: конфликты, финансовое напряжение, взаимные претензии и все такое. И вот между этим идеалом и этой реальностью – огромная пропасть (информант 18).

Таким образом, в сознании молодежи семья как идея, как идеальная картинка присутствует, но присутствует и страх ее создать, поскольку высок риск разочарования, особенно с учетом возросших требований к партнеру и к качеству отношений. Молодежь, как было выявлено ранее, стремится к эмоциональной близости и зрелости, общим ценностям, взаимному уважению, т. е. к равноправным (эгалитарным) отношениям. Однако найти такого же человека, со схожими убеждениями и умением выстроить такого рода отношения, довольно непросто, и в этом видится большая проблема

Молодежь иначе смотрит на семейные отношения, на семью, которая уже является не базисом, а частью жизненного мира молодежи, его смысложизненного ядра. А какое оно – это ядро? Что выступает жизненным смыслом молодежи, целью ее существования, которой подчиняются остальные ее жизненные цели и траектории? Мы полагаем, что это ядро составляет сама жизнь, интерес к ней в контексте реализации личных интересов. Произошел парадигмальный поворот в смысложизненных ценностях молодежи. Теперь их ядро составляет ценность самой жизни во всем многообразии ее возможностей,

благ в координатах «здесь и сейчас», что делает неактуальными любые долговременные жизненные проекты и планы, ведь «завтра» все может измениться, «завтра» может вообще не наступить.

В этой парадигме жизневосприятия и жизнеощущения изменяется и ценность семьи, и в этом изменении ничего страшного, по мнению некоторых экспертов, нет. Так, историк, генеалог О. Константинова провела поколенческий анализ семейных ценностей, придя к определенным заключениям, не имеющим жестких оценочных суждений, а констатирующим факт объективной и закономерной адаптации к меняющемуся миру, в результате чего у каждого поколения вырабатываются свои жизненные приоритеты и, соответственно, значимость семьи в жизненной самореализации. Подобный анализ позволил ей выделить несколько поколений с разными жизненными приоритетами, понимание которых позволяет пролить свет и на причины недопонимания между поколениями, и на возможные пути выстраивания межпоколенческого диалога по поводу вечных вопросов: как жить, к чему стремиться и что передать детям: это поколение строителей, поколение достижений, поколение баланса[183].

Для первого (поколения строителей) главной жизненной ценностью является безопасность, что объясняется самой жизненной ситуацией этого поколения, которое выросло в эпоху дефицита и нестабильности, когда все то, что ассоциировалось со стабильностью, и выступало жизненными ориентирами для поведения, для жизненных траекторий. Отсюда и стратегия накопительства («на черный день»), выбора гарантированных профессиональных стратегий в проектировании карьеры (государственная служба), вкладывания в будущее детей, семейного благополучия (вырастить детей, дать им образование, построить дом), и в целом для них характерна линейная траектория посменного прохождения определенных статусов и этапов обучения, профессионализации, а также укорененные стратегии жизни по типу «брак на всю жизнь», «профессия на

[183] Константинова О. Как меняются семейные ценности и почему это нормально. URL: https://companies.rbc.ru/news/7jMwlposS1/kak-menyayutsya-semejnyie-tsennosti-i-pochemu-eto-normalno/ (дата обращения: 24.04.2026).

всю жизнь». Все, что накоплено и имело материальное измерение, выступало индикатором стабильности, уверенности в завтрашнем дне. Рисковать, менять стратегию жизни – нетипичная стратегия для этого поколения. Ценилось сохранить то, что есть и дает основания для безопасности.

Для другого поколения (поколение достижений) смыслом жизни стала карьера. Это поколение эпохи перемен («лихих 90-х»), когда привычный мир разрушился, старшее поколение уже не могло свой жизненный опыт передать как верный, стабильный, гарантирующий жизненный успех, а потому этому поколению пришлось самим вырабатывать кодекс жизненного успеха, модель его достижения. Именно личные достижения стали источником социальной мобильности, а работа стала для поколения достижений основой социального бытия. Во что бы то ни стало надо было сделать личную карьер, добиться успеха, чтобы не оказаться на обочине жизни, и ради этого приходилось многим жертвовать, рисковать, открывать собственные компании, получать бизнес-образование, находить новые пути самореализации, все время держать руку на пульсе и работать, работать, работать…

Понятие и восприятие успеха меняются с появлением нового поколения – поколения миллениалов и зумеров (поколение баланса). Жизненный успех, материальный достаток, работа, которая приносит доход, – все это важно, но не является самоцелью. Для них самым значимым интересом в жизни становится сама жизнь, а работа – лишь инструмент для реализации личных интересов, для обеспечения интересной жизни. В их личные интересы, как правило, входит возможность увидеть мир, попутешествовать, уделить внимание своему саморазвитию. Реализация этой важной цели – жить интересной жизнью – предполагает использование гибких механизмов в работе и образовании, которые могут чередоваться, дополнять друг друга, и все это не для того, чтобы выжить, кому-то что-то доказать, а просто чтобы жить интересно.

Иными словами, они стремятся выстроить баланс жизни и работы, потому что для них жизнь важнее работы. По этой причине исследователи часто, описывая зумеров, указывают на эту их особенность – стремление сохранить

баланс между работой и личной жизнью, так как они дорожат своим временем, личной жизнью и не готовы ею жертвовать во имя работы, карьеры, предпочитая трудиться в комфортном режиме, который позволяет уделять достаточно внимания близким людям и увлечениям. При этом они ориентированы на саморазвитие, обучение, креативное самовыражение и эксперименты, на деятельность ради блага общества[184].

Однако современное молодое поколение – это не только зумеры, а потому сама многоликость поколенческого облика молодежи выступает причиной сложности поиска ответов на вопросы, связанные с ее жизненными приоритетами и ценностями.

В любом случае мы можем определенно считать, что значительные изменения в сознании и модели поведения молодежи выражаются в такой массовой тенденции, как отложенное взросление, и это, как мы уже отмечали, находит выражение во всех трех ключевых траекториях жизни – образовательной, профессиональной и семейной. И не будет опрометчивым сказать, что в этих отложенных жизненных планах, стратегиях основную роль играет фактор личных интересов, личного интереса к жизни, желания как можно больше увидеть, как можно больше попробовать в ней, попытаться самореализоваться, используя различные ресурсы и механизмы. Это может показаться эгоцентричной стратегией, и некоторые исследователи так и думают (в том числе об эгоцентризме молодежи рассуждали и некоторые их экспертов в нашем исследовании), а мы, в свою очередь, видим в этом ценностном повороте причину изменений в жизненных траекториях, в нестабильности молодых семейных связей, структур. Прожить жизнь ради другого/других, посвятить себя не только личным интересам и даже не столько, жить интересами своих родных и близких (жены/мужа, детей) – все то, что символизирует любовь (а именно она выступает основной мотивацией создания семьи), – не укладывается в парадигму жизни

[184] Суховская Д. Н. Социологическое исследование поведенческой моды поколения Z: зумеры и практики филантропии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 160–178.

«для себя». И даже если будут созданы идеальные условия (экономические, жилищные), которые позволяет раньше повзрослеть с точки зрения экономической самостоятельности и финансовой независимости, сможет ли это кардинально изменить ситуацию – изменить отношение к семье, станет ли она снова смысложизненной ценностью номер один? Возможно, и нет, но стоит согласиться, что это может способствовать более устойчивым практикам в семейной жизни и более высокой степени реализации установок на семью, брак, рождаемость. Но для кардинальных перемен должны произойти кардинальные сдвиги в сознании, в духовной культуре.

Приведем мнение одного из экспертов, хорошо демонстрирующее важность не экономической, а духовной зрелости личности[185]:

– Разрыв между ценностью и реальностью преодолевается только тогда, когда символическая ценность семьи подкрепляется достойными материальными условиями (жилье, доход) и, что не менее важно (а я полагаю, что более важно), душевной, духовной, психологической зрелостью и совместимостью партнеров. Отказ от эгоизма, инфантильности, способность брать ответственность за другого. Пока этого нет, распад молодой семьи будет оставаться статистической нормой (информант 9).

Отложенное взросление – явление универсальное для современного мира и его молодого поколения, но удивительно быстро оно стало очень выраженной тенденцией развития российской молодежи, очень быстро принято ею самой и миром взрослых, без поддержки которого (прежде всего, семьи) такая траектория взросления молодежи не стала бы нормой для российского общества, а судя по масштабам этого явления, это уже практически социальная норма. Какие же причины, какие специфические условия способствуют взрослению молодежи в формате пролонгации юности и откладывания важных жизненных этапов и решений «на потом»?

[185] Добреньков И. В. Жизненные траектории молодежи Ростовской области в контексте трансформации семейных ценностей (на материалах экспертного опроса) // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 6. С. 156.

Мы проанализировали экспертные мнения по этому вопросу и пришли к некоторым выводам.

Первый связан с влиянием самой семьи, ее культурой родительства, воспитания и материнства. Этот вывод напрашивается сам собой: семья сама не отпускает молодежь, берет на себя ответственность за них, ведет по жизненному пути, обеспечивая поддержкой на этапах образования, профессионализации и даже семейной жизни (в случае необходимости и возможности). И, соответственно, молодежь не спешит брать ответственность на себя за свою жизнь как можно дольше – пока позволяет ситуация. Приведем некоторые из суждений экспертов про отложенное взросление молодежи:

– Также (в отличие от западных обществ, где дети уже в семнадцать лет уходят в свободное плавание) в России родители долго не отпускают детей, а дети не спешат брать на себя ответственность за свою жизнь (информант 9).

– Хотелось бы отметить еще такой факт: играет роль и российская ментальность. У нас принято «вести» детей долго, помогать им, а не расставаться с ними, как только они достигнут возраста совершеннолетия (информант 8).

– Вот это уже чисто наше, российское, наша особая модель родительства. Мы очень долго держим детей под крылом… Российская мать – она гиперопекающая часто, потому что растит ребенка одна. Вот как его отпустить? И это уже культурная традиция наша – растить детей без отцов и опекать их. Дети дольше живут с родителями не только потому, что дорого снимать жилье, но и потому, что родители сами это позволяют, и причем с радостью (информант 12).

Эксперты, конечно же, указали и на объективные экономические ограничения (низкая оплата труда, недоступность жилья, невозможность найти работу по специальности и т. д.), которые значительно определяют модели поведения молодежи, оказывая еще большее влияние, нежели абстрактная приверженность западным ценностям индивидуализма. Иными словами, в России отложенное взросление скорее вынужденная стратегия выживания**,** а не

свободный выбор молодежи. Она не столько «не хочет» взрослеть, сколько ей не дает этого сделать экономическая ситуация, рынок труда (невозможность найти нормальную, достойно оплачиваемую работу по специальности) и рынок жилья (его недоступность).

Таким образом, в фокус внимания экспертов попала и социально-экономическая ситуация как среда становления и развития молодежи, неблагоприятная для ее взросления:

– Тенденция отложенного взросления действительно носит универсальный характер, она характерна и для современных западных обществ, но в России она обретает специфические черты, у нас отложенное взросление происходит сейчас на фоне геополитической нестабильности, на фоне СВО, угрозы мобилизации, на фоне неэффективных и нестабильных институтов и отсутствия подушки безопасности, что делает его не просто долгим, а кризисным» (информант 9).

– Возможно, молодежь и хотела бы без помощи родителей жить, реализовывать свои жизненные стратегии, но как? Как учиться без помощи родителей, когда стипендии такие мизерные? Как создать и поддерживать семью молодым, в своем большинстве еще не имеющим профессионального статуса и соответствующей зарплаты? Потому и откладывают создание семьи и рождение детей (информант 8),

– У нас экономическая нестабильность в стране. И я вижу по нынешним детям, что они очень прагматичны, гораздо прагматичнее, чем мы были в их возрасте. Они говорят: я не буду заводить семью, пока у меня нет жилья. Я не буду рожать ребенка, пока не встану на ноги. И это – не инфантилизм, это рациональный выбор (информант 12).

– Тенденция общемировая, но в России есть свои особенности. Во-первых, у нас очень длинный переход во взрослую жизнь из-за, грубо говоря, бедности. Во-вторых, резкие исторические перемены последних десятилетий. Раньше путь был понятнее: учеба, работа, семья. Сейчас траекторий много, и человек дольше выбирает, сложнее стало (информант 13).

В экспертной среде сложились и более жесткие оценки отложенного взросления молодежи и причин, порождающих данный процесс. Претензии адресуются самой молодежи:

– На взросление молодежи огромное влияние оказывают социальные сети, более того, можно утверждать, что взросление происходит через социальные сети, ибо там можно найти любую информацию. Кроме того, российская молодежь начала подражать образу жизни западной молодежи, впитывать их культуру с доминированием прав человека: в этом нет ничего плохого, если не игнорируются наши национальные традиции и культура, ценности взаимоотношений отцов и детей» (информант 10).

Жесткие оценки связываются и с самой системой воспитания детей, с трансформацией трудового воспитания. В этом некоторым экспертам также видится причина отложенного взросления молодежи в России, когда из детей родители, пережившие тяжелые 1990-е, сделали культ:

– Основная проблема, на мой взгляд, связана с тем, что возложение обязанностей на ребенка при воспитании его должно начинаться с самого, самого юного возраста. А, к сожалению, родители сейчас детей возвели в культ. Я вот все сделаю, но чтобы у него все было. И сам ребенок не интегрируется в эту систему общественной жизни, потому что у него нет обязанностей. И за него все обязанности выполняют родители, бабушки (информант 5).

Эксперты, представляющие органы региональной власти и общественные организации (в частности, клуб молодых семей), обращают внимание на то, что в Ростовской области достаточно активно реализуется политика поддержки молодых семей, формирования у них родительской культуры и ценностей семейного образа жизни. Если мы обратимся к региональным проектам, программам, реализуемым в области, то может действительно показаться, что молодежь, ее семейные устремления и потребности находятся в зоне пристального внимания и значимой поддержки со стороны органов власти. Прежде всего, в рамках национального проекта «Семья» в области реализуется пять региональных проектов: «Поддержка семьи», «Охрана материнства и

детства», «Многодетная семья», «Семейные ценности и инфраструктура культуры», «Старшее поколение»[186]. Особо пристальное внимание уделяется многодетной семье. В рамках регионального проекта «Многодетная семья» в 2025 г. введены дополнительные меры поддержки: организованы пункты проката предметов первой необходимости для детей; назначена компенсация в размере 50 % стоимости обучения одного из детей в семье многодетного типа; при рождении третьего и последующего ребенка молодая семья получает 300 тыс. руб.[187] Также реализуется ряд других мер поддержки в области оплаты коммунальных услуг, детских пособий, проезда на общественном транспорте[188]. По итогам 2025 г. в Ростовской области мерами поддержки обеспечены 58,1 тыс. многодетных семей[189].

В экспертных интервью в качестве новой меры поддержки рождаемости в Ростовской области, реализуемой в рамках региональной программы «Повышение рождаемости на 2023–2027 годы», отмечалась бесплатная услуга «Социальная няня», но воспользоваться ею могут только определенные категории семей (многодетные семьи с детьми в возрасте до трех лет; семьи, имеющие ребенка-инвалида; семьи с ребенком/детьми в возрасте до трех лет при условии, что один или оба супруга проходят обучение по очной форме; малоимущие семьи; матери-одиночки, имеющие детей в возрасте до трех лет, и др.). Иными словами, к примеру, полные семьи с одним ребенком (здоровым) и работающими родителями данной услугой воспользоваться не могут. Услуга была введена

[186] Региональные проекты Ростовской области 2025–2030. URL: https://www.donland.ru/upload/uf/fb0/yt3rs3u9n1a92c1szsylo9a849ajc1s7/2026_04_20_Buklet-Regionalnye-proekty-Rostovskoy-oblasti-2025_2030.pdf (дата обращения: 20.05.2026).

[187] Отчет о деятельности министерства труда и социального развития Ростовской области за 2025 год. URL: https://www.donland.ru/result-report/2811/ (дата обращения: 20.05.2026).

[188] Поддержка многодетных семей в Ростовской области. URL: https://www.donland.ru/activity/2093/ (дата обращения: 20.05.2026).

[189] Ростовская область. Итоги реализации национальных проектов. URL: https://www.donland.ru/upload/uf/f2e/tiptd3fywy37hgriz33y7sgzftmtbegv/Buklet-Itogi-realizatsii-natsionalnykh-proektov-2025.pdf (дата обращения: 20.05.2026).

недавно, а потому масштабы ее использования пока невелики: воспользовались ею по состоянию на 01.04.2026 всего 94 семьи[190].

С целью распространения ценности семейного образа жизни, укрепления традиционных семейных ценностей в молодежной среде и укрепления молодой семьи в Ростовской области с 2021 г. получает развитие региональный клуб молодых семей. На данный момент в области насчитывается более 150 таких клубов. В их поле деятельности входит проведение лекций молодым семьям, организация встреч, концертов, мастер-классов, различных игр на природе, конкурсных программ по семейной тематике[191]. В экспертных интервью деятельность региональных отделений клуба освещалась довольно подробно, давались положительные оценки их деятельности, но отмечалась низкая вовлеченность молодежи и молодых семей – в основном по причине дефицита времени ввиду трудовой занятости.

В завершение параграфа и для подведения итогов всей главы следует отметить, что в таком кардинальном социально-демографическом сдвиге молодежи, как отложенное взросление, который отражается на всех жизненно важных стратегиях и траекториях жизни (образовательной, профессиональной, семейной), неминуемо можно увидеть проявление влияния двух факторов: изменения роли семьи в жизни молодежи и изменения ценности семьи как смысложизненного основания.

В контексте меняющейся роли семьи в жизни молодежи анализируется феномен отложенного взросления. Нося универсальный характер для современного общества и молодежи экономически развитых государств, данное явление имеет и внутренние, специфические ресурсы для своего довольно интенсивного развития в России, и в Ростовской области в частности. Это сложившаяся модель семейного воспитания с культом детей и установкой на оказание помощи со стороны семьи как непреложную часть семейной культуры

[190] «Социальная няня». URL: https://mintrud.donland.ru/presscenter/news/424522/ (дата обращения: 20.05.2026).
[191] Молодежная политика. URL: https://www.donland.ru/activity/219/ (дата обращения: 20.05.2026).

помощи детям в условиях, неблагоприятных для самостоятельной жизненной самореализации, ставшая нормой и для молодежи, и для взрослых. Все эксперты в нашем исследовании единодушны в том, что семья должна помогать молодежи обрести образовательно-профессиональный статус, так как самостоятельно она не может этого сделать в случае запроса на качественное образование, да и в дальнейшей жизненной траектории помощь не возбраняется, если семья имеет возможность помогать нуждающимся детям.

В качестве ключевого был сделан вывод о том, что современная молодежь иначе воспринимает семейные отношения, семью, которая, сохраняясь на уровне экзистенциальной ценности, как некий атрибут жизни любого человека, перестала быть базисом конструирования жизненного мира и реализации жизненно важных целей и задач. Ценность родственных уз, связей, отношений для молодежи очень высока, и это неудивительно, ведь, по сути, семья – это единственная опора (материальная, эмоциональная), на которую молодежь может всегда рассчитывать, возвращаясь на разных этапах в родительскую семью вновь в статусе ребенка, «проигрывая» заново или по-другому этапы жизненной самореализации в траектории, лишенной закономерности линейности и подчиненной целям и задачам молодой личности в данный период ее жизни.

Семья для современной молодежи с точки зрения ее личных семейных установок и взглядов на семейную жизнь – один из возможных сценариев жизненной самореализации, для которого необходимы адекватные жизненные условия. Создание семьи – не самоцель, как и получение образования, обретение профессии и реализация в ней. Жизненно важной целью для молодежи, ее смысложизненной ценностью является сама жизнь. Интерес к жизни, стремление многое успеть в ней, увидеть, попробовать, не ограничиваясь заранее известными и долгосрочными проектами, планами, – смысложизненная траектория молодежи, т. е. траектория движения к основной цели – интересно жить, подчиняя этой цели все остальные жизненные этапы, с которыми ассоциируется взросление (получение образования, профессионализация и создание семьи).

Итак, можно говорить о значительных изменениях в смысложизненных ценностях молодежи. Теперь их ядро составляет ценность самой жизни во всем многообразии ее возможностей, соблазнов, перспектив и благ в координатах «здесь и сейчас», что делает неактуальными любые долговременные жизненные проекты и планы, которые создают барьеры на пути постижения нового, интересного и реализации себя в этом новом.

Заключение

В молодежной среде современной России и отдельных ее регионов, как показывают многочисленные данные опросов, не снижается высокая ценность семьи, которая входит в тройку жизненно важных ценностей, но при этом мы наблюдаем значительные изменения в жизни молодежи на уровне семейных практик (и планируемых, и реализуемых). В ходе исследования мы предположили, что эта высокая ценность у молодежи связана в большей степени с ценностью родства, со значимостью семейных (родительских, родственных) связей в условиях, когда именно на семью возлагается основная забота о настоящем и будущем детей, когда взросление молодежи (этап образования, включения в профессиональное поле после получения образования) всецело зависит от поддержки семьи, ее включенности в жизненные интересы и планы молодежи. Государство стремится создать условия для реализации образовательных траекторий молодых людей, их профессионального становления и развития, но целостной системы социальной поддержки молодежи на этапе, когда она должна приобретать навыки самостоятельной жизни и готовность к ответственности за собственные жизненные решения, шаги, за собственный выбор, в современном российском обществе не сложилось. Без помощи семьи, родственников, как показывают многочисленные исследования, в том числе и наши эмпирические замеры, молодежь в большинстве своем не сможет реализовать образовательные потребности и установки, эффективно профессионализироваться и даже зачастую организовать личную семейную жизнь, хотя убеждена в том (и желает этого), что должна самостоятельно справляться со своими проблемами и не зависеть от финансовой помощи родителей.

Современные реалии не позволяют быстро и безболезненно сепарироваться от родительской семьи, в результате чего ценность семьи как ценность родства значительно укрепляется в молодежной среде, чего не скажешь о ценности супружества и родительства. Отношение к ним меняется, о чем говорят показатели отложенной брачности и отложенного родительства в контексте

единой стратегии отложенного взросления, высокой нестабильности молодых семей и уровня разводов среди них. И мы полагаем, что ценность семьи в молодежной среде значительно изменилась именно в этом контексте. В сознании молодежи произошел переход к иной ценностной парадигме, смысложизненное ядро которой еще содержит семью в качестве важной ценности, но уже не доминантной, т. е. целью-принципом, определяющей конечную цель и смысл жизни, она не является.

Для того чтобы это обосновать, мы предложили ракурс исследования, связанный с жизненными траекториями молодежи, самыми главными, тесно связанными между собой и, что важно, с семьей, в которой индивид получает жизнь и проходит стадии социализации, значимые для последующей самореализации во взрослой жизни, и с которой связывается этап взросления личности, обретения самостоятельного семейного статуса. Иными словами, ценность семьи в жизненных траекториях молодежи подразумевает анализ этих траекторий с точки зрения изменения ценностного восприятия семьи в молодежной среде и ее значимости в реальных жизненных практиках (образовательных, профессиональных, семейных).

Мы провели серию эмпирических исследований (фокус-группы и глубинные интервью), а также проанализировали массив эмпирических данных регионального и всероссийского уровня по нашей проблематике, и был сделан ряд выводов, в целом подтвердивших основную гипотезу нашего исследования и позволивших объяснить ситуацию стабильно высокой ценности семьи в молодежной среде при довольно неактивной позиции молодежи в плане реализации семейных установок, а также ответить на центральный вопрос об отложенном взрослении сквозь призму меняющейся ценности семьи в жизни молодежи.

Отложенное взросление – явление универсальное для современного мира и его молодого поколения, но удивительно быстро оно стало очень выраженной тенденцией развития российской молодежи, очень быстро было принято ею самой и миром взрослых, без поддержки которого (прежде всего, семьи) такая

траектория взросления молодежи не стала бы нормой для российского общества, а судя по масштабам этого явления, это уже практически социальная норма. Какие же причины, какие специфические условия способствуют взрослению молодежи в формате пролонгации юности и откладывания важных жизненных этапов и решений «на потом»?

Мы проанализировали экспертные мнения по этому вопросу и пришли к некоторым выводам.

Первый связан с влиянием самой семьи, ее культурой родительства, воспитания и материнства. И вывод напрашивается сам собой: семья сама не отпускает молодежь, берет на себя ответственность за них, ведет по жизненному пути, обеспечивая поддержкой на этапах образования, профессионализации и даже семейной жизни (в случае необходимости и возможности). И, соответственно, молодежь не спешит брать ответственность на себя за свою жизнь как можно дольше – пока позволяет ситуация.

Второй вывод связан с реалиями жизни в России, с социально-экономическими условиями, не позволяющими гармонично и быстро встроиться на правах взрослеющего поколения в систему социально-производственных и в целом социальных отношений. Без помощи семьи это удается незначительной части молодежи. Остальная ищет свой путь, новые формы и способы профессиональной самореализации, возвращаясь к образовательным практикам в самом различном формате (образовательные программы, онлайн-курсы, второе высшее, профпереподготовка и т. д.). При этом исследовательские позиции разделились: кто-то из экспертов с пониманием отнесся к ситуации молодежи, к ее сложностям жизненной адаптации и самореализации, а некоторые в самой молодежи видят источник ее проблем – в том, что она не стремится, не желает взять на себя ответственность за свою жизнь, откладывая решение жизненно важных вопросов и задач.

Жесткие оценки связаны и с системой воспитания детей, трансформацией их трудового воспитания. В этом некоторым экспертам также видится причина отложенного взросления молодежи в России, когда из детей родители сделали

культ и сами «привязывают» их к себе, шаг за шагом оказывая поддержку и даже принимая за своих детей решения по жизненно важным вопросам.

В отношении отложенных семейных практик и стратегий молодежи, слабо сочетающихся с высокой ценностью семьи в ее массовом сознании, также были выявлены различные исследовательские позиции, одна из которых нам представляется наиболее адекватной сложившейся ситуации и имеющей эмпирическое подтверждение (в том числе в серии наших фокус-групповых исследований, проведенных с молодежью Ростовской области). Речь идет об изменении ценностных оснований самой семьи в сознании молодежи, которая теперь не мыслится как необходимая и единственно возможная форма существования и траектория самореализации для достижения благополучия и жизненного комфорта. Теперь семья для молодежи – лишь одна из форм жизненной самореализации, предполагающая определенный уровень социального и материального благополучия как необходимое условие реализации отложенных решений относительно семьи, брака и рождения детей.

Также значимы и адекватны российским реалиям выводы относительно сложности реализации семейных стратегий молодежью в условиях отсутствия моделей семейного поведения и устойчивых механизмов поддержания на уровне государственной социальной политики молодежи, ориентированной на создание семьи и реализацию репродуктивных установок. Отсутствие социально-экономического базиса для подобных практик способствует пролонгации юности, откладыванию на более длительный срок семейных планов и принятия «взрослых» семейных ролей в рамках перехода к семейному образу жизни.

Также среди факторов изменения отношения к семейным ценностям с точки зрения их реализации был выявлен фактор влияния семейного опыта родителей, который противоречит установкам современной молодежи на реализацию личных жизненных интересов и потребностей, на познание этого мира и себя в нем, поскольку поколение родителей современной молодежи в основном воспитывало своих детей в условиях перехода к новым постсоветским реалиям, и эти условия были непростыми. Таким образом, речь идет о проекции семейной жизни

родителей, очень непростой в период 1990-х гг., на собственную семейную жизнь с пониманием всех сложностей родительства в обществе, в котором только от семьи в основном зависит самочувствие детей, их образовательный, интеллектуальный уровень и перспективы жизненной самореализации.

Современное молодое поколение миллениалов и зумеров, как принято говорить в науке о поколениях, в совершенно ином мире формирует свое отношение к нему, к жизни, к себе. Этот мир стал цифровым для старших поколений, а для молодых он таким был изначально. Этот мир разнообразен, предоставляет массу возможностей жизненной самореализации и изменчив настолько, что сама логика планирования теряет всякий смысл с точки зрения заранее продуманных путей самореализации с замахом на всю жизнь. Любые ограничения, а именно с ними связывается факт долгосрочного планирования и самоопределения в профессии, образовании и даже в семье, противоречат самой парадигме жизни «здесь и сейчас» и ценностной парадигме жизни. В ее основе находится сама жизнь как ценность, как средоточие личных интересов и самого смысла жизни.

И в этой парадигме меняется отношение к семье, к ее ценности. Оно не становится плохим, не говорит о том, что благодаря этому происходит разрушение семейных ценностей общества и института семьи. Нет. Это совсем другой взгляд на мир, в котором семья, хотя и является важной ценностью, уже перестала быть фундаментом, базисом мироздания и мировосприятия, а стала восприниматься как часть жизненного мира. Жизненным смыслом молодежи, целью ее существования, которой подчиняются остальные жизненные цели и траектории, теперь выступает сама жизнь, интерес к ней в контексте реализации личных интересов. Произошел явный сдвиг в смысложизненных ценностях молодежи, и это отражается на ее жизненной траектории.

В качестве ключевой рекомендации на основе полученных результатов можно предложить не демонизировать ситуацию, связанную с трансформацией жизненной траектории молодежи в формате отложенного взросления, и рассматривать ее более длительный путь к обретению образовательно-

профессионального статуса и семейному самоопределению, во-первых, как вынужденную адаптацию к нестабильным и не всегда благоприятно складывающимся социально-экономическим условиям российских и мировых реалий, усугубленным кризисными геополитическими факторами (международная напряженность, СВО), а во-вторых, как более ответственный подход к принятию важных решений, особенно в отношении создания семьи и рождения детей. В стремлении определиться в выборе будущей профессии и самореализоваться в ней, более серьезно подготовиться к созданию семьи и родительству в плане обретения финансовой независимости молодежь следует поддержать, создав для этого необходимые условия, которые позволят молодежи обрести то, чего ей так, согласно эмпирическим данным, не хватает, – ощущение стабильности.

В целом можно выделить ряд проблем, связанных с образовательной и профессиональной самореализацией молодежи в Ростовской области, которые были озвучены в разговоре с экспертами и молодежью (соответственно, рекомендации адресованы прежде всего органам исполнительной власти – министерству образования и министерству труда и социального развития Ростовской области, а также работодателям):

– отсутствие системы профориентации в системе школьного образования как единой и повсеместно внедренной в практику молодежной политики, в результате чего осуществляется неосознанный, а часто несамостоятельный профессиональный выбор (требуется разработка или внедрение уже имеющейся и реализуемой в ряде регионов РФ модели профориентации школьников с условием наличия единой и постоянно обновляемой базы профессий на региональном рынке труда с навигационной системой, содержащей полную информацию о содержании, функциях, оплате, наличии мест в той или иной сфере профессиональной деятельности; создание возможности непосредственного ознакомления с профессией в рамках практикоориентированных встреч и занятий с работодателем);

– неадекватные с точки зрения удовлетворения минимальных жизненных потребностей стипендии обучающимся в вузах и ссузах (требуется значительное повышение размера стипендий, расширение спектра и размера премий за особые заслуги студентам, добившимся успехов в ходе образовательной деятельности);

– размер оплаты труда молодых специалистов по целому ряду специальностей (например, в системе образования) на начальном этапе крайне низкий, что ориентирует молодежь на поиск работы порой в совершенно противоположных полученному образованию профессиональных сферах, уход во фриланс, получение новой профессии, т. е. на пролонгацию образовательной траектории (необходимо восстановить контроль за оплатой труда молодым специалистам по ключевым для воспроизводства социально-экономического и социокультурного потенциала региона профессиям);

– структурный дисбаланс рынка труда в регионе: выпускники массово получают профессии, которые не востребованы экономикой региона, а вакансии, которые есть, не привлекают молодежь из-за низкой оплаты или тяжелых условий, в результате чего возникает очередная волна «утечки мозгов» из региона в более благополучные с этой точки зрения (требуется постоянный мониторинг рынка труда с целью оптимизации подготовки специалистов в образовательных учреждениях в соответствии с имеющимся запросом и нуждами региональной экономики);

– большинство вакансий для молодежи требуют опыта работы от одного года, и выпускник, не имеющий этого опыта работы по специальности, вынужден работать вне полученной специальности (нужно на уровне нормативно-правовой регламентации внедрить положение об обязательности приема на работу выпускников вузов, чьи компетенции соответствуют квалификационным требованиям к той или иной профессиональной деятельности, при условии наличия свободных вакансий; развивать систему наставничества в профессионально-трудовой сфере для обретения молодыми специалистами профессионального опыта);

– низкий уровень информированности молодежи о реальном рынке труда, уровне зарплат, требованиях к той или иной профессиональной должности, карьерных траекториях (данная проблема решается в рамках разработки и реализации единой модели профориентации молодежи).

Итак, для успешной реализации образовательных и профессиональных траекторий молодежи, уже лишенных линейного формата, требуется соответствующая современной цифровой эпохе система профессионального самоопределения, а также адекватная государственная политика в области регуляции рынка труда и уровня заработной платы с поддержкой молодых специалистов. Выход на рынок труда после получения образования не должен сопровождаться страхами и рисками профессионализации в рамках выбранной специальности (сложность трудоустройства по специальности ввиду отсутствия рабочих мест, опыта работы у выпускников; низкая оплата труда, не позволяющая обеспечить необходимый минимум для поддержания достойной жизни и создания семьи).

Важность поддержки молодежи на уровне реализации ею профессиональных планов определяется также задачами поддержания еще сохраняющихся у молодежи ориентаций на семейную жизнь, для которой достижение финансовой независимости и устойчивости выступает ключевым условием. Воспринимаемая молодежью и обществом как нормальная поддержка со стороны родительской семьи образовательных и даже профессиональных планов и траекторий молодежи уже не является таковой в глазах большинства на этапе перехода к этапу реализации семейных планов. Необходимо создать режим социальной поддержки молодежи на каждом из этапов ее вхождения во взрослую жизнь: на образовательном (размер стипендий должен позволять жить и учиться без отвлечения от образовательной деятельности на трудовую), профессиональном (гарантии трудоустройства по специальности с достойной оплатой труда) и семейном (поддержка со стороны государства репродуктивных планов посредством прежде всего решения жилищного вопроса).

В плане формирования и реализации семейных траекторий молодежи Ростовской области рекомендуется:

– внедрение в систему образования (прежде всего, школьного) предмета о семье (например, семьеведения), который позволит сформировать и закрепить ценность семейного образа жизни и начальные представления о нем; в рамках получения профессионального образования необходимы углубленные курсы в области психологии семьи, семейных конфликтов и способов их разрешения, семейных традиций населяющих Россию народов, что позволит ближе познакомиться с культурой последних и будет способствовать в том числе гармонизации межэтнических отношений и укреплению межэтнических браков;

– решение жилищного вопроса для молодых семей: требуется пересмотр всех действующих программ в области жилищной политики для молодых семей на предмет их эффективности и адекватности потребностям и возможностям молодых семей и создание системы реальной государственной поддержки в области приобретения жилья на принципах адекватности социально-экономическим реалиям регионального социума и уровню доходов населения или временного решения жилищного вопроса (посредством расширенного строительства семейных общежитий, арендного жилья на льготных условиях для молодых семей, внедрения практики получения бесплатного жилья молодыми семьями посредством расширенного государственного строительства взамен семейной ипотеки, ставшей для многих непосильным финансовым бременем);

– более серьезная социальная поддержка малодетной семьи как доминантной в российском обществе, в том числе в Ростовской области (сегодня наибольшая поддержка оказывается многодетной семье); распространение ряда мер и услуг (к примеру, «социальная няня», дополнительные региональные выплаты за рождение ребенка), которые предназначены для многодетных семей и семей с особым статусом (малоимущие, с ребенком-инвалидом, неполные семьи), на семьи с ребенком, независимо от состава семьи и численности детей.

Разработка и реализация семейной политики требует глубокого понимания потребностей, установок и ориентаций молодежи в области семьи и семейных

отношений, семейных планов и траекторий. Научное сопровождение региональных программ и проектов на всех стадиях (от разработки до оценки эффективности в процессе реализации) способно обеспечить их своевременную коррекцию, модернизацию. Для этого необходима система тесного сотрудничества науки и практики, экспертного сообщества и органов региональной власти.

Семья, на которую в современной России несправедливо возложили все обязанности за воспитание и взросление молодежи, проходящей через институционально закрепленные этапы, требующие серьезных финансовых вложений в эпоху рыночной экономики, стала основным институциональным ресурсом жизненной самореализации молодежи и причиной ее запоздалого взросления. Она стала основной опорой молодежи в условиях социальной «заброшенности», примером тотальной ответственности за судьбу детей при отсутствии таковой со стороны общественных и государственных структур. Единственно возможным способом разрешения демографической ситуации в российском обществе видится возвращение к справедливому распределению ответственности за социализацию молодых поколений на этапе их перехода к взрослой жизни между семьей, обществом и государством. Сверхсубъектность современной российской семьи с точки зрения ее роли (эмоциональной, материальной) в жизни молодых людей выступает своеобразным антипримером для формирования семейных планов молодежи, что негативно сказывается на демографической повестке Ростовской области и России в целом. Принятие за основу концепции усиления субъектной роли семьи в жизни молодежи и общества как вынужденного и негативного вектора общественного развития в условиях сложившихся российских реалий – необходимое условие на пути решения актуальных проблем формирования и реализации жизненных траекторий молодежи.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003 (дата обращения: 13.03.2026). – Текст: электронный.

2. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с. – Текст: непосредственный.

3. Адеева, Т. Н. Жизненные траектории личности в современном мире: социальный и индивидуальный контекст / Т. Н. Адеева, М. А. Райкина. – Текст: непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2024. – Т. 30, № 2. – С. 131–133.

4. Аксиологические установки российской молодежи: смыслы, поведенческие практики и потенциал консолидации поликультурного российского общества / А. С. Магранов, Г. И. Чикарова, В. Г. Пантелеев, Д. А. Киселев. – Ростов н/Д ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2025. – 286 с. – Текст: непосредственный.

5. Акулич, М. М. Жизненные стратегии современной молодежи / М. М. Акулич, В. В. Пить. – Текст: непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 8. – С. 34–43.

6. Александрова, О. А. Инфантильные или ответственные: студенческая молодежь о новых тенденциях в брачно-семейной и репродуктивной сферах / О. А. Александрова. – Текст: непосредственный // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № S1. – С. 107–119. – https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119.

7. Антонов, А. И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур / А. И. Антонов. – Текст: непосредственный // Социология. – 2014. – № 1. – С. 3–20.

8. Аптекарь, П. Взросление затягивается: как меняются жизненные траектории россиян / П. Аптекарь. – URL: https://daily.hse.ru/post/vzroslenie-zatyagivaetsya-kak-menyayutsya-ziznennye-traektorii-rossiyan (дата обращения: 03.03.2026). – Текст: электронный.

9. Ардельянова, Я. А. Факторы и условия инфантилизации современной молодежи / Я. А. Ардельянова, Б. Ш. Саидов. – Текст: непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 4. – С. 32–36. – https://doi.org/10.24158/tipor.2018.4.6.

10. Артамонова, Я. В. Молодежь Ростовской области в условиях изменяющейся реальности: особенности социальных установок и социального поведения / Я. В. Артамонова, Н. К. Бинеева, А. Н. Дьяченко. – Текст: непосредственный // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – № 4. – С. 181–187. – https://doi.org/10.22394/2079-1690-2019-1-4-181-187.

11. Благорожева, Ж. О. Матримониальные стратегии молодежи как объект социологического анализа / Ж. О. Благорожева. – Текст: непосредственный // Общество: социология, психология, педагогика. – 2024. – № 11. – С. 34–40. – https://doi.org/10.24158/spp.2024.11.4.

12. В России около 40 % одиноких людей – и они не ждут ни восхищения, ни жалости. – URL: https://www.mk.ru/social/2026/04/14/v-rossii-okolo-40-odinokikh-lyudey-i-oni-ne-zhdut-ni-voskhishheniya-ni-zhalosti.html (дата обращения: 11.05.2026). – Текст: электронный.

13. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с. – Текст: непосредственный.

14. Великая, Н. М. Жизненные стратегии российской студенческой молодежи в контексте ориентаций на создание семьи / Н. М. Великая, И. С. Шушпанова. – Текст: непосредственный // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. – Серия: Социально-экономические науки. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 30–42. – https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-30-42.

15. Великая, Н. М. Прекаризация труда молодежи как фактор формирования группы «самозанятые» / Н. М. Великая. – Текст: непосредственный // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28, № 2. – С. 6–21. – https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.1.

16. Верещагина, А. В. Российская семья в эпоху перемен: автономная, неуправляемая, непредсказуемая / А. В. Верещагина. – Текст: непосредственный // Caucasian Science Bridge. – 2024. – Т. 7, № 4. – С. 108–116. – https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.10.

17. Верещагина, А. В. Трансформация института семьи и демографические процессы в современной России / А. В. Верещагина. – Ростов н/Д, 2009 : Изд-во ЮФУ. – 263 с. – Текст: непосредственный.

18. Волков, Ю. Г. Роль семьи в образовательных и профессиональных траекториях молодежи Ростовской области / Ю. Г. Волков, И. В. Добреньков. – Текст: непосредственный // Социология. –2026. – № 7. – С. 57–67.

19. Вольчик, В. В. Прекариат и профессиональная идентичность в контексте институциональных изменений / В. В. Вольчик, О. Ю. Посухова. – Текст: непосредственный // Пространство экономики. – 2016. – № 2. – С. 159–173.

20. Воробьева, И. В. Прекаризация молодежи в сфере социально-трудовых отношений / И. В. Воробьева. – Текст: непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2021. – № 3. – С. 100–112. – https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.7.

21. ВЦИОМ: 82 % молодых людей надеются реализовать себя в России. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8500116 (дата обращения: 30.06.2025). – Текст: электронный.

22. ВЦИОМ: только 10 % россиян при выборе профессии ориентируются на ее престижность. – URL: https://senatinform.ru/news/vtsiom_tolko_10_rossiyan_pri_vybore_professii_orientiruyutsya_na_eye_prestizhnost/ (дата обращения: 16.07.2025). – Текст: электронный.

23. Вялых, Н. А. Трансформация института семьи в российском обществе: социальные противоречия и социологические иллюзии / Н. А. Вялых. – Текст: непосредственный // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2021. – № 2. – С. 125–138. – https://doi.org/10.18799/26584956/2021/2(41)/1061.

24. Галюк, Н. А. Социальная инфантильность как маркер модели экстремистской личности / Н. А. Галюк. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы формирования в российском обществе научного и учебного знания по

противодействию терроризму и экстремизму : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2018. – С. 334–338.

25. Голиусова, Ю. В. О стратегиях занятости современной молодежи / Ю. В. Голиусова, Г. А. Ключарев. – Текст: непосредственный // Россия реформирующаяся. – 2017. – № 15. – С. 72–90.

26. Голиусова, Ю. В. Прекаризация занятости современной российской молодежи / Ю. В. Голиусова. – Текст: непосредственный // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень / ответственный редактор В. А. Мансуров. – Тюмень: Российское общество социологов, 2020. – С. 5132–5135. – https://doi.org/10.19181/kongress.2020.599.

27. Горшков, М. К. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – М. : ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с. – https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020. – Текст: непосредственный.

28. Гребенникова, В. М. Инфантилизация молодежи как актуальная проблема социально-психологической безопасности государства / В. М. Гребенникова, А. И. Щербина. – Текст: непосредственный // Концепт. – 2016. – № Т24. – С. 52–56.

29. Грицай, Л. А. Ослабление традиционных механизмов социального контроля в течение XX–XXI веков и его влияние на трансформацию семейных ценностей у современных молодых женщин / Л. А. Грицай. – Текст: непосредственный // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2025. – № 2. – С. 35–49.

30. Гурко, Т. А. Брак и родительство в России / Т. А. Гурко. – М. : Институт социологии РАН, 2008. – 325 с. – Текст: непосредственный.

31. Демиденко, А. С. Рискологическая концепция изучения социальной инфантильности российской молодежи / А. С. Демиденко. – Текст:

непосредственный // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). – Серия: Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 64–70. – https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-64-70.

32. Демиденко, А. С. Социальная инфантильность городской молодежи: сферы проявления / А. С. Демиденко. – Текст: непосредственный // Caucasian Science Bridge. – 2020. – Т. 3, № 3. – С. 62–70.

33. Демографическая политика в Ростовской области. – URL: https://www.donland.ru/activity/214/ (дата обращения: 20.05.2026). – Текст: электронный.

34. Добреньков, И. В. Влияние семьи на жизненные траектории молодежи в контексте региональной специфики российского общества / И. В. Добреньков. – Текст: непосредственный // Социально-экономические, политические, религиозные и этнические процессы в современном российском обществе: состояние и траектория развития : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию отдела социологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (Махачкала, 14 апреля 2026 г.) / составитель М. М. Шахбанова. – Махачкала : Формат, 2026. – С. 123–126.

35. Добреньков, И. В. Жизненные траектории молодежи Ростовской области в контексте трансформации семейных ценностей (на материалах экспертного опроса) / И. В. Добреньков. – Текст: непосредственный // Социально-гуманитарные знания. – 2026. – № 6. – С. 153–157.

36. Добреньков, И. В. Молодежь, семья и проблемы социализации в цифровую эпоху / И. В. Добреньков. – Текст: непосредственный // Социология. – 2025. – № 11. – С. 77–81.

37. Добреньков, И. В. Потенциал семьи в трансляции духовно-нравственных ценностей и формировании гражданской идентичности молодежи российских регионов / И. В. Добреньков. – Текст: электронный // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации : материалы VII Всероссийской научно-практической

конференции (Казань, 1–4 июля 2026 г.) / под редакцией Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, Л. В. Сагитовой, Э. А. Сагдиевой. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2026. – С. 99–101. – Электронные данные (2,5 Мб). – URL: http://www.tataroved.ru/publicat/books/pozitiv_opit2026.pdf.

38. Добреньков, И. В. Роль семьи в формировании общероссийской идентичности молодежи в современных социально-политических реалиях / И. В. Добреньков. – Текст: электронный // Новые смыслы идентичности в современных социально-политических реалиях : материалы Международной научно-практической конференции к 85-летию Адыгейского государственного университета (Майкоп, 8–11 октября 2025 г.) / научный редактор Р. Д. Хунагов ; ответственный редактор С. А. Ляушева. – Майкоп : ЭлИТ, 2025. – С. 452–455. – Электронные данные (4 Мб). – URL: https://elibrary.ru/lncpnx.

39. Добреньков, И. В. Семья в структуре ценностей российской молодежи в фокусе социологических исследований: теоретические и прикладные аспекты / И. В. Добреньков. – Текст: непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2025. – Вып. 4. – С. 81–87. – https://doi.org/10.53598/2410-3691-2025-4-369-81-87.

40. Добреньков, И. В. Семья и формирование семейных траекторий в представлениях молодежи Ростовской области (по материалам фокус-групп) / И. В. Добреньков. – Текст: непосредственный // Социология. – 2026. – № 6. – С. 48–53.

41. Добреньков, И. В. Ценность патриотизма в молодежной среде и роль семьи в ее формировании в условиях специальной военной операции / И. В. Добреньков. – Текст: непосредственный // Специальная военная операция и гражданское общество: социальное самочувствие, оценка, адаптация : материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Махачкала, 27 марта 2026 г.). – Махачкала : Формат, 2026. – С. 191–195.

42. Долгова, В. И. Жизненные смыслы и ценностные ориентации современной молодежи / В. И. Долгова, В. О. Богданова. – Текст:

непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2022. – № 6. – С. 239–259.

43. Доходы, семья и карьера: ВЦИОМ и Росмолодежь узнали о новых ценностях российской молодежи. – URL: https://fadm.gov.ru/news/65982/?user_lang=ru (дата обращения: 16.07.2025). – Текст: электронный.

44. Дунаева, Н. И. Представления современных студентов о семье и семейных ценностях / Н. И. Дунаева, О. А. Баринова, Ю. Ф. Курзюкова. – Текст: непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Серия: Социальные науки. – 2025. – № 2. – С. 207–214. – https://doi.org/10.52452/18115942_2025_2_207.

45. Егорова, Н. Ю. Трансформации супружества в контексте семейных ценностей / Н. Ю. Егорова. – Текст: непосредственный // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2017. – № 2. – С. 18–32.

46. Елишев, С. О. Изучение понятий «ценность», «ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте / С. О. Елишев. – Текст: непосредственный // Ценности и смыслы. – 2011. – № 2. – С. 82–96.

47. Елишев, С. О. Молодежная проблематика и подходы к определению понятия «молодежь» в социологии / С. О. Елишев. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. – Серия 18. Социология и политология. – 2017. – Т. 23, № 3. – С. 200–223.

48. Ефимова, Г. З. Семья или карьера? Счастье и успешность молодежи через ориентацию на профессиональные и семейные ценности / Г. З. Ефимова, С. Ю. Кувалдина. – Текст: непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 33–57.

49. Жиденко, А. А. Причины конфликтов и способы их разрешения в молодой семье Ростовской области / А. А. Жиденко. – Текст: непосредственный // Caucasian Science Bridge. – 2024. – Т. 7, № 3. – С. 96–106. – https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.9.

50. Жизненные приоритеты и ценности современной молодежи / Л. А. Журавлева, Е. В. Зарубина, А. В. Ручкин [и др.]. – Текст: непосредственный // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12, № 1А. – С. 158–165. – https://doi.org/10.34670/AR.2023.60.41.012.

51. Жизненные стратегии современной студенческой молодежи: взгляд в будущее / М. Ю. Ефлова, О. А. Максимова, Р. Г. Минзарипов, Л. К. Нагматуллина. – Текст: непосредственный // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 3. – С. 266–271. – https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-3-266-271.

52. Жизненные траектории молодежи: 10 лет спустя. Социологическое исследование / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко, Ф. А. Хохлушкина. – М. : Институт социологии РАН, 2010. – 277 с. – Текст: непосредственный.

53. Жизнь в стиле соло. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-v-stile-solo (дата обращения: 04.05.2026). – Текст: электронный.

54. Залевская, А. А. Выбор профессии в системе формирования профессионально-квалификационного потенциала студенческой молодежи Ростовской области (по итогам социологического опроса) / А. А. Залевская. – Текст: непосредственный // Caucasian Science Bridge. – 2021. – Т. 4, № 4. – С. 45–51. – https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.4.5.

55. Зубок, Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – Текст: непосредственный // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 13–41. – https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602.

56. Зубок, Ю. А. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – Текст: непосредственный // Россия реформирующаяся. – 2017. – № 15. – С. 12–48.

57. Зубок, Ю. А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества / Ю. А. Зубок. – М. : Социум, 1998. – 142 с. – Текст: непосредственный.

58. Зубок, Ю. А. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – М. : Academia, 2008. – 266 с. – Текст: непосредственный.

59. Зубок, Ю. А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи / Ю. А. Зубок. – М. : Мысль, 2007. – 288 с. – Текст: непосредственный.

60. Иванова, А. А. Трансформация брачно-семейных отношений в российской семье: сравнительный анализ социологических исследований / А. А. Иванова. – Текст: непосредственный // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2015. – № 4. – С. 27–32.

61. Ивченко, Н. Э. Тенденции в ценностно-нормативной сфере молодежи в отношении института семьи и брака / Н. Э. Ивченко, В. С. Жукова, Е. С. Сазонова. – Текст: непосредственный // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 9, № 2. – С. 157–164. – https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2026.02.09.017.

62. Идеальная семья – 2023. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023 (дата обращения: 15.07.2025). – Текст: электронный.

63. Ильин, В. И. Профессия как индивидуальная жизненная колея: концептуализация категории / В. И. Ильин. – Текст: непосредственный // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – Т. 13, № 4. – С. 515–528.

64. Ильинский, И. М. Молодежь и молодежная политика / И. М. Ильинский. – М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2025. – 639 с. – Текст: непосредственный.

65. Ильинский, И. М. Образование. Молодежь. Человек / И. М. Ильинский. – М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2006. – 560 с. – Текст: непосредственный.

66. Ильиных, С. А. Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации / С. А. Ильиных. – Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 4–1. – С. 220–232.

67. Ильиных, С. А. Ценности российской молодежи: традиционность в эпоху перемен / С. А. Ильиных. – Текст: непосредственный // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 1. – С. 303–306. – https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-1-303-306.

68. Ильиных, С. А. Ценности супружества, родительства, родства: смыслы и трактовка / С. А. Ильиных. – Текст: непосредственный // Caucasian Science Bridge. – 2022. – Т. 5, № 2. – С. 52–59. – https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.4.

69. Карцева, Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества / Л. В. Карцева. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 92–100.

70. Кашаев, Д. С. Трансформация концепта «семейные ценности» в сознании цифрового поколения / Д. С. Кашаев, О. Н. Шумилова. – Текст: непосредственный // Современное профессиональное образование. – 2026. – № 3. – С. 184–188.

71. Кисиленко, А. В. Проектирование жизненного пути, или Каким молодежь видит свое будущее? / А. В. Кисиленко, И. С. Шаповалова. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 2023. – № 2. – С. 83–94. – https://doi.org/10.31857/S013216250024385-6.

72. Клименко, Л. В. Прекариатизация труда и протестные настроения социально ориентированных профессиональных групп в российском обществе / Л. В. Клименко, О. Ю. Посухова. – Текст: непосредственный // Власть. – 2018. – Т. 26. № 9. – С. 134–141.

73. Ковалева, А. И. Социология молодежи: Теоретические вопросы / А. И. Ковалева, В. А. Луков. – М. : Социум, 1999. – 351 с. – Текст: непосредственный.

74. Кованова, Е. С. Семья в жизненных стратегиях молодежи в контексте демографической безопасности регионов России / Е. С. Кованова, Н. В. Бадмаева, Л. А. Холова. – Текст: электронный // Российский экономический интернет-журнал. – 2022. – № 2. – URL: https://www.e-rej.ru/upload/iblock/53d/53d18338f78ef5df139fc6c209314df3.pdf (дата обращения: 12.02.2026).

75. Козловский, В. В. Ценности семьи в представлениях студентов российских вузов / В. В. Козловский, Л. С. Панкратова, Р. В. Светлов. – Текст: непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Социология. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 649–668. – https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-4-649-668.

76. Колесникова, Е. Ю. Особенности трансформации моделей социального поведения молодежи в сфере образования в российском обществе / Е. Ю. Колесникова. – Текст: непосредственный // Философия права. – 2017. – № 4. – С. 63–69.

77. Колесникова, Е. Ю. Социальные механизмы адаптации населения приграничного региона в условиях новой территориальности / Е. Ю. Колесникова. – Текст: непосредственный // Научная мысль Кавказа. – 2024. – № 4. – С. 75–83. – https://doi.org/10.18522/2072-0181-2025-120-75-83.

78. Константинова О. Как меняются семейные ценности и почему это нормально / О. Константинова. – URL: https://companies.rbc.ru/news/7jMwlposS1/kak-menyayutsya-semejnyie-tsennosti-i-pochemu-eto-normalno/ (дата обращения: 24.04.2026). – Текст: электронный.

79. Константиновский, Д. Л. Новый характер образовательных и профессиональных траекторий молодежи / Д. Л. Константиновский, Е. С. Попова. – Текст: непосредственный // Россия реформирующаяся. – 2022. – № 20. – С. 379–399. – https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.14.

80. Кортелева, А. В. Семья и семейные ценности в оценках студенческой молодежи / А. В. Кортелева. – Текст: непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 9. – С. 52–56. – https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-9-12.

81. Лежнина, Ю. П. Институт семьи в России: на пути трансформации / Ю. П. Лежнина. – Текст: непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. – 2016. – Т. 4, № 2. – С. 70–90.

82. Лисовский, В. Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи (социологическое исследование) / В. Т. Лисовский. – Текст: непосредственный // Тугариновские чтения : материалы научной сессии. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 40–44.

83. Лиханова, Т. Ю. Жизненные ориентиры и ценности современной студенческой молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (по результатам социологического опроса) / Т. Ю. Лиханова. – Текст: непосредственный // Социально-политические науки. – 2024. – Т. 14, № 6. – С. 39–45. – https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-6-39-45.

84. Лотова, И. П. Системный подход к изучению семейных ценностей в современном российском обществе / И. П. Лотова. – Текст: непосредственный // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2015. – № 5. – С. 62–66.

85. Луков, В. А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы / В. А. Луков. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 2012. – № 1. – С. 5–17.

86. Луков, В. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ / В. А. Луков. – М. : Канон+, 2012. – 528 с. – Текст: непосредственный.

87. Луков, Вал. А. Ильинский: гуманистическая концепция молодежи / Вал. А. Луков. – Текст: непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 2. – С. 48–59.

88. Луков, С. В. Субъектность молодежи в публикациях МосГУ / С. В. Луков. – Текст: непосредственный // Горизонты гуманитарного знания. – 2020. – № 1. – С. 54–67. – http://dx.doi.org/10.17805/ggz.2020.1.4.

89. Лукьянец, А. С. Акторы и механизмы трансформации семейных ценностей: исследование молодежной среды российского мегаполиса / А. С. Лукьянец, А. А. Летуновский. – Текст: непосредственный // Социология. – 2025. – № 12. – С. 157–162.

90. Максименко, А. А. Социологическая интерпретация понятия «ценность» / А. А. Максименко. – Текст: непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 284–291.

91. Мальцева, В. Путь «школа → вуз → работа» уже не актуален – результаты исследования ВШЭ / В. Мальцева, Н. Розенфельд. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/62d0227e9a794710912218a5?from=copy (дата обращения: 22.07.2025). – Текст: электронный.

92. Мансуров, В. А. Потенциал современной молодежи: профессиональные ориентиры, личностные трансформации, традиционность и инновационность / В. А. Мансуров, Е. Ю. Иванова. – Текст: непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 11. – С. 25–36. – https://doi.org/10.24158/tipor.2024.11.2.

93. Матвеева, Е. В. Кросс-региональный анализ семейных ценностей студенческой молодежи в регионах Сибирского федерального округа / Е. В. Матвеева, А. В. Сат. – Текст: непосредственный // Вестник Пермского университета. Политология. – 2025. – Т. 19, № 1. – С. 148–155. – https://doi.org/10.17072/2218-1067-2025-1-148-155.

94. Место семьи среди профессиональных и социальных приоритетов: эмпирический анализ ценностно-смысловой сферы студентов / К. Р. Капиева, С. А. Ольшанская, А. А. Подлеснов, А. Д. Резвая. – Текст: непосредственный // Перспективы науки и образования. – 2026. – № 2. – С. 534–554. – https://doi.org/10.32744/pse.2026.2.33.

95. Мышко, Ф. Г. Влияние западных ценностей на брачно-семейные и репродуктивные установки молодежи / Ф. Г. Мышко, В. В. Попов. – Текст: непосредственный // Вестник университета. – 2025. – № 12. – С. 282–290.

96. На 10 свадеб – 8 разводов: в День семьи, любви и верности демографы заговорили о брачном поведении россиян. – URL: https://www.mk.ru/social/2025/07/07/na-10-svadeb-8-razvodov-v-den-semi-lyubvi-i-vernosti-demografy-zagovorili-o-brachnom-povedenii-rossiyan.html (дата обращения: 01.11.2025). – Текст: электронный.

97. Наберушкина, Э. К. Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения / Э. К. Наберушкина, О. В. Бессчетнова, О. А. Судоргин. – Текст: непосредственный // Журнал исследований социальной политики. – 2024. – Т. 22, № 4. – С. 697–714. – https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-697-714.

98. Нартова, Н. А. Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения образования к обретению ответственности и потере оптимизма? / Н. А. Нартова, А. М. Фатехов. – Текст: непосредственный // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 4. – С. 319–344. – https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1832.

99. Небольсина, Е. Отложенное взросление: какие жизненные сценарии выбирает современная молодежь / Е. Небольсина. – URL: https://economics.hse.ru/ecjourn/news/1087232890.html (дата обращения: 27.10.2025). – Текст: электронный.

100. Невеличко, Л. Г. Проблемы трансформации института семьи и брака на современном этапе / Л. Г. Невеличко, И. М. Воротилкина. – Текст: непосредственный // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14, № 2. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/43SCSK223.pdf. – https://doi.org/10.15862/43SCSK223.

101. Николаева, Е. А. Семейные ценности современных студентов: вызовы и трансформации / Е. А. Николаева. – Текст: непосредственный // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2025. – № 3. – С. 175–178.

102. Огарева, Е. И. Трансформация взрослости в эпоху цифровизации / Е. И. Огарева, Н. В. Лик, Д. И. Сероштанов. – Текст: непосредственный // Управленческое консультирование. – 2021. – № 12. – С. 138–144. – https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-12-138-144.

103. Омельченко, Е. Л. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике / Е. Л. Омельченко, И. В. Лисовская. – Текст: непосредственный //

Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2. – С. 66–92. – https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078.

104. Осипова, Л. Б. Роль семьи в выборе жизненной траектории молодежью / Л. Б. Осипова. – Текст: электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–2. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=22261 (дата обращения: 09.02.2026).

105. Основные источники внутренних и внешних угроз региональной безопасности: на примере Ростовской области в условиях проведения Специальной военной операции / В. И. Бригадин, А. Ю. Соловьева, Н. С. Делов, Д. К. Григорян. – Текст: непосредственный // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2024. – Т. 13, № 8. – С. 1614–1623.

106. Особенности формирования и динамика демографической ситуации в Ростовской области / Ю. Ю. Меринова, А. Б. Эртель, А. Д. Хаванский, С. В. Левченко. – Текст: непосредственный // Успехи современного естествознания. – 2026. – № 3. – С. 43–50. – https://doi.org/10.17513/use.38488.

107. Отношение молодых женщин российской провинции к институту семьи и брака / Л. Н. Духанина, Т. Н. Каменева, А. А. Максименко, Г. В. Попова. – Текст: непосредственный // Научный результат. Социология и управление. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 74–100. – https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-6.

108. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 270 с. – Текст: непосредственный.

109. Парфенова, О. А. Зумеры и бумеры: межпоколенная солидарность в современном российском обществе / О. А. Парфенова, И. С. Петухова. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. – Серия 18: Социология и политология. – 2024. – Т. 30, № 3. – С. 312–339. – https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-3-312-339.

110. Парфенова, О. А. Поколение Z как самые молодые из нынешних взрослых: штрихи к портрету зумеров сквозь призму межпоколенных отношений / О. А. Парфенова. – Текст: непосредственный // Вестник Нижегородского

университета им. Н. И. Лобачевского. – Серия: Социальные науки. – 2024. – № 2. – С. 126–133. – https://doi.org/10.52452/18115942_2024_2_126.

111. Полюшкевич, О. А. Социальная ответственность и инфантильность современной молодежи / О. А. Полюшкевич. – Текст: непосредственный // Гуманитарный вектор. – 2026. – Т. 21, № 1. – С. 27–38. – https://doi.org/10.21209/1996-7853-2026-21-1-27-38.

112. Попова, Н. М. Характеристика семейных ценностей и репродуктивные установки студентов медицинского вуза / Н. М. Попова, А. В. Попов, М. А. Иванова. – Текст: электронный // Социальные аспекты здоровья населения. – 2025. – Т. 71, № 1. – URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/1719/30/lang. – https://doi.org/10.21045/2071-5021-2025-71-1-10 (дата обращения: 12.09.2025).

113. Посухова, О. Ю. Прекариат мегаполиса и профессиональная идентичность в контексте неявного знания / О. Ю. Посухова, П. И. Маскаев. – Текст: непосредственный // Журнал институциональных исследований. – 2016. – Т. 8, № 4. – С. 92–105.

114. Пронина, Е. И. Динамика образовательных и профессиональных траекторий российской молодежи / Е. И. Пронина. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 2025. – № 6. – С. 152–155. – https://doi.org/10.7868/S3034601025050146.

115. Радаев, В. В. Откладывают ли молодые поколения свое взросление, и в чем это проявляется / В. В. Радаев. – Текст: непосредственный // Демографическое обозрение. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 4–44. – https://doi.org/10.17323/demreview.v12i4.30411.

116. Рейтинг регионов России по уровню рождаемости: от лидеров до отстающих – по данным 2025 года. – URL: https://rdt-info.ru/analytics/2026/01/11/23550/top-regionov-rossii-po-urovnyu-rozhdaemosti-dannye-rosstata-po-2025-godu.html (дата обращения: 03.03.2026). – Текст: электронный.

117. Рожкова, Л. В. Семейные ценности современной молодежи / Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина. – Текст: непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Серия: Социология. Политология. –

2023. – Т. 23, вып. 2. – С. 138–142. – https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-138-142.

118. Романович, Н. А. Представления молодежи о браке и семье / Н. А. Романович. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 2023. – № 3. – С. 135–140. – https://doi.org/10.31857/S013216250021750-8.

119. Российские студенты: вчера, сегодня… завтра? – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskie-studenty-vchera-segodnja-zavtra (дата обращения: 15.07.2025). – Текст: электронный.

120. Рубчевский, К. В. Социализация личности: интериоризация и социальная адаптация / К. В. Рубчевский. – Текст: непосредственный // Общественные науки и современность. – 2003. – № 3. – С. 147–151.

121. Русанова, А. А. Семья как ценность и институт социального самоопределения студенческой молодежи / А. А. Русанова. – Текст: непосредственный // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 4. – С. 84–92.

122. Савельева, Ж. В. Взросление студенческой молодежи: маркеры, особенности, оценки / Ж. В. Савельева, А. В. Литвинова. – Текст: непосредственный // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 3. – С. 313–317. – https://doi.org/10.24412/1998-5533-2025-3-313-317.

123. Седова, Н. Н. Жизненные стратегии молодежи столиц и провинций / Н. Н. Седова. – Текст: непосредственный // Социально-политические науки. – 2024. – Т. 14, № 6. – С. 217–231. – https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-6-217-231.

124. Селезнева, Е. В. Возрастные и культурные особенности представлений о возрастных границах молодости / Е. В. Селезнева. – Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. – 2022. – № 1. – URL: https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/202/202 (дата обращения: 15.11.2025).

125. Семенцова, К. Р. Брачно-семейное поведение молодежи в современном российском обществе: установки и ценности / К. Р. Семенцова. – Текст:

непосредственный // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 109–113. – https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-4-109-113.

126. Семья как социальная ценность в представлениях молодого поколения / П. Л. Кривошеева, М. И. Лазарева, З. Б. Тасова, Ю. В. Евстафьева. – Текст: непосредственный // Медицинская наука и образование Урала. – 2025. – Т. 26, № 2. – С. 26–30.

127. Сердюченко, Я. В. Факторы формирования жизненного мира молодой семьи в Ростовской области / Я. В. Сердюченко. – Текст: непосредственный // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2017. – № 3. – С. 249–253.

128. Сережко, Т. А. Концептуальные основы исследования жизненных стратегий молодежи приграничного региона / Т. А. Сережко, В. А. Толстиков, Д. А. Кохан. – Текст: непосредственный // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 1. – С. 97–99.

129. Силласте, Г. Г. Институт семьи и смена моделей репродуктивного поведения россиян в условиях формирования нового социогендерного порядка и страновой демографической среды / Г. Г. Силласте. – Текст: непосредственный // Цифровая социология. – 2024. – Т. 7, № 2. – С. 4–12. – https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-2-4-12.

130. Силласте, Г. Г. Рынок труда, занятости и профессий как экономическое пространство формирования нового гендерного порядка / Г. Г. Силласте. – Текст: непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 2. – С. 38–51. – https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.4.

131. Силласте, Г. Г. Социальная субъектность семьи в процессе формирования нового гендерного порядка / Г. Г. Силласте. – Текст: непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 4. – С. 14–26. – https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.2.

132. Синельников, А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? / А. Б. Синельников. – Текст: непосредственный // Социологический журнал. – 2018. – Т. 24, № 1. – С. 95–113. – https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715.

133. Синьковская, И. Г. Жизненные и брачно-семейные траектории современной молодежи (на примере молодежи Красноярского края) / И. Г. Синьковская, А. К. Лукина, И. В. Малимонов. – Текст: непосредственный // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 10. – С. 128–134.

134. Смак, Т. Отложенное взросление: новая норма или социальный риск / Т. Смак. – URL: https://actualcomment.ru/otlozhennoe-vzroslenie-novaya-norma-ili-sotsialnyy-risk--2601221635.html (дата обращения: 24.02.2026). – Текст: электронный.

135. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире / Г. У. Солдатова. – Текст: непосредственный // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 71–80. – https://doi.org/10.17759/ sps.2018090308.

136. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с. – Текст: непосредственный.

137. Спиридонов, Д. В. Феномен отложенного материнства и вспомогательные репродуктивные технологии: социально-экономические и демографические аспекты / Д. В. Спиридонов, И. Г. Полякова. – Текст: непосредственный // Мир России. – 2024. – Т. 33, № 3. – С. 75–98. – https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-3-75-98.

138. Старостина, С. А. Жизненные стратегии современной молодежи / С. А. Старостина. – Текст: непосредственный // Наука и современность. – 2014. – № 27. – С. 141–145.

139. Стрелец, И. Э. Роль образовательной среды вуза в формировании ценности семьи: оценка российского студенчества / И. Э. Стрелец, Д. С. Мухортов, Ю. С. Маркова. – Текст: непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Социология. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 586–599. – https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-3-586-599.

140. Суховская, Д. Н. Социологическое исследование поведенческой моды поколения Z: зумеры и практики филантропии / Д. Н. Суховская. – Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 66. – С. 160– 178. – https://doi.org/10.17223/1998863X/66/15.

141. Темнова, Л. В. Карьерные траектории выпускников российских вузов естественнонаучного и гуманитарного направлений подготовки / Л. В. Темнова, А. А. Киричек. – Текст: непосредственный // Перспективы науки и образования. – 2024. – № 2. – С. 97–113. – https://doi.org/10.32744/pse.2024.2.6.

142. Ткаченко, О. В. Характерные черты и масштаб культурной маргинализации студенчества в Ростовской области / О. В. Ткаченко. – Текст: непосредственный // Общество: социология, психология, педагогика. – 2026. – № 4. – С. 41–46. – https://doi.org/10.24158/spp.2026.4.4.

143. Тоганова, Ж. К. Цифровая социализация: дети и подростки в современном информационном пространстве / Ж. К. Тоганова, М. Б. Сыздыкова. – Текст: непосредственный // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2024. – № 1. – С. 144–154. – https://doi.org/10.26907/2079-5912.2024.1.144–154.

144. Тогузаева, Е. Н. Нормативное развитие института пропаганды традиционных семейных ценностей / Е. Н. Тогузаева. – Текст: непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – № 3. – С. 310–315.

145. Томас, У. Методологические заметки / У. Томас, Ф. Знанецкий. – Текст: непосредственный // Американская социологическая мысль: тексты / под редакцией В. И. Добренькова. – М. : Издательство Московского университета, 1994. – С. 335–357.

146. Тощенко, Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы / Ж. Т. Тощенко. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 6–17.

147. Тощенко, Ж. Т. Прекарный труд в России: состояние и тенденции / Ж. Т. Тощенко, Р. И. Анисимов. – Текст: непосредственный // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 2. – С. 93–103.

148. Тощенко, Ж. Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни / Ж. Т. Тощенко. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 2016. – № 11. – С. 3–14.

149. Тощенко, Ж. Т. Смыслы жизни как концентрированное выражение ценностных ориентаций / Ж. Т. Тощенко. – Текст: непосредственный // Альтернативы. – 2017. – № 1. – С. 52–66.

150. Тощенко, Ж. Т. Смыслы как качественная и сущностная характеристика социологии жизни / Ж. Т. Тощенко. – Текст: непосредственный // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 5. – С. 13–28. – https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.5.1.

151. Тощенко, Ж. Т. Социология жизни / Ж. Т. Тощенко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 399 с. – Текст: непосредственный.

152. Тощенко, Ж. Т. Социология жизни как теоретическая концепция / Ж. Т. Тощенко. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 2015. – № 1. – С. 106–116.

153. Треть разведенных граждан заключили брак повторно в 2024 году. – URL: https://regions.ru/obschestvo/tret-razvedennyh-grazhdan-zaklyuchili-brak-povtorno-v-2024-godu (дата обращения: 24.04.2026). – Текст: электронный.

154. Трудоустройство молодежи в современной России: современные возможности, проблемы, решения. – URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/doklad_trudoustroistvo_molodezhi.pdf (дата обращения: 15.07.2025). – Текст: электронный.

155. Труфанов, Д. О. Жизненные траектории городской молодежи Красноярского края (по материалам социологического исследования) / Д. О. Труфанов, А. П. Павлов. – Красноярск: Филиал СПбИВЭСЭП в г. Красноярске, 2011. – 192 с. – Текст: непосредственный.

156. Уварова, Л. Н. Цифровая социализация: психологические особенности формирования личности в интернет-среде / Л. Н. Уварова, Д. А. Каримов. – Текст: непосредственный // Мир педагогики и психологии. – 2025. – № 5. – С. 448–453.

157. Ушамирский, А. Э. К проблеме субъектности молодежи / А. Э. Ушамирский. – Текст: непосредственный // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – № 4. – С. 16–29.

158. Фадеева, И. М. Профессионализация и депрофессионализация в современном российском обществе: взгляд социолога / И. М. Фадеева. – Текст: непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Серия: Социальные науки. – 2014. – № 1. – С. 108–113.

159. Феньвеш, Т. А. Идеология чайлдфри как проявление гедонистической жизненной стратегии современной российской молодежи на примере студентов Сибирского федерального университета / Т. А. Феньвеш, Е. Болсуновская, Е. Ю. Забелина. – Текст: непосредственный // Социодинамика. – 2024. – № 5. – С. 39–58. – https://doi.org/10.25136/2409-7144.2024.5.44107.

160. Халикова, С. С. Жизненные стратегии дальневосточной молодежи / С. С. Халикова. – Текст: непосредственный // Власть и управление на Востоке России. – 2022. – № 1. – С. 117–124. – https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-1-117-124.

161. Харченко, В. С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ / В. С. Харченко. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 2014. – № 4. – С. 54–63.

162. Хворова, В. А. Ценностные ориентиры «цифровой молодежи» мегаполиса и региона: сравнительный аспект / В. А. Хворова. – Текст: непосредственный // Записки Новгородского государственного университета. – 2022. – № 6. – С. 623–627.

163. Холин, Н. Д. Ценность семьи в понимании российской молодежи: теоретический анализ трансформации понятия / Н. Д. Холин. – Текст: непосредственный // Казанский педагогический журнал. – 2019. – № 1. – С. 209–212.

164. Цвык, В. А. Профессионализация как социальный процесс / В. А. Цвык. – Текст: непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Социология. – 2003. – № 4. – С. 258–269.

165. Ценности молодежи. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi?ysclid=miwdyziqv6646285730 (дата обращения: 17.07.2025). – Текст: электронный.

166. Циткилов, П. Я. Межпоколенная трансляция семейных ценностей: анализ социологического исследования студенческой молодежи Юга России / П. Я. Циткилов. – Текст: непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2025. – № 2. – С. 35–47. – https://doi.org/10.21064/WinRS.2025.2.3.

167. Чередниченко, Г. А. Жизненные траектории молодежи на разных этапах образования / Г. А. Чередниченко. – Текст: непосредственный // Социологический журнал. – 2003. – № 4. – С. 50–65.

168. Чередниченко, Г. А. Занятость молодежи и профессионально-образовательные траектории / Г. А. Чередниченко. – Текст: непосредственный // Социологический журнал. – 2010. – № 3. – С. 52–74.

169. Чередниченко, Г. А. Молодежь после получения среднего образования: образовательные и профессиональные траектории / Г. А. Чередниченко. – Текст: непосредственный // Вестник Института социологии. – 2011. – Т. 2, № 1. – С. 67–86.

170. Чередниченко, Г. А. Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты / Г. А. Чередниченко. – Текст: непосредственный // Социологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 53–74.

171. Черкашов, Е. М. Жизненные траектории молодежи и ее социальное беспокойство о будущем России / Е. М. Черкашов, Л. В. Гуляева. – Текст: непосредственный // Siberian Socium. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 69–81. – https://doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-1-69-81.

172. Чикарова, Г. И. Специфика целеполагания работающей молодежи в условиях неопределенности / Г. И. Чикарова. – Текст: непосредственный //

Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 12. – С. 133–136. – https://doi.org/10.24412/0869-8120-2025-12-133-136.

173. Чупров, В. И. Молодежь: духовное воспроизводство в условиях риска / В. И. Чупров. – Текст: непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Социология. – 2004. – № 6–7. – С. 7–17.

174. Чупров, В. И. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма / В. И. Чупров. – Текст: непосредственный // Гуманитарий Юга России. – 2018. – Т. 7, № 4. – С. 13–25.

175. Шаповалова, И. С. Городская и сельская молодежь: анализ жизненных стратегий / И. С. Шаповалова. – Текст: непосредственный // Регионология. – 2026. – Т. 34, № 1. – С. 181–209. – https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.181-209.

176. Шаповалова, И. С. Жизненные стратегии молодых россиянок (региональный аспект) / И. С. Шаповалова, Е. А. Чернышева, И. С. Заводян. – Текст: непосредственный // Женщина в российском обществе. – 2026. – № 1. – С. 116–136. – https://doi.org/10.21064/WinRS.2026.1.8.

177. Шаповалова, И. С. Матримониальные диспозиции молодежи как объект социологического анализа / И. С. Шаповалова. – Текст: непосредственный // Научный результат. Социология и управление. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 167–191. – https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-9.

178. Шаповалова, И. С. Стратегии самореализации региональной молодежи: диспозиции, жизненные планы и стратификация / И. С. Шаповалова. – Текст: непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Т. 20, № 1. – С. 124–142. – https://doi.org/10.22394/2071-2367-2025-20-1-124-142.

179. Шашкова, Я. Ю. Динамика ценностных приоритетов российской молодежи в современных геополитических условиях / Я. Ю. Шашкова, Д. А. Казанцев. – Текст: непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 2024. – Т. 26. № 2. – С. 357–372. – https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-357-372.

180. Широкалова, Г. С. Совместные думы: какой быть семье (в) России… / Г. С. Широкалова. – Текст: непосредственный // Философия хозяйства. – 2025. – № 3. – С. 267–280. – https://doi.org/10.5281/zenodo.15424601.

181. Шурыгина, Е. Г. Институциональные условия социальной активности студенческой молодежи Ростовской области / Е. Г. Шурыгина, А. Э. Пилипенко. – Текст: непосредственный // Гуманитарий Юга России. – 2020. – Т. 9, № 4. – С. 120–136. – https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.4.10.

182. Ядова, М. А. Жизненные траектории городской молодежи в России и за рубежом / М. А. Ядова. – Текст: непосредственный // Социология города. – 2023. – № 1. – С. 20–29. – https://doi.org/10.35211/19943520_2023_1_20.

183. Ядова, М. А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности / М. А. Ядова. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 2022. – № 2. – С. 83–93. – https://doi.org/10.31857/S013216250011067-6.

184. Andreeva, A. S. Young people’s life and career choices in times of uncertainty / A. S. Andreeva, E. S. Bemler. – Текст: непосредственный // Journal of Youth Studies. – 2025. – Vol. 28, № 2. – P. 462–477. – https://doi.org/10.1080/13676261.2024.2446959.

185. Bozzetti, A. Differing patterns of employment for university students: the role of family background, educational choices and access to benefits / A. Bozzetti, N. De Luigi, L. Vergolini. – Текст: непосредственный // Journal of Youth Studies. – 2025. – Vol. 28, № 6. – P. 983–1002. – https://doi.org/10.1080/13676261.2024.2321497.

186. Cruel optimism of waiting: precarity experiences of young adults in Turkey / F. Gökşen, B. Küçük, G. Cöbek [et al.]. – Текст: непосредственный // Journal of Youth Studies. – 2025. – Vol. 28, № 4. – P. 621–636. – https://doi.org/10.1080/13676261.2023.2294304.

187. Fu, J. Rethinking education and work relationships in youth transition: an alternative metaphor / J. Fu. – Текст: непосредственный // Journal of Youth Studies. –

2024. – Vol. 27, № 10. – P. 1510–1527. – https://doi.org/10.1080/13676261.2023.2228726.

188. Giuliani, M. Supporting young adults' life choices: A longitudinal perspective on the role of welfare effort across crises / M. Giuliani, I. Madama. – Текст: непосредственный // YOUNG. – 2026. – Vol. 34, iss. 1. – P. 6–25. – https://doi.org/10.1177/11033088251325612.

189. Hook, J. Women's educational advantage and the gendered division of housework: Couples in France, Germany, Italy and the UK / J. Hook, T. Nazio. – Текст: непосредственный // Journal of Family Research. 2025. – Vol. 37. – P. 81–97. – https://doi.org/10.20377/jfr-1168.

190. Kaplan, A. Generational differentiations: perceptions of gender roles and family life among three generations of young adults / A. Kaplan, N. Lavie. – Текст: непосредственный // Journal of Youth Studies. – 2026. – P. 1–20. – https://doi.org/10.1080/13676261.2026.2677027.

191. Kauppinen, T. M. Parental social disadvantage as a determinant of welfare reliance among young adults before and after the Great Recession / T. M. Kauppinen, S. Karvonen, L. Kestilä. – Текст: непосредственный // Journal of Youth Studies. – 2025. – Vol. 28, № 4. – P. 675–692. – https://doi.org/10.1080/13676261.2023.2297025.

192. Kuang, B. Is marriage 'just a paper'? Why men and women choose cohabitation over marriage in the Philippines: insights from focus group data / B. Kuang. – Текст: непосредственный // Genus. – 2025. – Vol 81, № 1. – https://doi.org/10.1186/s41118-025-00263-2.

193. Leshchenko, O. Flexible working time arrangements and work-life conflict: The role of gender and housework / O. Leshchenko, S. Strauss. – Текст: непосредственный // Journal of Family Research. – 2025. – Vol. 37. – P. 205–226. – https://doi.org/10.20377/jfr-1186.

194. Lesthaeghe, R. The second demographic transition, 1986–2020: sub-replacement fertility and rising cohabitation–a global update / R. Lesthaeghe. – Текст: непосредственный // Genus. – 2020. – Vol. 76. – https://doi.org/10.1186/s41118-020-00077-4.

195. Morris, K. Getting a foot in the door: local labour markets and the school-to-work transition / K. Morris. – Текст: непосредственный // Journal of Youth Studies. – 2025. – Vol. 28, № 1. – P. 137–157. – https://doi.org/10.1080/13676261.2023.2248905.

196. Nartova, N. Construction of a generation by Russian youth in the context of radical social transformations / N. Nartova. – Текст: непосредственный // YOUNG. – 2026. – Vol. 34, iss. 1. – P. 75–90. – https://doi.org/10.1177/11033088251332767.

197. Ramos, V. J. Research note: Merry now, marry later? Initial labor market conditions and marital intentions in the Philippines / V. J. Ramos, M. J. Vital. – Текст: непосредственный // Journal of Family Research. – 2025. – Vol. 37. – P. 307–317. – https://doi.org/10.20377/jfr-1226.

198. Schmidt, E.-M. Needing a child to be fulfilled? The relevance of social norms around childbearing desires in collective orientations and individual meanings / E.-M. Schmidt. – Текст: непосредственный // Journal of Family Research. – 2024. – Vol. 36. – P. 5–24. – https://doi.org/10.20377/jfr-942.

199. Stratified patterns of adolescent employment and their relation to educational attainment / A. Kaplan, A. Herbst-Debby, M. Endeweld, N. Achouche. – Текст: непосредственный // Journal of Youth Studies. – 2024. – Vol. 27, № 4. – P. 588–608. – https://doi.org/10.1080/13676261.2022.2156780.

200. Tomlinson, M. Conceptualising transitions from higher education to employment: navigating liminal spaces / M. Tomlinson. – Текст: непосредственный // Journal of Youth Studies. – 2024. – Vol. 27, № 8. – P. 1079–1096. – https://doi.org/10.1080/13676261.2023.2199148.

201. Tucci, V. Housing independence pathways in Europe: the influence of parents' socio-economic background in times of economic stress / V. Tucci. – Текст: непосредственный // Journal of Youth Studies. – 2025. – Vol. 28, № 8. – P. 1195–1215. – https://doi.org/10.1080/13676261.2024.2378307.

202. Viable youth futures / J. Dyson, C. Jeffrey, A.Third, S. Threadgold. – Текст: непосредственный // Journal of Youth Studies. – 2025. – Vol. 28, № 6. – P. 846–849. – https://doi.org/10.1080/ 13676261.2025.2472959.

203. What role do young people believe Universal Basic Income can play in supporting their mental health? / E. A. Johnson, H. Webster, J. Morrison [et al.]. – Текст: непосредственный // Journal of Youth Studies. – 2025. – Vol. 28, № 1. – P. 175–194. – https://doi.org/10.1080/13676261.2023.2256236.

204. World values survey: Round seven – country-pooled datafile version 6.0 / C. Haerpfer, R. Inglehart, A. Moreno [et al.]. – Madrid, Spain ; Vienna, Austria : JD Systems Institute & WVSA Secretariat, 2022. – https://doi.org/10.14281/18241.24. – Текст: непосредственный.

Приложение А

Программа социологического исследования на тему
«Роль семьи в выборе и реализации жизненной траектории молодежи»

Обоснование проблемы. Жизненная самореализация молодежи, которая предполагает ее включение в систему социальных практик в процессе получения образования, профессионально-трудового опыта и создания семьи, выступает важнейшим индикатором не только социальной зрелости и успешности молодежи, качества ее жизни и социального самочувствия, но и благополучия самого общества, его потенциала социально-экономического развития и социокультурного воспроизводства. Это положение легло в основу многих государственных программных и концептуальных документов, в том числе и на региональном уровне, ориентированных на поддержку молодежи в рамках реализации молодежной, демографической политики[192].

Ситуация на сегодня такова, что, с одной стороны, современный мир предоставляет множество возможностей в выборе жизненных траекторий и путей для самореализации молодежи, а с другой – эти возможности часто ограничиваются реалиями региональных условий, реализуемой социальной политикой, уровнем экономического благополучия региона, и значимая часть ответственности за процесс формирования и реализации жизненных планов и стратегий молодежи ложится на семью. В ней закладываются установки на жизненную самореализацию молодежи, и происходит это, как правило, в контексте ресурсного потенциала семьи, ее культурного капитала.

Российская молодежь в рамках общемирового вектора демонстрирует изменение поведенческой модели в границах реализации жизненной траектории, которую принято называть отложенным взрослением или поздним взрослением. Это относится к самым важным формам жизненной траектории –

[192] Демографическая политика в Ростовской области. URL: https://www.donland.ru/activity/214/ (дата обращения: 20.05.2026); Стратегия реализации молодежной политики в Ростовской области на период до 2030 года. URL: https://www.donland.ru/activity/2983/ (дата обращения: 20.05.2026).

образовательной, профессиональной и семейной. Важно понять причину такого изменения в социальном поведении молодых жителей страны, доминантные факторы влияния на процесс взросления в парадигме откладывания жизненно важных решений и этапов, и в данном исследовании предполагается выявить зависимость жизненных траекторий молодежи от изменения ценности семьи в ее сознании, от изменения ее роли и значимости в жизни молодых поколений с учетом особенностей их ценностного мира. Сделать это предполагается на примере Ростовской области как субъекта РФ, имеющего, с одной стороны, типичные для российского общества в целом характеристики и проблемы демографического развития, а также особенности жизненной самореализации молодежи, а с другой – специфические, обусловленные его геополитическим статусом и расположением, сложностями приграничного региона, оказавшегося в условиях «новой территориальности».

Объект и предмет исследования.

Объектом исследования выступает молодежь Ростовской области.

Предметом исследования являются образовательные, профессиональные и семейные траектории молодежи Ростовской области.

Цель исследования заключается в выявлении роли семьи в формировании и реализации образовательных, профессиональных и семейных траекторий молодежи Ростовской области.

Задачи исследования:

– определить место семьи в системе жизненно важных ценностей молодежи Ростовской области;

– выявить условия и проблемы реализации образовательных, профессиональных и семейных траекторий молодежи Ростовской области;

– охарактеризовать роль семьи в формировании и реализации образовательных, профессиональных и семейных траекторий молодежи Ростовской области;

– выявить степень детерминированности феномена отложенного взросления молодежи Ростовской области изменением роли семьи в жизни молодежи.

Гипотеза исследования сводится к предположению о том, что на жизненную траекторию молодежи в сочетании трех важнейших для жизненной самореализации составляющих (образовательной, профессиональной и семейной) в формате отложенного взросления важнейшее влияние оказывает меняющаяся ценность семьи и роль родительской семьи в жизни молодого поколения. Несмотря на то, что в массовом сознании молодежи растет значимость ценности семьи, устойчиво входящей в тройку самых значимых жизненных ценностей, эта ценность утратила свою приоритетную смысложизненную сущность.

Для реализации исследовательских задач было проведено два исследования:

Этап 1. Фокус-группы. Было проведено два фокус-групповых исследования. Первое – среди студенческой молодежи Ростовской области ($n = 11$). В нем приняли участие обучающиеся вузов (ЮФУ, ДГТУ, РГЭУ (РИНХ), ЮРИУ РАНХиГС – четыре бакалавра, два магистранта и один аспирант) и ссузов (Ростовский-на-Дону колледж связи и информатики, колледж экономики, управлении и связи ДГТУ, финансово-экономический колледж РГЭУ (РИНХ), Ростовский колледж культуры). Среди участников было шесть мужчин и пять женщин. Второе фокус-групповое исследование было проведено с представителями работающей молодежи Ростовской области. Критериями отбора участников ФГ стали место проживания, уровень образования, пол и возраст. Среди участников в возрасте от 25 до 35 лет было шесть женщин и трое мужчин; четверо – жители Ростова-на-Дону, остальные пять – из городов и сел области (г. Азов, г. Таганрог, г. Батайск, ст. Ольгинская, ст. Кировская); пять участников имеют высшее образование, четверо – среднее профессиональное.

Этап 2. Экспертный опрос ($n = 20$). Основным методом исследования стал метод глубинного интервью. Интервью проводились очно с экспертами из Ростовской области, представляющими органы региональной власти ($n = 7$),

сферу науки и образования (n = 6), СМИ (n = 3) и общественные организации (n = 4). информантами выступили эксперты, территориально проживающие в Ростовской области, обладающие необходимыми компетенциями по молодежной проблематике, имеющие опыт работы с молодежью. Среди информантов работники Министерства труда и социального развития РО, Управления по молодежной политике г. Ростова-на-Дону, Агентства развития молодежных инициатив, клуба молодых семей, образовательных учреждений (ЮФУ, РГЭУ (РИНХ), ЮРГПУ, ДТГУ), региональных СМИ (Блокнот, Rostof.ru, 161.ru).

Операционализация понятийного аппарата и эмпирические индикаторы.

Под жизненной траекторией понимается совокупность этапов и событий, через которые проходит индивид в течение своей жизни под влиянием объективных (окружающая среда с заданными параметрами жизненной самореализации и меняющимся социальным контекстом) и субъективных факторов (личные интересы, возможности, цели, потребности, ресурсы). В формате выбора между общественными критериями, установками, образцами поведения и личными ориентирами и осуществляется жизненная траектория молодежи в контексте основных трех составляющих – образовательной, профессиональной и семейной.

Под образовательной траекторией понимается совокупность этапов и событий, через которые проходит индивид в течение своей жизни с целью приобретения профессиональных компетенций, навыков и знаний, необходимых для личностной и профессиональной самореализации.

Профессиональная траектория рассматривается как совокупность этапов и событий, через которые проходит индивид в течение своей жизни в процессе адаптации на рынке труда и профессий с целью личностной и профессиональной самореализации.

Семейная траектория характеризуется как совокупность этапов и событий, через которые проходит индивид в течение своей жизни в процессе обретения и/или изменения семейного статуса.

Молодежь – социально-демографическая группа, выполняющая роль активного субъекта общественной жизни и общественного воспроизводства в соответствии с особенностями ее положения в обществе, интересов и потребностей, жизненно важных на этапе молодости. Основной ее характеристикой выступает субъектность как сущностная черта, позволяющая ее рассматривать в качестве субъекта собственной жизни, в которой ею осуществляется и реализуется выбор жизненных траекторий.

Ценности представляют собой относительно устойчивое, социально обусловленное избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных общественных благ (В. Т. Лисовский).

За основу в работе берется субъектная концепции семьи Г. Г. Силласте, а в ее рамках используется утвердившееся в социологии определение семьи как малой группы, основанной на браке или кровном родстве, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью.

Ценность семьи как единица социологического измерения раскрывается через категорию семейных ценностей, которые подразделяются на три группы: ценности супружества, ценности родительства и ценности родства.

Основными индикаторами социологического измерения жизненных траекторий молодежи в контексте ценностного влияния семьи выступают: 1) роль семьи (родительской) в выборе и реализации образовательных, профессиональных и семейных траекторий молодежи; 2) значимость семьи как ценности в жизненных траекториях молодежи.

Индикаторами, раскрывающими указанные выше, выступают:

– самостоятельность выбора образовательной, профессиональной и семейной траекторий молодежью;

– необходимость и значимость помощи родителей в процессе получения образования, трудоустройства и реализации семейных стратегий;

– влияние культурного капитала семьи на выбор и реализацию жизненной траектории в формате образовательной, профессиональной и семейной траектории;

– место ценности семьи в структуре жизненно важных ценностей молодежи и ее смысловое наполнение в координатах таких семейных ценностей, как супружество, родительство и родство.

План проведения исследования.

Проведение фокус-групповых исследований со студентами Ростовской области и работающей молодежью – январь 2026 г.

Проведение глубинных интервью с экспертами – февраль 2026 г.

Анализ полученных результатов – март–апрель 2026 г.

Приложение Б

Гайд фокус-группового исследования

Уважаемые участники ФГ, благодарю вас за согласие принять участие в обсуждении актуальных для современного российского общества вопросов. Меня зовут_____, предлагаю нам познакомиться (назвать имя, место проживания или откуда приехали в регион под запись на диктофон).

Представления о семье и ее ценность
в системе жизненных ценностей молодежи

1. Назовите самые важные ценности в вашей жизни (*не менее трех, можно и больше*).

2. Какие ассоциации приходят вам в голову, когда вы думаете о семье? Итак, семья – это… (*любые слова, образы – говорить стоит, не задумываясь особо, то, что возникает сразу при слове «семья»*).

3. У вас есть идеальные представления о семье? Какой она должна быть в вашем представлении? В чем ее основное предназначение? Что она значит лично для Вас?

Жизненные цели и планы молодежи

4. Каждый человек, как правило, ставит перед собой какие-то жизненные цели. Какие цели вы ставите перед собой? Можете назвать их по степени важности для вас? Имеет ли для вас значение последовательность их реализации? И что из перечисленного внушает вам наибольший страх (опасение) с точки зрения нереализованности в течение жизни?

5. Как бы вы описали свои возможности по реализации поставленных целей в современных условиях? На чью помощь вы рассчитываете прежде всего в их достижении? Чувствуете ли поддержку со стороны семьи, других людей, организаций? Чья поддержка для вас наиболее существенна на данный момент?

6. Каковы ваши планы на будущее? Планируете остаться в регионе или уехать? Если уехать, то куда (в другой регион РФ или за границу) и в каком формате (временно или навсегда)?

Образовательные траектории молодежи

7. Вы мечтали в детстве кем-нибудь стать? (*космонавтом, ученым, юристом, спортсменом и т. д.*). Расскажите, пожалуйста, как происходил выбор образовательного учреждения и профессии/специальности, по которой вы обучаетесь? По каким критериям выбиралась будущая специальность? Кто повлиял на ваш выбор больше всего (родители, родственники, друзья, школьные учителя и т. д.) или это был абсолютно самостоятельный выбор? Когда вы определились с выбором профессии/специальности?

8. Совпадает ли получаемое (полученное) вами образование (будущая профессия) с профессией родителей, родственников? Не было ли у вас желания продолжить дело родителей (стать представителем семейной профессиональной династии)? Как относятся родители к выбранной вами профессии / специальности обучения?

9. Какие трудности вы испытываете (испытывали) в процессе получения образования? Если у вас возникают трудности, к кому вы обращаетесь за помощью? Ощущаете (ощущали) ли вы поддержку семьи на этом жизненном этапе (образовательном)? В чем она проявляется (*эмоциональная, моральная, финансовая поддержка, обращение к связям, знакомствам…*)? Можете ли вы сказать, что можете (могли) обойтись без семейной поддержки на этапе получения образования?

10. Вы довольны своим выбором? Если испытываете разочарование, то в чем именно и почему? Если бы у вас была возможность заново сделать выбор профессии и/или образовательного учреждения, вы бы изменили свой выбор?

Профессиональные траектории молодежи

11. Вы планируете работать (или уже работаете) по получаемой в образовательном учреждении специальности? Если не планируете, то почему? Если планируете, то также объясните, пожалуйста, почему. Хотели бы вы всю

жизнь посвятить одной профессии? Состояться в ней и стать высококлассным авторитетным профессионалом?

12. При поиске работы (в настоящем или будущем) на что вы ориентируетесь прежде всего (*прибыльность, престижность, соответствие получаемой специальности, удобный график, место расположения организации, возможность проявления творчества и т. д.*)? Чье мнение для вас является или будет являться определяющим при трудоустройстве (*родителей, родственников, друзей, собственное мнение*)? На чью помощь вы рассчитываете в поиске работы, к кому обращаетесь (*родители, родственники, друзья, отдел трудоустройства, объявления в СМИ, самостоятельно осуществляете поиск*). Как вы считаете, можно ли устроиться на хорошую работу (хорошо оплачиваемую, престижную) без связей, помощи влиятельных людей, т. е. самостоятельно?

13. Как вы считаете, в каком возрасте молодой человек должен уметь полностью обеспечивать себя, быть независимым в финансовом плане от родительской семьи, т. е. приступить к трудовой деятельности?

14. Каким вы представляете свое профессиональное будущее через пять лет: «Я через 5 лет…».

Семейная идентичность и семейные траектории молодежи

15. Что сильнее всего вас объединяет с вашей семьей (*общая семейная история, семейные традиции, родственники, взаимопомощь и т. д.*)? А что вас, напротив, скорее, разделяет, разъединяет с семьей, мешает чувствовать себя полноценным членом семьи, если такие чувства вам приходится испытывать?

16. Чем вы гордитесь как представитель своей семьи? Что вы хотели бы взять от своей семьи в качестве образца для построения собственного семейного мира, семейных отношений?

17. Как вы считаете, в каком возрасте лучше всего создавать семью? Должен ли человек обязательно создать семью? Должны ли в семье обязательно быть дети?

18. Насколько важно для вас одобрение родителями, родственниками вашего выбора спутника/спутницы жизни? Считаете ли вы обязательным познакомить своего будущего спутника/спутницу жизни со своей семьей?

19. Должны ли родители помогать детям, создавшим свои семьи? Какой может быть эта помощь?

20. К кому в случае семейных ссор и конфликтов за помощью, советом вы обратитесь в первую очередь?

21. Что для вас выступает основным мотивом создания семьи?

22. Что для вас категорически неприемлемо в семейных отношениях (до такой степени, что вы готовы будете пойти на разрыв семейных связей)?

23. Каким вы представляете свое семейное будущее через пять лет? Что входит в ваши семейные планы на этот период?

24. Какие условия необходимы для реализации ваших семейных планов, если они есть? Что может им помешать?

25. И последний вопрос: как вы считаете, в современном мире легче жить с семьей или без семьи, одному? Кому легче добиться успеха – человеку, имеющему семью, или осознанно выбравшему одиночество как жизненную стратегию?

Благодарю вас за сотрудничество в изучении актуальных проблем современной российской молодежи и желаю успеха в жизненной самореализации!

Приложение В

Гайд глубинного интервью

Уважаемый эксперт!

Благодарю вас за согласие принять участие в обсуждении актуальных для современного российского общества вопросов, связанных с семейными ценностями молодежи, с ее жизненной самореализацией в региональных условиях.

Ваше экспертное мнение очень важно для нашего исследования, и я прошу вас ответить на несколько вопросов. Наша беседа будет анонимной, а полученная в интервью информация будет использована только в обобщенном виде.

1. Первый вопрос связан с противоречием, которое фиксируется между ценностью семьи в молодежной среде и реальными семейными планами и практиками. Все данные социологических опросов населения страны, в том числе и молодого, показывают, что в российском обществе традиционно сохраняется высокая ценность семьи и семейного образа жизни. Семейные ценности входят в тройку самых значимых жизненных ценностей молодежи. И тем не менее на практике молодежь не спешит создавать семьи, обзаводиться детьми. Получает распространение феномен добровольного отказа от создания семьи (добровольное одиночество). Кроме того, именно среди молодых семей наблюдается самый высокий уровень нестабильности, неустойчивости семейно-брачных отношений, что проявляется в высокой динамике разводов.

Как бы вы прокомментировали эту ситуацию разрыва между высокой ценностью семьи, семейных отношений, связей и нежеланием реализовывать эти семейные ценности? Почему молодые семьи в современной России попадают в зону риска, т. е. являются крайне неустойчивыми, быстро распадаются?

2. Следующий вопрос связан с таким явлением в молодежной среде, как отложенное взросление, которое проявляется в различных жизненных

траекториях – образовательной, семейной, профессионально-трудовой. Молодежь долго учится, позже выходит на рынок труда и приступает к профессионализации, позже создает семьи, обзаводится детьми.

Как вы считаете, эти тенденции носят универсальный для современного мира характер или данная ситуация имеет свои особенности в России? Иными словами, что в большей степени влияет на эту ситуацию (отложенного взросления): внешний мир, его ценности и установки на жизненную самореализацию, на которые ориентируется молодежь, или российские реалии, связанные с менталитетом российского народа, традициями воспитания молодых поколений, социально-экономической ситуацией и т. д.?

Как бы вы сами оценили эту тенденцию отложенного взросления с точки зрения развития молодежи и российского общества? Можете выделить плюсы и минусы в этом явлении?

3. Поговорим о жизненных траекториях молодежи в контексте роли семьи в их реализации. Основные жизненные траектории – образовательные, профессиональные и семейные. Начнем с образовательных.

Какие проблемы молодежи региона в процессе образовательной самореализации вы бы выделили как ключевые? Есть ли среди них труднопреодолимые или совсем непреодолимые?

Скажите, пожалуйста, чья поддержка при преодолении указанных вами проблем наиболее важна для молодежи региона, наиболее существенна (*семьи, друзей, государства, органов региональной власти, преподавателей и т. д.*)?

Как вы считаете, созданы ли в регионе условия для полной реализации в образовательной сфере? Возможности поступления, обучения в рамках выбранной специальности? Что делается в этом направлении в регионе? Можете привести конкретные примеры, интересные проекты на уровне реализации молодежной политики, помогающие молодежи реализовать свои образовательные потребности?

Как вы считаете, может ли молодежь региона самостоятельно, без помощи семьи реализовать свои образовательные стратегии, планы? Должна ли семья (родители) помогать молодежи? Как именно? Всегда ли эта роль положительная?

4. Поговорим о профессиональной самореализации молодежи.

Какие проблемы молодежи региона в процессе профессиональной самореализации вы бы выделили как ключевые? Есть ли среди них труднопреодолимые или совсем непреодолимые?

Скажите, пожалуйста, чья поддержка при преодолении указанных вами проблем наиболее важна для молодежи региона, наиболее существенна (*семьи, друзей, государства, органов региональной власти, преподавателей и т. д.*)?

Как вы считаете, созданы ли в регионе условия для полной реализации в профессиональной сфере? Возможности трудоустройства по специальности, карьерного роста? Что делается в этом направлении в регионе? Можете привести конкретные примеры, интересные проекты на уровне реализации молодежной политики, помогающие молодежи реализовать свои профессиональные потребности?

Как вы считаете, может ли молодежь региона самостоятельно, без помощи семьи реализовать свои профессиональные стратегии, планы? Должна ли семья (родители) помогать молодежи в этом направлении? Как именно? Всегда ли эта роль положительная?

Как вы считаете, в каком возрасте молодой человек должен уметь полностью обеспечивать себя, быть независимым в финансовом плане от родительской семьи, т. е. приступить к трудовой деятельности?

5. Поговорим о семейной самореализации молодежи.

Какие проблемы молодежи региона в процессе семейной самореализации вы бы выделили как ключевые? Есть ли среди них труднопреодолимые или совсем непреодолимые?

Скажите, пожалуйста, чья поддержка при преодолении указанных вами проблем наиболее важна для молодежи региона, наиболее существенна (*семьи, друзей, государства, органов региональной власти, преподавателей и т. д.*)?

Как вы считаете, созданы ли в регионе условия для полной реализации в семейной сфере? Возможности создания семьи, рождения и воспитания детей? Что делается в этом направлении в регионе? Можете привести конкретные примеры, интересные проекты на уровне реализации молодежной семейной политики, помогающие молодежи реализовать свои семейные потребности?

Как вы считаете, может ли молодежь региона самостоятельно, без помощи семьи реализовать свои семейные стратегии, планы? Должна ли семья (родители) помогать молодежи в этом направлении? Как именно? Всегда ли эта роль положительная?

Каков оптимальный возраст, с вашей точки зрения, для создания семьи? Должен ли человек обязательно создать семью? Должны ли в семье обязательно быть дети?

И последний вопрос: как вы считаете, в современном мире легче жить с семьей или без семьи, одному? Кому легче добиться успеха – человеку, имеющему семью, или осознанно выбравшему одиночество как жизненную стратегию?

Благодарю за сотрудничество!